

Лазутина Г.В.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЖУРНАЛИСТА

Учебное пособие.

М.: Аспект Пресс, 2000.

Настоящая книга – первое в нашей стране учебное пособие по данной дисциплине. Рассматривая проблемы профессиональной этики журналиста в контексте жизненных ситуаций, автор объясняет их с позиций новой концепции морали вообще и профессиональной морали в частности – концепции, основанной на понимании общества как саморегулирующейся системы

Предназначена для студентов факультетов журналистики вузов и колледжей.

Книга рекомендуется практическим работникам СМИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА С. 4.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Профессиональная этика журналиста как наука и практическая проблема С. 5.

ГЛАВА I. «Этично, морально, нравственно... Насочиняли всяких слов!»

Что такое мораль?

Для каждой профессии – «свой устав»?

ГЛАВА II. «Смешно говорить об этике применительно к самой конъюнктурной профессии!»

В чем суть журналистского дела?

Каков «возраст» журналистской морали?

ГЛАВА III. «Найти на писак управу могла только КПСС!»

Где «проживает» сознание группы?

Как профессиональная мораль действует в журналистике?

ВЫВОДЫ

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Профессионально-этические представления, направляющие поведение журналиста С. 63.

ГЛАВА IV. «Профессиональная позиция?.. Не нужна она, раз есть у журналиста хозяин!»

Как складываются позиции?

Каково содержание профессионального долга?

Что стоит за понятиями «профессиональная ответственность»

и «профессиональная совесть»?

Кто поступает достоинством и честью?

ГЛАВА V. «Да ваших принципов пруд пруди!»

По каким критериям определяются принципы?

На все случаи жизни?

ГЛАВА VI. «Нормы – все равно что цензура!»

На чем строить отношения с адресатом?

Раскрывать источник или скрывать?

«Не навреди!» – что это значит?

Кто такой автор?

Кем создается «нравственный климат»?

Зачем регламентировать «игры с властью»?

ВЫВОДЫ С. 111.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РАЗДУМЬЕ. ЧТО ДЕЛАТЬ?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА С. 114.

ПРИЛОЖЕНИЯ: С. 116.

1. **Международная Федерация журналистов. Декларация принципов поведения журналистов**
2. **Общество профессиональных журналистов. Кодекс этических норм**
3. **Союз журналистов России. Кодекс профессиональной этики российского журналиста**
4. **Московская Хартия журналистов. Декларация**
5. **Хартия телерадиовещателей**
6. **Положение о принципах и системе общественного контроля за соблюдением журналистами положений Кодекса профессиональной этики российского журналиста**
7. **Положение о Большом Жюри СЖР**

Люди ждут от тебя правды. Но как ее постичь, если она таится в глубинах жизни, в глубинах человеческих отношений, а у тебя в распоряжении считанные часы и ты один в нелегком своем поиске? Никто не укажет тебе конкретных его путей, никто не разделит с тобой ответственность. Каждый твой шаг – собственное решение, собственный выбор. Ты делаешь его, ориентируясь на единственного советчика – Внутренний Голос, который в трудную минуту начинает властно звучать в твоей душе.

Раздумья после бесед

*с учениками и коллегами
над тем,
что такое Внутренний
Голос,
откуда он
и почему
не каждому журналисту
дано
его слышать.*

СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Автор учебного пособия считает своим долгом высказать сердечную признательность всем, кто так или иначе способствовал рождению этой книги:

коллегам по факультету журналистики МГУ, и прежде всего его декану Я.Н. Засурскому, умеющему создать в педагогическом коллективе атмосферу человечности и творческого поиска;

коллегам по кафедре периодической печати, с которыми формально и неформально многократно обсуждались самые разные аспекты изложенного в данной работе материала;

коллегам из практической журналистики, принимавшим участие в обсуждении идей и оценок ситуации, сложившейся в журналистском корпусе России в настоящее время;

студентам факультета журналистики МГУ (в том числе слушателям спецотделения для лиц, получающих второе образование), во взаимодействии с которыми и формировалась концепция лекционного курса; а также Александру Кофанову и Роману Клепакову, выполнившим схемы 1 и 2;

членам моей семьи – их понимание, забота, моральная поддержка на всех этапах работы были для меня постоянным источником сил и вдохновения.

Особая благодарность – Институту «Открытое общество», стимулировавшему работу над учебным пособием и взявшему на себя финансовую поддержку издания.

Автор признателен и коллективу издательства «Аспект Пресс», в первую очередь его директору Л.В. Шилову, за конструктивный и творческий подход в подготовке книги к изданию.

Автор Октябрь 1999 г.

ОТ АВТОРА

«Профессиональная этика журналиста» – одна из самых молодых дисциплин в учебных планах факультетов журналистики российских вузов. Ее история едва насчитывает два десятилетия, причем последнее из них отмечено такими событиями в нашей стране, которые иначе, как потрясениями, не назовешь. По всей вероятности, этим и объясняется тот факт, что до сих пор по данному курсу не появилось ни учебников, ни учебных пособий. В педагогических целях приходилось использовать научные монографии. Значение таких работ трудно переоценить, однако решать с их помощью задачи *учебного процесса* весьма сложно. Ведь смысл занятий по профессиональной этике – не только в том, чтобы дать студентам необходимый теоретический материал. Курс призван помочь молодым людям глубоко осознать характер нравственных ценностей той профессиональной группы, в которую они готовятся вступить, и в соответствии с этими ценностями сформировать свою профессиональную позицию. Только так можно выработать у себя способность к самостоятельной нравственной ориентации, необходимой для того, чтобы наилучшим образом справляться с профессиональными обязанностями.

Предлагаемая книга – первый опыт *учебного пособия*, ориентированного на решение этих задач. Пособие полностью соответствует учебной программе курса «Профессиональная этика журналиста», разработанной автором, и содержит материал по всем ее разделам. Однако в подаче материала есть некоторые черты, не характерные для учебной литературы. Они не случайны.

Многолетний опыт работы со студентами подтвердил справедливость наблюдений и выводов психологии о том, что человек более всего открыт знанию, когда оно ему практически необходимо. Иначе говоря, запрос на знание рождает проблемные ситуации, требующие скорейшего решения. С обсуждения таких ситуаций и начинается в учебном пособии каждая глава. Названия глав персонифицируют проблемы, связывают их с конкретными персонажами, дабы и читателю захотелось включиться в разговор, почувствовать себя участником коллективного поиска истины.

Эпиграф пособия подсказан Сократом и Кантом – моими любимыми философами. Историки считают достоверным, что древнегреческий мудрец говорил в своих беседах о таинственном Внутреннем Голосе как высшем для человека нравственном авторитете (это упоминается в предьявленном философу обвинении). Сократ был одним из первых, кто услышал исходящее от разума человека, из его души веление гармонично сочетать в поведении свои интересы, свое представление о счастье с интересами общества.

Развитие этической мысли показало, что мораль – феномен более сложный, чем это виделось Сократу, но оно подтвердило ее главную особенность, открывшуюся ему: мораль руководит поведением человека *через него самого*. Голоса долга, чести и совести – вот они, проводники той заботы о жизнеспособности человечества, которую проявило мироздание, создавая социальную действительность. Кант писал по данному поводу... Впрочем, не будем спешить: о Канте нам предстоит особый разговор.

С обсуждения общих вопросов морали и начинается первая часть учебного пособия, хотя центром внимания в ней станут проблемы, связанные с возникновением профессиональной этики журналиста и механизмами ее влияния на журналистскую практику. Мы коснемся многих сторон журналистской деятельности, потому что моральное начало органически входит в любое из ее проявлений. Ведь необходимость нравственного выбора встает перед человеком такой профессии едва ли не на каждом шагу. Это и приводит к возникновению в структуре способа творческой деятельности журналиста особого звена, функция которого – моральная регуляция его профессионального поведения.

Цель второй части книги – подробно познакомить студентов с этим звеном, систематизируя профессионально-этические представления, вошедшие сегодня в обиход мирового сообщества журналистов в качестве профессиональных стандартов поведения, от которых во многом зависит успешность журналистского труда. Правда, некоторые видят в таких стандартах всего лишь «этические заморочки» и предпочитают не очень-то считаться с ними. Но это, как правило, те, кого не особенно заботит дорога к вершинам подлинного творчества.

Дело в том, что от глубины и полноты представлений о моральных стандартах (принципах, нормах, правилах) во многом зависит, насколько плодотворно и быстро будет формироваться у журналиста *способность слышать веления долга*. Патент на успех – именно в этой способности, ибо без нее не приходит профессиональная зрелость.

Отправимся же в путь, который поведет нас к главной цели – знаниям. Сами по себе они, конечно, высокий уровень нравственной культуры не обеспечат – для этого требуется долгая работа души. Но вот понять, *почему* звучит Внутренний Голос и *когда* удастся его *расслышать*, несомненно, помогут. А он лучше всякого компаса ориентирует на нелегких профессиональных маршрутах. Документы, включенные в Приложение, – своего рода вехи на этом пути.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЖУРНАЛИСТА КАК НАУКА И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

ГЛАВА I.

«ЭТИЧНО, МОРАЛЬНО, ПРАВСТВЕННО... НАСОЧИНЯЛИ ВСЯКИХ СЛОВ!»

Что такое мораль?

Для каждой профессии – «свой устав»?

Высказывания такого свойства я слышала много раз. И не только от студентов. Однажды пространным выступлением на эту тему разразился мой давний друг:

– До чего вы, исследователи, любите все усложнять! Я всю жизнь в журналистике и ни разу не почувствовал, что есть смысл городить тройной огород. Этика, на мой взгляд, и есть мораль в ее современном понимании. Рождается она не в кабинетах ученых, а в журналистской практике. Конечно, теоретики участвуют в разработке этических кодексов, но принимают-то их на своих форумах журналисты. И еще не факт, что в таких кодексах существует большая нужда. Хорошие законы – да, это потребность первостепенная. А кодексы...

Тогда я впервые подумала: сколь поверхностно подчас мы представляем себе мораль как социальное явление, сколь обеднение воспринимаем ее взаимоотношения с журналистикой! Профессиональная этика журналиста рассматривает лишь один аспект этих взаимоотношений. И даже он может открыться нам в полной мере только в том случае, если мы представим себе весь спектр связей между журналистикой и моралью, между моралью и жизнью людей. А это непросто! Ведь мораль нельзя разглядеть, нельзя потрогать руками. Она не «приписана» ни к какому социальному учреждению. Однако едва ли найдется человек, который не чувствовал бы на себе ее воздействия.

Что такое мораль?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, можно заглянуть в словари, можно покопаться в серьезных монографиях, посвященных данному социальному феномену, тем более что интересной литературы по моральной проблематике много. Но не лучше ли для начала поискать ответ самому, в жизни? К помощи книг можно будет обратиться тогда, когда потребуются «сверить» найденный ответ.

Наблюдая за стаяй журавлей, пересекающей осенний небосвод, нельзя не поразиться согласованности их действий. Четким клином летят они на высоте, делающей неразличимыми их длинные ноги и сильные серповидные крылья. Кажется, будто кто-то вычертил черной тушью этот удивительный клин, тщательно отмерив расстояние от птицы до птицы. Ориентируясь на вожака, они преодолевают тысячи километров, не сбиваясь с пути, и ни один журавль не делает попытки оторваться от стаи, найти себе собственный остров среди болот. Природа дала им **инстинкт**, *повелевающий держаться на чужбине вместе, чтобы можно было выжить*. И они действуют в соответствии с этим инстинктом.

Жизнь волчьей стаи так не отследить, тем более что вместе волки собираются в основном зимой, когда добывать пищу в одиночку становится трудно. Однако охотники свидетельствуют, что и у волков в эту пору *очень высокая согласованность действий*. Широко известны наблюдения некоего господина Рикса за ньюфаундлендскими волками. Охотясь за оленями, они прибегают к уловке, основанной на «распределении обязанностей»: большая часть стаи прячется близ оленьих троп с подветренной стороны, а несколько волков приближаются к оленьему стаду с наветренной стороны. Спасаясь от

них, олени в панике кидаются к привычным тропам, но тут-то и выскакивает из засады мощное подкрепление нападающим. Какому-то из оленей наверняка уготована гибель... Так что же: эта «производственная хитрость» волков (как, впрочем, и еще некоторых хищников) инстинктивна или выработана в опыте? Во всяком случае, она бесспорно подтверждает тот факт, что действия отдельных волков и коллективные действия стаи направляются *общей нуждой*: не дать ускользнуть добыче, «урвать» пропитание, *выжить*.

Современное природоведение утверждает, что многие млекопитающие, говоря словами натуралиста Альфреда Брэма, «живут обществами различной величины» и выполняют в них некоторые обязанности. Главная из таких обязанностей – быть вожаком. Тот, кому она достается, берет на себя заботу о безопасности всего стада, защищает его слабых членов, находит способы разрешения трудных ситуаций. Занять эту «должность» непросто: она всегда – результат победы над соперниками в упорных битвах. Как правило, вожаком оказывается старый самец, т.е. не только самый сильный, но и самый опытный в стае. Почему стая (или стадо) подчиняется ему? Да потому, что так *запрограммировано природой*: во имя выгоды каждого, которая одновременно является выгодой всех, – *надо выжить*.

У обезьян мы обнаруживаем новые особенности стадных отношений: эти животные очень чадолюбивы, способны сильно привязываться к тем, кто им делает добро, выручают попавших в беду товарищей, всегда готовы взять под свою опеку осиротевших малышей, а спасаясь бегством от более сильных врагов, стараются унести с «поля боя» не только своих раненых, но и убитых. Однако едва ли не самое интересное в жизни обезьяньих сообществ – характер наказаний, применяемых к тем, кто нарушает заведенный порядок вещей. Расшалившихся малышей наказывают за непослушание щипками, пинками, даже пощечинами. Взрослые же особи могут схлопотать за провинность более серьезные неприятности: их кусают, бьют, а то и «понижают в ранге», отдаляя от вожака. Похоже, что в опыте жизни обезьяньего стада, отмеченной растущей индивидуализацией особей, получают развитие некие *дополнительные регуляторы поведения*, призванные *подкрепить инстинкт самосохранения биологического вида, который и задает согласованность действий внутри сообщества*.

Как видим, мир «братьев наших меньших» достаточно отчетливо демонстрирует тот факт, что *согласованность жизненно важных действий программируется природой как необходимое условие выживания того или иного биологического вида, выступающее одновременно условием выживания каждой особи*. Но уже там просматривается определенная взаимосвязь: механизмы, с помощью которых это условие реализуется, *способны развиваться* вместе с развитием вида.

А теперь перенесемся мыслью в те невероятно далекие (и долгие!) времена, которые можно назвать рассветным периодом человечества. Процесс формирования человека и общества был процессом вызревания новых отношений между организмом и окружающей его средой. Суть этих новых отношений заключалась в том, что они приобретали все более *опосредованный характер*: и вещественно-энергетические, и информационно-управляющие связи начали включать в себя принципиально новый элемент – продукты деятельности, которые использовались далее в качестве инструмента этой деятельности. Вещественно-энергетические связи теперь стали осуществляться посредством орудий производства, изготовленных с помощью примитивных орудий труда; информационно-управляющие связи – посредством продуктов переработки информации, текстов, создававшихся с помощью знаков (звуковых, жестовых и мимических, цветовых и графических). Появление во взаимодействии организма и окружающей его среды этих опосредующих звеньев означало не что иное, как возникновение человека и человечества. Что же отсюда следует?

Главным средством обеспечения выживаемости нового биологического вида «человек» становится труд. Однако в информационной программе этого вида труд задан

природой лишь постольку, поскольку заданы определенные потребности и способности человека. Генетическая программа биологического вида «человек» выступает в данном случае только как фактор, предопределяющий возможности создания *новых средств регуляции поведения – информационных программ, вырабатываемых самими людьми на основе отражения ими, их психикой окружающей их реальности.* Когда у человека возникает необходимость самостоятельно программировать свои действия, эти возможности реализуются. В результате резко возрастает степень свободы индивида по отношению к общности, в которую он входит.

Данное обстоятельство имеет и плюсы, и минусы. С одной стороны, индивид обретает *способность создавать новое* и тем помогает развитию своей общности. С другой стороны, он становится опасен для общности, поскольку *может нарушить согласованность действий* соплеменников, которая по-прежнему остается и для него самого, и для общности генетически заданным условием выживания. Причем условием тем более важным, что появляется неведомая ранее и в высшей степени существенная сторона бытия, требующая такой согласованности, – **производственная деятельность.** Спасительным для возникающей социальной жизни служит то обстоятельство, что *процесс выработки индивидуальных информационных программ одновременно выступает процессом выработки специфической информационной программы общности.* Иначе говоря, в становящемся человеческом обществе *одновременно с формированием сознания индивидов и через сознание индивидов идет формирование общественного сознания.*

Представим себе, как это могло быть. События, которые переживала общность, совершались на обозримом пространстве и касались всех. Если от действий кого-то из своих членов общность выигрывала, то выигрывали все; если несла урон, то урон сказывался на каждом. Следовательно, представления, стихийно возникавшие у человека, не были произвольными. В них отражалось одно и то же происходящее, имевшее для них одинаковое значение, и это значение оказывалось их общим ориентиром: надо действовать так! В дополнение к безусловным рефлексам, получаемым с рождения, человек обретал условные рефлексы, формирующиеся в опыте. Возникали привычки, обычаи, традиции, отмеченные знаками «надо» или «не надо». На протяжении столетий складывались нравы.

Пройдет еще много-много лет, прежде чем «точки отсчета» этих «надо» или «не надо» получат научные обозначения: счастье, смысл жизни, благо, добро, зло. В тот же далекий период они, скорее всего, существовали для людей в виде определенных действий и образов этих действий. Но поскольку образы были однотипными (с однотипным смыслом), постольку они поддавались «обобществлению», т.е. становились общими, и в таком качестве закреплялись с помощью складывавшегося языка в обиходе всех, воздействуя на уклад жизни и соответственно формируя отношения членов общности.

Таким образом, сам характер возникновения сознания определил то, что составило одну из ключевых особенностей человечества: на заре социальной жизни образовался принципиально **новый механизм поддержания согласованности действий в общности, основанный на совпадении интересов и доброй воле ее членов. Он имел ценностную природу и представлял собой особую область складывавшихся общественных отношений.**

В обстоятельствах, характерных для первых ступеней человеческого общества, этот механизм был достаточно надежным. Однако последующее усложнение жизненных обстоятельств, многократно описанное в науке, влекло за собой ситуации, когда между интересами общности и индивида (или групп индивидов) возникали противоречия, не поддающиеся разрешению на добровольной основе. Найденный ранее механизм устранить их не мог. Но путь, вызвавший к жизни этот первичный механизм, оказался плодотворным и для создания новых, дополнительных механизмов поддержания согласованности действий. В частности, дабы справиться с тем, что стоит за

представлением о «не надо», начали складываться **отношения принуждения**, выступавшие в качестве антитезы (противоположности) **отношениям доброй воли**. В оформлявшемся сознании индивида они запечатлевались в виде представлений о требованиях общности (чаще всего пока еще в лице вожака) придерживаться определенных вариантов поведения под давлением «отрицательных санкций». А в устанавливавшейся общественной практике эти отношения претворились в создание аппарата для осуществления таких санкций.

Человеческое общество заявило таким образом о себе как о кибернетической системе повышенной степени надежности. Устойчивость этой системы обеспечивается *не только генетической программой вида, но и взаимодействием еще двух регулятивных структур* (в XX в. ученые назвали их «переплетенными контурами регулирования»). Одну из них образуют автономные отношения *бытия и сознания* (**контур саморегуляции**), другую – отношения *между властью, обязанной представлять интересы общности, и массами, т.е. совокупностью составляющих общность индивидов* (**контур управления**). Исходными элементами этих структур выступают те механизмы поддержания согласованности действий, о которых мы только что говорили. Они, надо полагать, и есть зарождающаяся **мораль** и зарождающееся право, возвещающее о формировании государства.

Пора, однако, оставить наших далеких предков. Свидание с ними было необходимо, чтобы представить себе естественный ход возникновения морали. Но с тех времен утекло столько воды, человечество так разрослось, бытие его так усложнилось, что немудрено усомниться: действуют ли и поныне механизмы поддержания согласованности человеческих действий, сложившиеся несколько тысячелетий назад?

Оказывается, действуют. Разумеется, развиваясь вместе с обществом, они тоже достигли высокой степени сложности, утратив свой первоначальный примитивно-прагматический характер. Однако сохранилось главное – их роль и функции в регулятивных структурах общества. То помогая друг другу в разрешении общественных проблем, то вступая друг с другом в противоречие, они продолжают «работать».

Схема 1

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ КОНТУРОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА КАК КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно понаблюдать хотя бы за жизнью одного конкретного человека. Пусть это будет, скажем, жизнь широко известного современной России майора В. Измайлова. Впрочем, приказом командующего Московским военным округом он уволен из Вооруженных Сил и свои отчеты об акции «Забытый полк» в «Новой газете» стал подписывать просто «Вячеслав Измайлов». С данной газетой он связан уже несколько лет, и вполне естественно, что именно сотрудники редакции «Новой газеты» сочли себя обязанными рассказать об этом периоде его жизни в письме Главнокомандующему Вооруженными Силами России. Познакомимся же с их рассказом:

Десятки российских военнослужащих за последний год сумел вывезти майор Измайлов из чеченского плена.

Сложнейшие переговоры, крайний риск, когда ему самому приходилось оставаться в заложниках, работа психологов и посредников позволили Вячеславу Измайлову вернуть на родину 49 живых солдат и офицеров, оставленных в Чечне во время войны или захваченных позднее. Десятки миллионов рублей, собранных читателями «Новой газеты», закупленные на них еда и одежда позволили выжить в Чечне российским матерям, разыскивающим своих сыновей, позволили перезимовать многим чеченским детям в интернатах Грозного.

Угрозы в свой адрес и в адрес сотрудников «Новой газеты», вымогательство и шантаж, попытки покушения – все это Измайлов выдержал. Ни разу за освобождение пленных мы не платили денег. Обмен или бескорыстное освобождение наших солдат и офицеров шли на человеческой основе, во многом они строились на личном уважении к майору Измайлову и его команде. Угроза увольнения, как и угроза со стороны торговцев людьми, которым Измайлов и газета «разрушали рынок», тоже висели постоянно. Майору год не платили зарплату. Не нашли места по новому месту службы. По необъясненным причинам он, несмотря на обещания, не был зачислен в группу военных журналистов Минобороны. Решением его архисложного, видимо, вопроса занимались и в администрации президента, и в пресс-службе МО – безрезультатно. Как будто возвращение солдат на родину – личное дело Измайлова...

Что же заставляло Вячеслава Измайлова действовать в таких условиях? Не было ни приказов, ни материальных стимулов, ни амбиций, напротив, – одни препоны. Но возвращение на родину жертв несправедливой войны он воспринял как свой непреложный долг. Объясняется это просто. Измайлов исходил из убеждения, что благо страны состоит в том же, в чем заключается благо ее граждан – родителей, жен, сестер и детей оставшихся в плену воинов, – в сохранении их жизней. Его добрая воля в том и состояла, чтобы служить этой цели даже вопреки собственным интересам.

А что двигало армейскими чиновниками, которые всеми силами чинили препоны многодневному подвигу майора? Ориентация на групповые амбиции, неспособность подняться на уровень общественной нравственности. В моральном противостоянии одолеть Измайлова они были не в силах, поэтому решили нанести ему удар силой права.

Какой была реакция общества на их действия, показал Интернет. В подавляющем большинстве электронных откликов звучали такие ноты в поддержку Вячеслава Измайлова:

Почему чиновники все время защищают «государство», а не нас – общество и людей? Мы их наняли на свои налоги, они же еще и выступают и мешают благородным поступкам других.

При следующих выборах эта ситуация нынешним властям вспомнится. Миллионы людей знают, чем занимается Измайлов и кто ему как «помог».

Группа «За честные выборы». Москва

Вот такие коллизии возникают в нашем сегодняшнем мире, сложном, поделенном на страны и страты, государства и нации, военных и гражданских, но по-прежнему остающемся миром людей – миром **человеческого общества**. Уже в силу этой «поделенности» *в нем не могут не действовать найденные в начале его исторического пути механизмы регуляции жизни, являющиеся средствами поддержания целостности и устойчивости общественного организма.*

Какие же выводы можно сделать из сказанного? Их несколько.

1. Мораль возникает вместе с человеческим обществом как принципиально новый механизм обеспечения согласованности действий в общности, призванный поддержать в новых условиях генетическую установку на выживаемость биологического вида «человек».

2. Зарождение морали есть длительный процесс взаимодействия складывающейся социальной практики и формирующегося сознания индивидов – процесс, ведущий к «обобществлению» результатов этого взаимодействия посредством языка и тем самым к появлению общественного сознания.

3. Сущность морали составляет добрая воля индивида к согласованию своих действий с интересами общности. Эта добрая воля изначально обуславливается тесной связью между обстоятельствами выживания индивида и общности (следовательно, близостью их витальных, т.е. жизненных, интересов). Она восходит к общим «точкам отсчета» этих интересов, фиксируемым в общественном сознании на том или ином этапе в виде определенных ценностей, и проявляется через особые отношения индивида и общности – моральные отношения.

4. В качестве исторически первой формы общественного сознания мораль была поначалу идентичной ему. Она стала ценностным фундаментом, на котором, по мере необходимости, вырабатываются новые формы общественного сознания, сохраняющие с ней более или менее прочную связь одной из своих сторон. В силу этого моральные отношения не столько существуют в обществе как специфические отношения «в чистом виде», сколько проявляются в виде одного из аспектов любого другого типа общественных отношений. Вот почему мы можем говорить о нравственных основах политики, экономики, идеологии и т.д.

5. Будучи одной из сторон любого типа социальных отношений, моральные отношения определяют основу жизненной позиции личности, а оставаясь главным элементом в контуре саморегуляции общества, включаются через личность и в контур управления (в результате чего и достигается «переплетенность» контуров).

Следовательно, хотя мораль не «прикреплена» ни к какому социальному учреждению и ее нельзя «потрогать руками», тем не менее, она является реальным компонентом социальной жизни. Ее реальность ощущает каждый человек: она дает знать о себе то муками совести, то повелением долга, то больно задетой честью, ввергая нас в глубокие эмоциональные переживания и нелегкие размышления, а иногда даже в опасные ситуации. Неудивительно, что уже на самых ранних этапах человеческого самопознания она привлекла к себе внимание людей и стала предметом их пристального изучения.

Первые сочинения, в которых излагались воззрения на мораль, появились более двух с половиной тысячелетий назад – как только наметилось разделение духовно-теоретической и материально-практической деятельности. До этого разделения в общественном сознании имел место лишь обыденный уровень, который формируется непосредственно в ходе социальной практики через сознание индивидов. Теперь же, в процессе разделения, сложился уровень теоретического сознания, представляющий собой результат целенаправленных познавательных усилий людей.

Уже в трудах древнеиндийских и древнекитайских философов предпринимались попытки объяснить происхождение добра и зла – основных «точек отсчета» при ориентации (а также при оценке) поведения человека, составляющих ключевую проблему науки о морали по сей день. Стремлением обнаружить истоки добра и зла, определить их

содержание, выяснить, в чем заключается истинное удовольствие для человека и что есть для него добродетель, пронизаны и ранние работы древнегреческих философов. Но сколько-нибудь целостная теория морали (равно как и само понятие «мораль») отсутствует даже у Сократа. А ведь он считал главной задачей философии создание учения о том, как следует жить, т.е. разработку практических рекомендаций морального свойства. Рассмотрением сущности знания Сократ занимался прежде всего потому, что полагал: оно должно предшествовать такой разработке.

Первым, кто создал развернутую и достаточно всестороннюю концепцию моральных отношений в обществе, систематизировав и критически осмыслив накопившиеся этические суждения, был Аристотель. Именно с появлением его книги «Никомахова этика» исследователи связывают *и рождение науки, изучающей мораль, и само название этой науки – этика.*

Возникшая в лоне философии, в наши дни этика, оставаясь одним из направлений философского знания, включена в контекст социологии и психологии. Как бы ни различались позиции исследователей концептуально (а разброс концепций весьма широк), игнорировать то обстоятельство, что **моральные отношения представляют собой совокупность связей, в которых проявляет себя взаимозависимость человека и общества,** для современного ученого невозможно. В эту совокупность входят связи индивидуального и общественного сознания, индивидуального поведения и общественной практики, наконец, сознания и поведения как таковых. Отсюда вытекает неизбежность возникновения в этических исследованиях, наряду с философским, также социологического и психологического аспектов. В результате современная этика становится дисциплиной, развивающейся на стыке наук и богатой разнообразным исследовательским инструментарием. Она оказывается способной дать обществу то, к чему интуитивно стремился еще Сократ: во-первых, знания о сущности морали, ее природе, структуре, функционировании, а во-вторых, специально разрабатываемые нормативы – идеалы, принципы, нормы. В соответствии с целевой направленностью исследований на тот или иной тип продукта различаются **теоретическая и нормативная этика.**

Здесь и кроется основная причина распространенного заблуждения, будто «этика и есть мораль в современном смысле». Оно порождается двумя обстоятельствами. Одно из них – этимологическое тождество греческого слова «этика», получившего статус научного понятия со времен Аристотеля, и латинского слова «мораль», введенного в научный оборот несколько позже для обозначения предмета этики. Второе (и главное!) – традиционное стремление нормативной этики влиять на моральную практику человечества, настойчиво рекомендуя ему, как жить. Тем самым она вроде бы претендует на ту роль, для которой в процессе становления человеческого общества была вызвана к жизни мораль.

Однако тождества между моралью и нормативной этикой нет и быть не может. Ведь мораль есть *объективно сложившийся механизм в регулятивных структурах общества* как кибернетической системы. Он «рассчитан» на развитие и основывается на субъективных проявлениях включенной в общественные отношения личности. Этика же – *объективно-субъективное отражение* данного механизма. Она предназначена для *постижения принципов его функционирования и содействия развитию,* т.е. для получения **знания** о морали. Но получению *достоверного* знания мешает субъективный характер отражения реальности. Ведь она воспринимается нами через целый набор призм: мы видим жизнь сквозь призму исторического периода, призму групповых, в том числе классовых, интересов, призму философской ориентации и т.д. Существующее множество этических концепций и нормативных разработок возникло, по всей видимости, для того, чтобы их влияние на мораль осуществлялось *в процессе состязательности,* и не было бы беспрепятственным, абсолютным ни для одной из них. Таким путем снижается возможность произвольного вмешательства в сложившиеся объективно механизмы,

жизненно важные для индивида, общества и биологического вида «человек». Это своего рода «страховочный пояс» социума. Теперь мы можем «сверить ответ», обратившись к наработкам ученых, литературе по этике. Увы, сделать это достаточно трудно по той причине, о которой уже упоминалось: помимо марксистской теории морали, в рамках которой преимущественно развивалась в XX в. российская этическая мысль, словари по этике насчитывают еще 27 этических теорий и направлений. Но даже в отечественной науке, представленной серьезными трудами С.Ф. Анисимова, Л.М. Архангельского, В.И. Бакштановского, Г.Г. Гумницкого, А.А. Гусейнова, О.Г. Дробницкого, В.Т. Ефимова, В.П. Коблякова, Н.Н. Крутова, Ю.В. Согомонова, Э.Ю. Соловьева, А.И. Титаренко, К.А. Шварцман, А.Ф. Шишкина и других ученых, общепринятых положений не так уж много. И это при том, что основные подходы у них, как правило, совпадают. Интересное обобщение материалов разных исследований данного направления сделал в свое время Л.М. Архангельский. Он писал:

В марксистской этике мораль рассматривается как гармоническое (или противоречивое) соотношение общественных и личных интересов при признании доминирующего значения интереса общности (рода, племени, класса, общества в целом). Это влечет за собой утверждение о том, что моральное требование (добра, должного) в принципе направляется от целого (общности) к индивидам, которые в силу объективной необходимости (сохранения и укрепления общественного образа жизни) обязаны следовать интересам целого. Хотя реальные действия людей далеко не всегда согласуются с моральными требованиями, это не исключает, а лишь подчеркивает важное значение личного нравственного самоопределения.

Индивиды как субъекты нравственных отношений обладают волей, способностью принимать и осуществлять на практике решения, т.е. необходимыми психологическими свойствами, обеспечивающими их нравственную дееспособность. Взаимоотношение общности и индивидов в нравственном аспекте конкретизируется как прямая и обратная связь признанных (объективно утвердившихся) моральных норм и поведения отдельных людей. Человеческое поведение опирается на интериоризацию (субъективацию) моральных норм и их объективацию (реализацию) в практических действиях и отношениях.

Такое повседневное функционирование морали, развертывающееся в рамках взаимодействия общего и индивидуального морального сознания, общественной и индивидуальной деятельности, позволяет отнести этот процесс к области социальной регуляции поведения. Моральная регуляция и психические механизмы регулятивной деятельности человека представляют собой различные взаимосвязанные аспекты более общего процесса – социальной регуляции.

Судя по нарисованной Л.М. Архангельским картине, в отечественной этике не было сколько-нибудь основательного опыта рассмотрения морали *в контексте кибернетического подхода к обществу как сложной системе, сформировавшей в ходе своего развития перекрестные регулятивные структуры*. В работах последних лет – обстоятельной монографии Р.Г. Апресяна «Идея морали и базовые нормативно-этические программы» и фундаментальном учебнике для вузов «Этика» А.А. Гусейнова и Р.Г. Апресяна – тоже не используются возможности, которые открывает для исследователей морали такой подход.

Между тем приведенные рассуждения Л.М. Архангельского довольно отчетливо показывают, что этическая мысль близка к проникновению в кибернетическую природу общества. И в этом смысле у нас есть основания считать, что до некоторой степени «ответ совпал». Однако – только до некоторой степени. Остановимся на расхождениях, ибо они принципиальны.

Традиционным для марксистской этики является утверждение, что мораль есть средство приведения в соответствие интересов индивида с интересами общества, поскольку последние признаются доминирующими. В таком случае мораль предстает перед нами в виде суммы требований, стихийно или с помощью этики вырабатываемых общественным сознанием и подлежащих внедрению в сознание индивидов для того, чтобы они реализовались в их поведении, а тем самым и в общественной практике. Фактически речь идет о таком регулировании, сутью которого является принуждение к «добровольному повиновению».

Подобное толкование не позволяет сколько-нибудь убедительно объяснить то решающее, на протяжении веков характеризующее моральные отношения обстоятельство, что «конечной инстанцией», определяющей нравственное поведение индивида, является он сам. Разумеется, существуют нравственные ориентиры – хранимые в общественном сознании моральные ценности. Существуют моральные санкции – положительные и отрицательные, в виде общественного мнения и демонстрационного (знаково-символического) поведения окружающих, представляющие собой реакции на конкретные поступки. Но *предпочтение* тех или иных ценностей, *выбор поступка* из возможных вариантов всегда остается за индивидом и, как говорится, «обжалованию не подлежит» (если, конечно, этот поступок лежит в границах его моральной компетенции). Почему так происходит? Каким образом могло случиться, что в обществе не возникло никаких государственных служб, способных воспрепятствовать свободному выбору индивида, как это имело место при формировании института права?

Великий немецкий моралист XVIII в. Иммануил Кант увидел объяснение данного обстоятельства в том, что человеку априорно (вне опыта, независимо от опыта) дан некий **нравственный закон**, которым и определяется его выбор той или иной максимы поведения в каждой конкретной ситуации. Кант назвал этот закон Категорическим Императивом, подчеркнув, что он имеет *всеобщий обязательный характер и проявляет себя в виде веления долга*. Следуя ему, человек отказывается от своекорыстия, но остается верным самому себе, поскольку хотя тут и есть принуждение к поступкам, но это «принуждение одним лишь разумом и его объективным законом». В связи с данным положением философ Э.Ю. Соловьев не без оснований замечает:

Истолкование морали как антиприспособленческой разумности и как меры неподатливости индивида по отношению к социальному подкупу, может быть, никакому другому веку не понятно до такой степени, как нашему, двадцатому.

XX век создал условия и для того, чтобы понять, каким образом могло возникнуть у Канта представление об априорности Категорического Императива. Логика развития кибернетических систем еще раз подтвердила справедливость основного закона эволюции: каждая новая, более сложная система содержит в себе в снятом виде механизмы, определявшие существование предшествующих систем. Социум возникает не на пустом месте, и отрицать его связи с предшествующими формами организации значит лишать себя возможности увидеть максимально возможное богатство смыслов его сегодняшнего и завтрашнего бытия. Мораль, действительно, – явление социальное, она формируется вместе с социумом как кибернетической системой новой степени сложности. Однако, как мы уже отмечали, предпосылки для ее формирования определились на предшествовавших стадиях развития кибернетических систем. Они проявились в виде инстинкта – генетической установки на необходимую для выживания биологического вида согласованность действий индивида и общности. *А носителем этой установки, носителем записанной в генах информационной программы, управляющей жизнедеятельностью вида, является каждая биологическая особь*. Столь важное обстоятельство нельзя игнорировать, говоря о возникновении морали.

Нельзя этого делать прежде всего потому, что именно данное обстоятельство сыграло решающую роль в том, как произошла трансформация регулятивных структур,

когда формирующееся человеческое общество оказалось перед необходимостью самостоятельно программировать свою жизнедеятельность. Не будем повторять того, о чем уже говорилось, подчеркнем только: *потребовался громадный исторический период, чтобы генетическая установка на согласованность поведения одного и всех – как безусловный рефлекс особи – подкрепилась у перволюдей условными рефлексами участия в коллективных производственных действиях, приведшими в итоге к возникновению осознаваемых моральных отношений.*

Эту глубинную связь между генетической установкой биологического вида «человек» и опосредующими ее моральными отношениями в социуме, действующую как добрая воля, и уловил И. Кант. Его «априорно данный нравственный закон», носителем которого выступает каждый человек, следуя ему в силу своего разума и воли, есть трансформировавшаяся в ядро сознания установка на согласованность действий, определяющая надежное, устойчивое существование и человека, и общества. Вчитываясь в строки его «Критики практического разума», исследователи еще не раз убедятся в прозорливости великого немецкого мыслителя, не сразу понятого и современниками, и потомками. Он нашел куда более сложное и глубокое объяснение сущности моральных отношений, чем принятое его критиками. Мораль вызывается к жизни *не для того, чтобы преодолеть противоречия между интересами индивида и общества, а для того, чтобы предотвратить формирование таких противоречий* в случае, когда появляется возможность их возникновения.

Моральные отношения строятся *не на требованиях общества к индивиду, а на доброй воле индивида к согласованию интересов, продиктованной осознанием их совпадения.* Именно необходимость такого согласования, претворенная в добрую волю индивида, есть **объективно данный нравственный закон.** На этой основе изначально формируется механизм *морального регулирования жизнедеятельности общества* (именно так: не поведения индивидов, а **жизнедеятельности общества**). Поскольку же периодически складываются условия, при которых противоречия заявляют-таки о себе и этот механизм оказывается недостаточно эффективным, постольку к жизни вызывается еще одна регулятивная структура – право. Однако и тогда мораль не утрачивает своего назначения, напротив, она расширяет его, в частности, опосредуя эффективность права. В известном смысле это подтверждает вывод Р.Г. Апресяна о том, что

объективно мораль как бы предзадана человеку – не только в социокультурном, но и в эпистемологическом плане: человек не познает, но лишь осознает, осваивает, практикует мораль. Мораль трансцендентна повседневному опыту человека как социального субъекта и дана ему абсолютно.

А теперь вспомним: *одновременно и благодаря становлению сознания индивидов* в процессе складывавшейся производственной деятельности формировалось общественное сознание, обогащалась трудовая практика (кто-то же изобрел колесо!), появлялись у людей представления, которые мы сейчас называем **моральными ценностями.** Новое и сегодня входит в общественное сознание через сознание индивидуальное, через творческую деятельность индивидов, осознающих себя членами общества, – иного пути нет. И это – прямое следствие той *меры свободы от внешнего диктата* (творческой свободы!), которой человек оказался наделен в силу того, что у него возник **диктат внутренний:** *нацеленность на поведение, не разрушительное для общности.* Иначе говоря, у него сформировалась **моральная установка, т.е. система внутренних побуждений к исполнению нравственного закона готовность действовать в соответствии с ним.** Моральная установка проявляет себя прежде всего как веление долга. По этому поводу Кант писал хотя и велеречиво, но убедительно:

Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы побудить волю, и не угрожаешь тем, что внушило бы

естественное отвращение в душе и пугало бы, ты только устанавливаешь закон, который сам собой проникает в душу и даже против воли может снискать уважение к себе (хотя и не всегда исполнение); перед тобой замолкают все склонности, хотя бы они тебе втайне и противодействовали.

Сердцевину долга, его объективное начало определяет связь с генетической установкой на согласованность действий как условие выживания одного и всех, – связь, трансформирующаяся на уровне осознания в *предписание такого поведения, которое не было бы вредоносным*. Отсюда – изначальная **гуманистичность морали**. А вот *императивность (повелительность) предписания*, сила голоса долга зависит и от многих субъективных моментов, в частности, от условий формирования человека, от его способности к осознанию явлений реальной действительности. Различие этих субъективных моментов и служит *предпосылкой разного уровня моральности разных людей*.

Однако моральная установка реализуется не только благодаря предписаниям долга. Она включает в себя и другие побуждения, которые также нашли отражение в категориях этики: **ответственность, совесть, достоинство, честь**. Наряду с долгом они «срабатывают» всякий раз, когда человек попадает в ситуацию принятия решения, т.е. оказывается перед выбором отношения, поступка, линии поведения. Мы слышим их «голоса», предписывающие выбор, направляющие нашу волю. И это нормально, это признак нравственного здоровья. А вот если «голоса» умолкают или если человек заставляет их замолчать, то есть все основания для тревоги: аморальность – путь к девиантному (отклоняющемуся от нормы) поведению, признак асоциальности...

Среди ученых-этиков не прекращаются споры о том, какую из категорий следует считать основной, или базовой, для логического выведения из нее всех остальных. Между тем дело не в иерархии. Для получения системного знания о морали принципиальное значение имеет не «ранг» той или иной категории, а *четкое различение функциональной определенности тех структурных элементов моральных отношений, которые такими категориями обозначаются*. Столь четкое различие важно еще и потому, что оно существенно проясняет характер связи индивидуального и общественного сознания в сфере морали. Если посмотреть на категориальный аппарат современной этики с данной точки зрения, то обнаружится, что моральные отношения отражены в нем с трех функционально различных сторон. Это дает основание представить его в виде трех групп категорий.

Категории первой группы – **долг, ответственность, совесть, достоинство, честь** – отражают *совокупность побуждений, входящих в моральную установку*. Этот внутренний инструментальный сформировался у человека для реализации нравственного закона в пору становления социума и воспроизводится в индивидуе каждого нового поколения (именно об этой группе мы пока и вели речь).

Категории второй группы – **благо, добро, зло, смысл жизни, счастье** – отражают те «точки отсчета» для ценностной ориентации, те *критерии морального поведения*, которые общество выработало в совместной созидательной деятельности и содержательно обогащает на протяжении всей своей истории, создавая при этом возможности для освоения их каждым новым поколением.

В третью группу входят категории **идеал, добродетель, порок**, которые отражают представления о *диапазоне морального развития личности* и тем самым образуют *шкалу оценок этого развития* на основании проявлений в поведении человека тех или иных нравственных качеств. Представления такого рода, будучи результатом нравственного опыта человечества, хранятся в общественном сознании и обогащаются вместе с опытом, являясь для каждого нового поколения предметом освоения в процессе нравственного становления.

Таким образом, *моральное сознание общества выступает по отношению к индивиду не столько носителем определенных требований к его поведению, сколько хранителем*

морального опыта человечества. Требования в структуре морального сознания общества представлены, но лишь постольку, поскольку они есть результат обобщения внутренних предписаний индивидов. Эти требования выполняют не императивную функцию, а *функцию эталонов* позволяющих «измерить» уровень моральности членов общества и способных скорректировать моральную установку человека если есть такая необходимость. А она может возникнуть уже в силу того, что изначальный уровень моральности людей не одинаков. Осознанно включаясь в процесс самостоятельных нравственных исканий, стимулируемых институтами гражданского общества, человек получает возможность самосовершенствования. Он сам формирует свою *жизненную позицию, т.е. систему взглядов и убеждений, выступающих в качестве ориентиров при реализации моральной установки в каждом конкретном случае выбора действий* (определение максимы с опорой на Категорический Императив).

Что касается самих внутренних предписаний, через которые воплощается моральная установка и которые отражаются в категориях долга, ответственности, совести, достоинства и чести, то они оформляются в индивидуальном сознании личности во многом по аналогии с тем, как оформлялись в общественном сознании в пору его формирования. Под влиянием генетической установки биологического вида «человек» на согласованность действий ребенок, общаясь с ближайшим окружением, представляющим институты гражданского общества (прежде всего это семья), постепенно наполняет свой внутренний мир моделями поведения, которые закрепляются в условных рефлексах и осознаются, «озвучиваются» им по мере взросления. Но вот то, *насколько* они осознаются и *как* «озвучиваются», зависит от качества окружения, от качества общения.

Моральный долг родителей заключается именно в создании условий, способствующих тому, чтобы ребенок в опыте взаимодействия с ними воспринял такие модели поведения, осознание которых обеспечивает трансформацию генетической установки биологического вида в моральную установку социального существа без каких-либо «сбоев».

Как видим, нравственное становление личности в развитом обществе включает в себя три одинаково важных процесса:

- **трансформацию генетической установки** на согласованность действий биологического вида «человек» **в моральную установку социальной личности;**
- **нравственные искания личности,** которые предполагают освоение ею накопленного обществом нравственного опыта, зафиксированного в разных формах общественного сознания, и определение своих предпочтений в области критериев и моделей поведения;
- **стимулирование нравственного самосовершенствования личности общественными структурами,** прежде всего посредством создания необходимых условий.

История свидетельствует о том, что непонимание сущности этих процессов и недооценка их важности не только приводят к негативным явлениям в нравственном развитии общества, но и отрицательно сказываются на состоянии социума в целом. Так, стремление вытеснить нравственные искания личности жестко направленным формированием системы нравственных ценностей со стороны властного аппарата тоталитарных государств, как правило, обрекает общество на стагнацию, на снижение его творческого потенциала. Если же происходит ухудшение условий жизни, обострение групповых интересов и проявляется пренебрежение общественных структур обязанностью стимулировать нравственное самосовершенствование личности, то резко обостряется естественно возникающая проблема «отцов и детей». Она оборачивается таким разбросом ценностей в массовом сознании, при котором реальной угрозой становятся серьезные социальные катаклизмы.

А теперь коснемся понятия «нравственность». Как можно было заметить, на протяжении всех наших размышлений оно употребляется в качестве синонима понятия

«мораль» – такая традиция установилась в этике. И в этом опять «виновата» этимология: русское слово «нравственность» образовано от слова «нрав», а по-латыни «нрав» – «mores», «относящийся к нравам» – «moralis». Однако со времен Гегеля наметилась тенденция различать эти понятия по смыслу. Нельзя сказать, что Гегелю или кому-то другому из философов удалось найти однозначное основание для разведения терминов. Но одно бесспорно: исследовательская мысль подошла к пониманию того, что, говоря о морали, мы опускаем какой-то весьма существенный компонент моральных отношений, требующий особого наименования. Пока удовлетворительного объяснения этому не дано. Так что и мы до поры до времени будем считать мораль и нравственность синонимами...

Почему же мы столько внимания уделяем размышлениям о морали? Дело в том, что *журналистика и мораль тесно связаны*. Впрочем, сказать «тесно связаны» – значит, ничего не сказать.

Их отношения столь многоплановы, что не поддаются схематизации. Я пробовала нарисовать такую схему – не вышло.

– У Вас просто нет инженерного видения, – сказал мне один из слушателей нашего спецотделения, авиаконструктор по первому образованию. – Обозначьте мне эти отношения в словах, и я сделаю Вам схему.

Я обозначила.

Собеседник задумчиво постучал пальцами по столу.

– Н-да... Вообще-то втиснуть в схему все это, наверное, можно, но надо основательно поломать голову. А потом... Зачем нам она? Ведь, как я понимаю, цель наших занятий – профессиональная мораль, профессиональная этика. Или не так?..

– Так-то оно так, – ответила я. – Без схемы мы, конечно, проживем. А вот без того, чтобы вникнуть во все связи журналистики и морали, нам не обойтись. Потому что профессиональная мораль регулирует *поведение журналиста*, а оно в значительной степени строится на этих связях.

В первом приближении сетка связей журналистики и морали выглядит так:

- ♦ журналистское сообщество в лице каждого своего представителя в силу естественных причин является носителем моральной установки на общественно полезное поведение; следовательно, оно *непосредственно включено в моральные отношения общества в качестве их субъекта*;

- ♦ в своих материалах журналисты рассказывают о нравах общества, о моральных коллизиях и тенденциях, – значит, *мораль, моральные отношения общества являются предметом отражения журналистики*;

- ♦ журналисты пропагандируют в прессе нравственные идеалы общества, популяризируют его моральные ценности и этические рекомендации, помогая нравственному просвещению общества; таким образом, *журналистика выступает в качестве инструмента морали*;

- ♦ при оценке описываемых явлений действительности журналисты – создатели текстов исходят из нравственного опыта человечества, из тех критериев нравственности, которые выработало общество; следовательно, в журналистике *мораль используется как профессиональный «измерительный» инструмент*;

- ♦ многогранно связанная с моралью *журналистика оказывается «задействованной» в контуре саморегуляции общественного организма*. Вместе с тем она включена и в контур управления. Поэтому противоречия, с неизбежностью возникающие между моральными отношениями (средством саморегуляции общества) и государственно-правовыми отношениями (средством управления), неминуемо проявляются и в журналистике – в виде противоречивости ее обязанностей, вызывая потребность в регулятивных механизмах теперь уже внутрисистемного уровня. (В данном случае как системное образование рассматривается журналистика.) В ответ на эту потребность формируется *профессиональная мораль*.

Впрочем, такова лишь одна из причин, обусловивших появление профессиональной морали журналиста; есть и другие причины. Они затрагивают более широкий круг обстоятельств, объясняя возникновение не только профессиональной морали в журналистике, но и профессиональной морали вообще. Каковы же эти причины?

Для каждой профессии – «свой устав»?

Причины возникновения профессиональной морали – весьма интересный предмет для размышлений, тем более что достойного внимания к себе он еще не привлек. Общая этика касается этих проблем как бы «между прочим», а профессиональная этика в силу своего исторического пути до сих пор является не столько теоретической дисциплиной, сколько неким собирательным понятием. Она объединяет этические воззрения, характерные для конкретных видов деятельности, конкретных профессий. Причем связаны эти воззрения главным образом с обоснованием или разработкой норм и правил поведения, которые могли бы помочь при разрешении типичных для данной деятельности нравственных коллизий.

Исследователь журналистской этики Д.С. Авраамов довольно пристально рассмотрел обстоятельства, определяющие тот факт, что «развитие нравственности ведет к отпочкованию от нее особых, профессиональных норм». Опираясь, вслед за Э.А. Гришиным и Ю.В. Согомоновым, на концепцию трудового происхождения морали, он считает возникновение профессиональной морали результатом конкретизации трудовой морали под воздействием процесса общественного разделения труда, вызывающего дифференциацию условий труда. С такой точки зрения профессиональная мораль выступает в качестве призмы, сквозь которую преломляются общеморальные требования к деятелю в силу соответствующей специфики деятельности, сохраняя, однако, свою суть.

Вместе с тем Д.С. Авраамов поддерживает и подкрепляет серьезными аргументами еще одно утверждение. Согласно этому утверждению, в профессиональных группах, где объектом труда является человек, мораль имеет определенную специфику, отчетливо проявляющуюся «как в наличии дополнительных требований, не являющихся эквивалентами требований общих, так и в кардинально иной расстановке нравственных ценностей в сознании специалистов».

Эти соображения исследователь развивает в рамках представлений о месте и роли профессиональной морали, суть которых заключается, по его мнению, в следующем:

Профессиональная мораль не претендует на роль универсального регулятора поведения специалиста. Сфера ее влияния ограничена трудовыми отношениями, а требования локальны... Мотивы, цели, приемы и результаты профессионального труда мораль постигает тоже только с одной, но очень важной стороны – в их ценностных значениях. Она представляет собой особый оценочно-императивный способ освоения специалистом целей и содержания своей профессиональной деятельности.

Не оспаривая роли труда в формировании морали и соглашаясь с характеристикой сферы влияния профессиональной морали, заметим, однако, что едва ли на первой ступени своего существования мораль могла иметь специализированный характер, т.е. быть *именно трудовой моралью*, ориентированной лишь на регламентацию трудового процесса. Естественно предположить, что и сам труд на том этапе еще не выделился в самостоятельную сферу деятельности, а, как все неразвитые явления, был стороной, моментом, аспектом синкретического (соединенного, объединенного, единого) процесса жизнедеятельности возникающего социума. И тот факт, что эта сторона (момент, аспект) обозначилась, вовсе не отменил существования других сторон, таких, скажем, как взаимодействие полов в целях воспроизводства рода или взаимодействие поколений. Отсюда следует, что мораль, возникновение которой действительно во многом инициировалось потребностью согласовывать действия людей во время трудовых

процессов, тем не менее, как регулятивный механизм должна была обслуживать *систему жизнедеятельности социума в целом*. Моральная установка, формировавшаяся у каждого индивида, но фактически оказывавшаяся общей, была еще и *целостной*: нравственный долг предписывал поведение «на благо себе и всем» *в любой ситуации*. Этот момент принципиально важен, поскольку позволяет зафиксировать исходный (и вечный!) компонент моральных отношений как того регулятивного механизма общественной жизни, которому предстояло в процессе саморазвития социума претерпеть многократные преобразования, приведшие к тому, что и сам он обрел системный характер.

Первое такое преобразование, надо полагать, было задано структурированием жизнедеятельности социума. На определенном этапе, в соответствии с направленностью активности в ней обозначились три относительно самостоятельных элемента: **сфера труда, сфера быта и сфера «гражданских отношений»**. Это должно было повлечь за собой (и повлекло!) *усложнение моральной установки*. Процесс такого усложнения – длительный, многовековой, но неизбежный. Ведь в *разных сферах жизнедеятельности предписываемое долгом поведение «на благо себе и всем» требовало от людей разных проявлений*. Они (проявления) отражались в психике человека как неодинаковые, но позитивно окрашенные поведенческие модели и закреплялись в общественной практике в виде трудовых, бытовых, гражданских обычаев. В конце концов, они осознавались, добавляя к исходной моральной установке три новых блока предписаний, конкретизирующих ее.

В сознании общества содержание усложнявшихся моральных установок обобщалось, фиксировалось, обрастало соответствующими критериями и эталонами поведения, детализировалось до конкретных норм. Тем самым закладывалось начало новых, относительно самостоятельных звеньев в моральных отношениях социума. Эти звенья и получили в этике названия «**трудовая мораль**», «**бытовая мораль**», «**гражданская мораль**».

На уровне кажимости отчужденные и детализированные моральные установки обретали характер надличностных требований, а на самом деле становились в обществе эталонами моральности при оценке поведения человека в той или иной сфере его жизнедеятельности – такова была их главная функция.

История человечества свидетельствует: последующее развитие сфер труда, быта и гражданских отношений на протяжении длительного периода определялось дальнейшей дифференциацией общественной жизни. Причем оснований для дифференциации было много: родоплеменные образования расселялись по земному шару, и у них соответственно менялась среда обитания; начиналось сословное деление внутри родов, вызывая несовпадение многих (прежде всего экономических) интересов; набирал силу процесс общественного разделения труда.

Все это означает, что в какие-то моменты человек вновь и вновь оказывался в кризисных ситуациях, когда *в разных условиях* ему приходилось искать для реализации какой-либо грани своей моральной установки *разные варианты поведения*, и в конечном счете она опять должна была быть конкретизирована. Для того чтобы понять, так ли это происходило, рассмотрим сферу труда, поскольку именно в этой сфере родилась профессиональная мораль – предмет нашего непосредственного интереса.

Как могло звучать для наших далеких предков предписание нравственного долга, конкретизированное в «трудовом блоке» моральной установки? К сожалению, подлинных исторических свидетельств на этот счет нет. Первые литературные памятники, в которых отражены моральные отношения в сфере труда, воссоздают более поздние времена. Попробуем найти ответ с помощью современной науки, вникнув для начала в смысл понятия «труд».

Согласно распространенной научной традиции, **труд** есть *целенаправленная активность (т.е. деятельность), ориентированная на производство общественно полезных продуктов вещественно-энергетической или информационной природы*.

Следовательно, общественно полезный продукт, будь то собранное с возделанной делянки зерно или приспособление для его размельчения, ритуальный танец перед охотой или наставление вождя племени, является элементом деятельности, который замечателен тем, что:

во-первых, делает опосредованными связи организма со средой и тем самым превращает биологическую жизнедеятельность в социальную деятельность, а «дочеловека» – в человека;

во-вторых, удовлетворяет насущные потребности отдельных членов общества и общества в целом;

в-третьих, накапливаясь, образует ресурсы жизнеобеспечения общества;

в-четвертых, предопределяет взаимозависимость членов общества, а значит, укрепляет его целостность и устойчивость;

в-пятых, содержит в себе в свернутом виде все составляющие и все отношения трудового процесса, «умирающего» в продукте.

Суммируя сказанное, можно заключить, что *продукт труда воплощает в себе витальный (жизненно важный) смысл трудового процесса и потому не только является его результатом, но и выступает в качестве его основного критерия*. Изначально для общества он есть **благо, добро**, и все, что способствует его производству, тоже есть благо и добро, а все, что мешает, – зло. Что же именно в трудовом процессе может играть роль стимула или, наоборот, тормоза?

Факторами, влияющими на течение трудового процесса, психологи считают **внешние и внутренние условия деятельности, т.е. обстоятельства природного, социального или личностного плана, на фоне которых разворачивается деятельность**. Эти обстоятельства могут быть благоприятными или неблагоприятными (обратим внимание на этимологию слова!), иначе говоря, способствующими или мешающими созданию *блага*. Внешние обстоятельства в малой степени зависят от субъекта деятельности. На внутренние же обстоятельства он, естественно, способен воздействовать. А как раз в этом ряду мы обнаруживаем моменты, которые в современной этике признаются основой трудовой морали. Имеются в виду *три типа отношений субъекта деятельности*, характерных для любой профессии в любые периоды и рассматриваемых как нравственные, а именно:

- ⊙ *отношение к обществу в целом или отдельным его группам, с которыми субъект деятельности взаимодействует;*
- ⊙ *отношение к самому процессу деятельности;*
- ⊙ *отношение к другим ее участникам.*

Получается, что достижение успеха в производстве продукта зависит от того, настроен или не настроен человек на такое отношение к обществу, процессу деятельности и другим его участникам, которое однозначно было бы благоприятным. А успех крайне важен. Следовательно, возможные «нет», «не настроен» необходимо нейтрализовать. Но для этого требуется особый стимул.

Отсюда вывод: уже в пору возникновения трудовой морали смысл представлений, составлявших «трудовой блок» моральной установки индивида, должен был содержать в себе подобный стимул. Иначе говоря, этот блок моральной установки изначально должен был заключать в себе *категорическое предписание такого отношения к трудовому процессу, его участникам и обществу, которое однозначно ведет к созданию блага*. Для краткости на современном языке данное предписание, по-видимому, может быть обозначено так: «Добросовестный труд на пользу себе и людям!»

Надо полагать, что императив, заключенный в этом предписании, имел большую силу, поскольку оно давало себя знать даже в первых рабовладельческих государствах,

где труд в его вещественно-энергетической ипостаси был преимущественно уделом порабощенных. Рабы, зачастую отторгнутые от привычного мира, от близких, поставленные в положение одушевленных орудий труда, тем не менее производили такие шедевры, которыми мы восхищаемся и поныне. Эти шедевры – результат того нравственного отношения к труду, которое уже успело войти в плоть и кровь человека. Никакому надсмотрщику было бы не под силу добиться от строителей таких точных, согласованных и выверенных движений, благодаря которым возникли греческий Парфенон и римский Колизей, если бы эти движения не направлялись еще и Внутренним Голосом. Именно этот Внутренний Голос побуждал рабов созидать во имя уже постигнутой социумом ценности – Добросовестного Труда, преодолевая до поры до времени ненависть к порабощителям.

Возникает вопрос: ну, а что же рабовладельцы – те свободные граждане античного полиса, которых принято считать классом эксплуататоров? Они что, были свободны и от моральной установки на добросовестный труд? Довольно убедительное объяснение на этот счет позволяет получить Библия. В Книгах царств, Евангелии, Псалтири, да практически в любом библейском тексте, обнаруживаются два ряда весьма любопытных обстоятельств. Первый ряд – многократные высказывания *о ценности знания, «обдумывания», мудрости*, т.е. атрибутов деятельности, которую сегодня мы определяем как **умственный труд**. Второй ряд – эпизоды *использования знаний и мудрости* во благо людям. Субъектами деятельности в большинстве таких случаев оказываются свободные.

По всей вероятности, Библия зафиксировала два очень значимых момента в истории человечества: во-первых, *отделение умственного труда от физического* (это принято считать важной вехой общественного разделения труда), а во-вторых, *распределение обязанностей по жизнеобеспечению социума между возникающими классами*. Эксплуатируемые оказывались обречены преимущественно на физический труд, эксплуататоры занимались преимущественно умственным трудом: управлением, врачеванием, судопроизводством, свободными науками и искусствами. Причем рабы, обладавшие способностями к умственной деятельности и знаниями (ведь многие из них прежде были свободными), ценились и нередко получали возможность реализовать свои данные, но, увы, чаще всего – без права на признание полноценными людьми. Фактические сведения из истории древних государств рисуют весьма красочную картину развития отношений в обществе того периода, когда складывалось упомянутое «распределение обязанностей».

Все это дает основания предположить, что именно тогда и произошла существенная трансформация «трудового блока» моральной установки индивида. Свою роль в этом сыграли два обстоятельства: с одной стороны, постепенное *осознание того, что в принципе труд может быть умственным и физическим*, а с другой – непосредственное *влияние распределения трудовых функций между разными слоями общества, образовавшими его классовую структуру*. Императив «Добросовестный труд на пользу себе и людям!» должен был приобрести *разные значения* в зависимости от положения индивида в системе общественного разделения труда, что в сложившихся условиях одновременно означало – и в зависимости от его места в формирующейся классовой структуре общества. Из этого вытекает по меньшей мере три очевидных следствия:

- ♦ Отныне моральные установки индивидов, оставаясь проявлением единого для общества нравственного закона, начинают различаться по содержанию предписаний «трудового блока». Четко определяются две модификации моральных установок: одна ориентирована на умственный труд, другая – на физический. В совокупности с изменяющимися предписаниями «гражданского» и «бытового» блоков это создает предпосылки для привнесения в мораль момента классовой ориентированности. Осуществляется такое привнесение путем направленного информационного воздействия на сознание человека со стороны управленческих структур государства.

♦ В общественном моральном сознании (а оно к этому времени существует не только через сознание индивидов и социальную практику, но и фиксированно, в виде текстов социума) накапливаются критерии и эталоны трудового поведения, ориентированного на тот и другой варианты моральной установки, *давая начало двум разным системам ценностей*. Доминирующими оказываются ценности, представляющие духовный труд, прежде всего в силу закрепленного законом «верховного» социального положения лиц, освободившихся от физического труда.

♦ В общественной практике на века закрепляется пренебрежительное отношение к физическому труду, инициирующее постоянные поиски возможностей передать тот объем человеческой деятельности, который связан с вещественно-энергетическими преобразованиями, специальным орудиям труда. Сначала в этой роли выступают рабы (и до известной степени крепостные при феодализме), потом машины и механизмы и, наконец, автоматы и роботы – детища научно-технического прогресса, которые в равной степени заставляют человечество и восхищаться ими, и опасаться их.

Фактически отделение умственного труда от физического выступало предвестником осознания того важного обстоятельства, что социальная деятельность неизбежно существует в двух вариантах: *как творческая и как репродуктивная (воспроизводящая)*. Однако фактором, определившим дальнейшую организацию общественного производства, на тот момент оказалось отнюдь не данное обстоятельство.

Дело в том, что ни один потребный обществу и созданный в нем продукт не может считаться результатом исключительно умственного или исключительно физического труда, поскольку он таковым не является. Производство продукта любой природы – это процесс, в котором обнаруживает себя сущность **социальной деятельности**, представляющей собой *диалектическое единство опосредованных информационно-управляющих и вещественно-энергетических процессов*. Нельзя соорудить ветряную мельницу, не смекнув сначала, как она может быть устроена; нельзя создать стихотворение без энергетических и хотя бы минимальных физических усилий, нужных для того, чтобы оно стало объективной реальностью. Другой вопрос, *что разная природа продуктов диктует разную меру приложения умственных и физических усилий и разные принципы их комбинации*. Именно это и оказалось решающим, когда потребности общества в разнообразных продуктах возросли настолько, что всерьез назрела необходимость в общественном разделении труда. Магистральным направлением такого разделения стало развитие *двух относительно самостоятельных потоков производства*. Они хорошо нам известны как **материальное** и **духовное** производство (или, говоря строже, производство вещественно-энергетических продуктов и производство информационных продуктов).

Схема 2.

СТРУКТУРА ОБОГАЩЕННОЙ МОРАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ ИНДИВИДА

Ни один из этих потоков нельзя свести только к умственному или только к физическому труду, ибо в каждом из них непременно присутствуют и тот, и другой, но в разной степени, в разных сочетаниях, часто с разными исполнителями. В таких случаях возникает кооперация трудовых усилий.

И ни один из этих потоков нельзя свести к деятельности только творческой или только репродуктивной. Каждый из них включает в себя и ту, и другую, поскольку они равно необходимы для нормального течения общественной жизни. Если творческая деятельность создает новые реалии, то деятельность репродуктивная обеспечивает ими общество в требуемом количестве.

Однако самоопределение творческой деятельности как *ключевого звена* производственного процесса под воздействием растущих потребностей неминуемо должно было произойти и в том, и в другом потоке. И оно произошло, повлекши за собой новую волну дифференциации общественного производства – теперь уже внутри потоков. Один за другим возникали виды творческой деятельности, специфика каждого из которых определялась спецификой нового продукта, запрашиваемого обществом. Они давали начало новым отраслям материального и духовного производства, стимулируя развитие репродуктивной деятельности и делая очевидным процесс интенсивного общественного разделения труда.

В этих условиях конкретные проявления «труда на благо» (равно как и конкретные виды блага) неизбежно становились множественными. Отражая их, сознание индивида сталкивалось с проблемой невозможности вобрать в себя их все, а тем более адаптировать к ним сложившуюся традиционным путем моральную установку.

Механизм моральной регуляции общественной жизни вновь оказался в кризисной ситуации. На этот раз она разрешилась, судя по всему, возникновением в «трудовом блоке» моральной установки индивида такого предписания, которое хотя и было категоричным, однако давало *большую степень свободы воли* и предопределяло тем самым серьезные сдвиги в моральных отношениях общества. Это предписание хорошо прочитывается и в поведении современных молодых людей с нормальным нравственным развитием, когда наступает пора их вступления в трудовую жизнь: ими движет стремление уяснить для себя смысл жизни, свою роль в ней, определить «свое дело». Надо полагать, это стремление и есть ответ на категоричный Внутренний Голос, обязывающий человека к самоопределению, требующий от него «*найти свое место в общем строю*».

Вполне естественно, что это предписание обозначилось в сознании индивида в пору интенсивного развития промышленного производства, когда стало нормой постоянное возникновение новых профессий. Историки связывают данный процесс с формированием капиталистических отношений. Во всяком случае, ни при рабовладельческом строе, ни в эпоху раннего феодализма модели поведения, которые направлялись бы таким

императивом, не были массовыми: сословные отношения сами по себе определяли место человека в общественном производстве.

Если допустить возникновение этого императива в данный период, то открывается возможность по-новому взглянуть на два зафиксированных в истории обстоятельства. Первое из них заключается в том, что как раз тогда возникла достаточно разветвленная сеть *специальных* учебных заведений, обязанных решать задачи не только образовательного, но и воспитательного характера. Второе обстоятельство состоит в том, что одновременно с этим в городах Западной Европы появились многочисленные *уставы*, регламентировавшие жизнь и деятельность работников ремесленных цехов и мастерских. В совокупности эти факты показывают, что значительная часть видов деятельности в рассматриваемый период уже достигла той степени развития, при которой можно говорить о вполне сложившемся **способе деятельности** и довольно высокой степени ее **самопознания**.

Понятие «способ деятельности», впервые введенное в научный оборот философом Э.С. Маркаряном, представляется нам первостепенно важным для осознания того, что происходит в развитии морали как регулятивной структуры общества в рассматриваемый период. Оно не тождественно понятию «метод деятельности», хотя в обиходе часто принимается за его синоним. Суть в том, что понятием «**способ деятельности**» обозначается *совокупность всех процессуально-инструментальных особенностей конкретного вида деятельности, задаваемых спецификой производимого ею продукта*. Сегодня эти особенности можно выстроить в четыре ряда:

- ◆ комплексы задач, последовательно решаемых в ходе акта деятельности и определяющих специфику его операциональной структуры;
- ◆ набор методов, необходимых для решения данных задач;
- ◆ технический инструментарий, используемый при этом;
- ◆ стандарты профессионального поведения, рекомендуемые для достижения успешного результата деятельности.

Таким образом, способ того или иного вида деятельности воплощает в себе ее специфику. А поскольку формируется способ деятельности вместе с самой деятельностью, через осмысление удач и промахов, как селекция (отбор) условий, при которых достигается успех, то он оказывается и «копилкой» ее позитивного опыта. А это означает, что он может быть освоен, *поддается изучению*.

Возникновение сети специальных учебных заведений в последний период эпохи средневековья и есть знак того, что общество достигло уровня развития, при котором появилась необходимость *в профессиональной подготовке граждан для освоения ими определенного способа деятельности*.

С этой точки зрения появление цеховых уставов следует рассматривать как шаг, предпринятый и для выдвижения определенных требований к членам цеховой общины, и для ознакомления граждан со стандартами поведения, под знаком которых формируется данная профессиональная группа. Такие требования-стандарты складываются в процессе становления того или иного рода деятельности, как и другие составляющие способа деятельности. Но вот какова их природа?

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом. С одной стороны, коль скоро речь идет о *поведении в процессе труда*, т.е. направленном на создание *общественно полезного продукта*, который по определению есть благо, добро, ценность, то природа этих стандартов должна быть моральной. С другой стороны, *по отношению к моральной установке индивида*, вступающего в данную профессиональную общность, *они автономны*, имеют характер неких надличностных правил, которые *надо освоить*, ибо это – требование профессиональной среды. В таком случае речь о доброй воле здесь может идти лишь постольку, поскольку добровольным является выбор профессии. В то же время

эти правила поведения в процессе труда коренным образом отличаются от технологических правил – алгоритмов для постановки задач, использования методов и технического инструментария, также задаваемых способом деятельности. Разница между двумя типами правил состоит в следующем.

Технологические правила отражают объективные закономерности деятельности в ее общих, не зависящих от конкретного исполнителя проявлениях и на определенный момент не имеют альтернативы. Они однозначны в силу своего внеличного характера.

Стандарты поведения отражают те субъективные проявления личности, благодаря которым объективные закономерности деятельности могут быть осуществлены наилучшим образом. В реальном процессе трудовых отношений стандарты неизбежно корректируются реальными возможностями личности и потому выступают лишь в качестве ориентиров, указывающих путь к успеху.

Можно ли в связи с этим утверждать, что зарождающиеся профессиональные стандарты есть элемент морали как регулятивной структуры социального организма, действующей через индивида, на основе его доброй воли, определяемой внутренними императивами? Едва ли.

Представляется гораздо более точным допустить, что в развитии механизма моральной регуляции происходит качественный скачок, вызывающий возникновение принципиально нового его звена – своего рода «дочерного механизма». Особенность его заключается в том, что он образуется не на основе моральной установки индивида, как было в случае трудовой, бытовой и гражданской морали, а непосредственно на базе формирующегося профессионального сознания конкретных трудовых групп. Роль сознания индивида тут велика, но специфична: оно является накопителем индивидуального опыта, подлежащего коллективному анализу и оценкам, а также источником оценочного знания об опыте других членов профессиональной группы. Иначе говоря, оно участвует на равных в непрерывной «селекционной работе» группового сознания – в отборе тех личностных проявлений, которые способствуют наилучшему выполнению представителями данной профессии их общественных обязанностей. По всей вероятности, этот «дочерний механизм» и есть **профессиональная мораль** в ее исходном состоянии.

Моральная установка индивида, в частности, ее «трудовой блок», выступает в качестве предпосылки и условия для возникновения профессиональной морали, но не включает в себя (не может включать!) ее требования по двум причинам:

- ♦ во-первых, моральная установка несет в себе *общий нравственный закон социума*, тогда как профессиональная мораль определяет нравственные отношения *отдельной профессиональной группы*;
- ♦ во-вторых, предписания моральной установки имеют *безусловный, императивный характер*, тогда как профессиональная мораль формулирует для индивида *ориентиры*, выдвигает *рекомендации*, способные регулировать его поведение настолько, насколько это позволяет степень его общей моральности и достигнутый уровень профессионализма.

В то же время между моральной установкой индивида, моральным слоем его профессионального сознания и профессиональной практикой устанавливаются многоуровневые связи. С одной стороны, общая моральность индивида выступает в качестве фактора, во многом определяющего степень его профессиональной моральности. С другой – профессиональная моральность влияет на качество работы и тем самым способствует не только выполнению личного морального долга человека в сфере труда, но и успешному осуществлению данной деятельностью ее общественного предназначения – производства определенного общественно полезного продукта, т.е. блага, ценности. Это

означает, что профессиональная моральность индивида оказывается в ряду факторов, улучшающих жизнедеятельность общественного организма, укрепляющих его устойчивость (причем без выраженного административно-правового вмешательства) Тем самым она опосредует отношения человека и общества, индивидуального и общественного сознания, индивидуальной и общественной практики, сознания и поведения, демонстрируя их взаимозависимость. Отсюда явствует, что *профессиональная мораль включается в качестве равноправного компонента в моральные отношения общества*. Вследствие этого моральные отношения в обществе приобретают системный характер.

Из регулятивной **структуры** социума мораль превращается в **систему** регуляции его жизнедеятельности, т.е. становится сложным полиструктурным образованием, воздействующим на социальные процессы уже *не только через моральную установку индивида, но и через моральный слой профессионального сознания самых разных трудовых групп общества*. Однако от институтов государственного управления она по-прежнему автономна, поскольку сохраняет свое место в контуре саморегуляции общества как кибернетической системы, представленном отношениями бытия и сознания.

Что касается профессиональной морали, то из сказанного следует: рассматривать ее как конкретизацию трудовой морали не вполне корректно. Да, она регулирует ту же самую сферу жизнедеятельности социума, что и трудовая мораль, здесь – общий для них момент. Однако регулирование осуществляется ими по-разному, и мы сейчас убедимся в этом.

Трудовая мораль формируется социальной практикой в целом. Она вызвана к жизни прежде всего потребностью социального организма *закрепить в поведении человека, независимо от его места в социуме, такое отношение к труду, которое могло бы гарантировать бесперебойное поступление в фонд общества качественных жизненно важных продуктов с целью поддержания его устойчивости* (иначе говоря, обеспечивать выживаемость человечества и человека). В этом и состоит ее роль; такая цель содержится в императиве моральной установки индивида, заключающей в себе общий нравственный закон социума. Именно необходимость поддержания устойчивости общества как системы и отражается общественным сознанием в форме определенного свода норм трудовой морали.

Профессиональная мораль рождается в рамках конкретной деятельности, образуя одну из сторон способа этой деятельности. *Ее функция – обеспечить такое поведение членов профессиональной группы, при котором данная деятельность приносит наилучшие результаты*, оправдывая свое общественное предназначение. Поэтому профессиональная мораль *непосредственно включена в технологический процесс деятельности* каждого члена трудовой группы, ориентируя его конкретные личностные проявления на выработанные стандарты поведения.

Примечательно, что в случаях, когда наличие связи между профессиональной и общей моралью обнаруживается явно, профессиональное сознание при оформлении стандартов поведения, отношений и т.д. заимствует необходимый понятийный аппарат из морального сознания общества, «нагружая» его дополнительным смыслом. Так, например, вошли в языковую практику профессиональных групп категории «профессиональный долг», «профессиональная ответственность», «профессиональная честь» и др. Это естественно, ничего удивительного здесь нет, но при изучении профессиональной морали данное обстоятельство может до известной степени дезориентировать исследователей, поскольку камуфлирует ее особую природу. Потому и возникает иллюзия, будто профессиональная мораль есть попросту конкретизация трудовой морали во всех случаях, кроме тех, когда «объектом деятельности является непосредственно человек», – в таких трудовых группах, как полагает Д.С. Авраамов,

могут возникать особые нормы, несводимые к общим нравственным требованиям.

Оставим пока в стороне этот особый тип трудовых групп, но заметим, что в принципе не существует такой деятельности, результаты которой не были бы предназначены человеку. Поэтому производитель продукта всегда связан с потребителем отношениями ответственности двух типов: моральной и административно-правовой. Когда комиссия по расследованию причин аварии самолета устанавливает, что причина происшедшего – производственный брак, бракоделы не только вызывают всеобщее негодование, но против них может быть возбуждено уголовное дело, поскольку брак, как правило, есть следствие нарушения технологии, а это – предмет административно-правовой ответственности. Однако в чем бы такое нарушение ни состояло, основная причина его всегда одна – недостаточный уровень профессионально-нравственной зрелости работника. Человеку могут быть свойственны и благополучная с моральной точки зрения жизненная позиция, и достойные нравственные идеалы, и, казалось бы, честное отношение к своим трудовым обязанностям, но одновременно ему может быть присущ пренебрежительный взгляд на рекомендуемые стандарты поведения («Я сам с усам!»). И что же? Именно этот пренебрежительный взгляд становится часто причиной таких серьезных ошибок в работе, что они способны перечеркнуть существующие представления о нравственных достоинствах данного специалиста.

Как видим, между трудовой и профессиональной моралью есть существенные различия. Трудовая мораль нацелена на *поддержание согласованности интересов индивида и общества*. Она регламентирует отношения *любого человека как субъекта любой деятельности* к обществу, к участникам трудового процесса и к самому этому процессу *через предписания моральной установки*. Профессиональная же мораль ориентирована на *согласование интересов профессиональной группы и общества*. Она регламентирует поведение в процессе труда *субъекта конкретной деятельности* на основе нормативов, сложившихся в профессиональном сознании *конкретной группы*.

Член трудовой группы достигает высшей степени профессиональной моральности тогда, когда следование принятым стандартам поведения становится для него *автоматическим* и может быть нарушено только в случае, если он обнаруживает несовершенство стандартов. Появление такого автоматизма означает, что у человека сложилась *дополнительная, профессионально ориентированная моральная установка, примыкающая к его основной моральной установке*, и тем самым профессионально-нравственные ориентиры превратились для него в императивы. Именно в таких случаях возможно говорить о сближении трудовой и профессиональной морали, замеченном исследователями Э.А. Гришиным и Ю.В. Согомоновым. Однако видеть в таком сближении следует, скорее всего, *не тенденцию к их слиянию, а один из показателей реального уровня профессиональной моральности людей, групп, а может быть, и реального уровня моральности общества*.

И вот здесь обнаруживает себя тот компонент моральных отношений, который уже давно ждет особого наименования. Речь идет о *реальном уровне моральности человека и общества*. Изложенный в данном пособии взгляд на мораль как систему регуляции жизнедеятельности общественного организма, **объективно** складывающуюся в ходе становления и развития социальной практики, позволяет понять очень важный факт: существуют **субъективные** предпосылки *разной степени моральности индивидов*, которая проявляется в поведении, расходящемся с предписаниями нравственного закона. Причины тут (и мы уже отчасти убедились в этом) могут быть разные, но результат один: чем ниже уровень моральности человека, тем чаще его поведение подпадает под юрисдикцию права, поскольку начинает расходиться и со статьями государственного законодательства. А реальный уровень моральности общества есть производное от моральности его граждан. Между ними существует жесткая связь, взаимозависимость: чем ниже уровень моральности общества, тем больше правонарушений, выше преступность. И наоборот, когда в стране растет число правонарушений, увеличивается

преступность, тогда налицо падение *нравов*. Вот и нашлось понятие для обозначения реального уровня моральности в обществе: **нравственность**.

Если **мораль** есть механизм, *объективно сложившаяся регулятивная система социума, представляющая собой особую область общественных отношений* – **моральные отношения**, то **нравственность** – это *сторона* моральных отношений, в которой проявляется *реальный уровень моральности общества*, существующий в данных условиях, в данный момент.

Однако вернемся к разговору о профессиональной морали. В качестве профессий, обладатели которых испытывают наибольшую потребность в профессионально-нравственной регуляции поведения, обычно рассматриваются профессии врача, педагога, юриста. Для этого есть определенные основания, и состоят они в следующем.

Общеизвестно, что *способ этих видов деятельности строится на общении, на постоянном взаимодействии с другими людьми*, которое обусловлено целями деятельности. Цели же деятельности предполагают (ни много ни мало!) *непосредственное вмешательство* в жизнь конкретных людей. Как правило, это вмешательство информационное, но иногда и физическое (вещественно-энергетическое) – скажем, в случае хирургических операций или сеансов мануальной терапии. Отсюда движущее противоречие этих видов деятельности: с одной стороны, их результат (продукт!) витально необходим и потому они изначально престижны, а с другой – осуществлению их всегда сопутствует высокая степень риска, обуславливающая повышенную ответственность профессионала, причем очевидную. В такой ситуации технологические моменты его деятельности перестают восприниматься как технологические, создавая иллюзию нравственных отношений едва ли не в чистом виде. Между тем они остаются технологией, только технологией особой, поскольку, во-первых, она *учитывает высокую степень риска*, а во-вторых, *отражает не просто закономерности данного рода деятельности, но и закономерности общения как такового*. Соответственно формируется и профессиональная мораль: ее «поле влияния» в данном случае намного шире, чем в отраслях, где нравственные отношения субъекта деятельности с потребителем продукта имеют опосредованный характер (скажем, пекарь не общается напрямую с потребителями булочек).

Следовательно, функция профессиональной морали в отраслях первого ряда остается той же, что и во втором случае. А вот *объем задач*, которые приходится ей решать, возрастает, что и дает основание утверждать, будто «профессиональная мораль этих групп представляет собой наиболее содержательную и функционально активную часть профессиональной морали в целом». На таком основании предлагается считать ее предметом изучения особой части науки о профессиональной морали – профессиональной этики в узком смысле, оставив для рассмотрения профессиональную мораль других видов деятельности профессиональной этике в *широком* смысле.

Думается, подобное разделение не целесообразно. Профессиональная мораль в каждой из названных трудовых групп имеет *свою* специфику, которая порождается спецификой самой деятельности, а потому изучать ее резонно в рамках профессиональной этики конкретного вида деятельности. К тому же понятие «профессиональная этика», по сложившейся в практике и науке языковой традиции, уже употребляется в двух значениях, не совпадающих с предлагаемыми. Первое значение сложилось по аналогии с отношениями морали в целом и общей этики, оно воспроизводит подобные им связи: *профессиональная этика понимается как наука о профессиональной морали*. У второго значения интересная и длинная история, на которой стоит остановиться хотя бы кратко.

Время появления профессиональной морали, этого специфического звена моральных отношений общества, придавшего им системный характер, приходится, как мы видели, на конец средневековья. Тем не менее есть свидетельства существования «предформ» профессиональной морали еще в древние времена. Собственно, это даже не «предформы», а именно зачатки профессиональной морали. Другое дело, что профессий, в которых

просматриваются такие зачатки, было мало и среди них в основном те, о которых только что говорилось. Это естественно, потому что данные профессии, во-первых, значатся в списке древнейших и витально необходимых, а во-вторых, связаны с непосредственным общением и повышенной степенью риска.

Упомянутых свидетельств не так много, но они впечатляют. Например, медики до сих пор обращаются к таким документам, как знаменитая «Клятва Гиппократата» и несколько менее известная клятва-обещание врачей, проходивших обучение в «школе асклепиадов». Навечно важными останутся слова этого обещания:

Образ жизни больных я буду по мере моих сил и разумения устраивать к их пользе и буду предохранять их от всякого вреда и порока...

Существенно, что тексты клятв перекликаются: за этой перекличкой стоит объективная реальность, которая вызвала их к жизни и отразилась в них.

Педагоги и сегодня считают актуальными многие из тех требований к учителю, которые сформулировал, обобщая свой педагогический опыт, римский философ и оратор Квинтилиан. У него же мы находим и требования к оратору (эта профессия играла в античном мире особую роль: оратор мог быть политиком, судебным деятелем, ученым и педагогом, выступая предтечей соответствующих профессий в позднейшие времена).

Короче говоря, уже в первых своих проявлениях профессиональная мораль обнаруживает интересную особенность. С одной стороны, она декларирует свою тесную связь с субъектом деятельности, а с другой – заявляет «претензии» на объективирование и руководство поведением профессионала с помощью особого рода текстов – клятв, кодексов, уставов и т.п. документов, доступных для знакомства всем членам общества. С одной стороны, профессиональная мораль является элементом способа деятельности, а с другой – «возвышается» над ним, принародно диктуя специалисту, как себя вести. Это не случайность. Вспомним, что назначение профессиональной морали – согласование интересов профессиональной группы и общества путем регламентации поведения специалиста в процессе труда на основе требований, выработанных профессиональным сознанием группы. Вот она и представляет обществу эти требования, формируя тем самым его взгляд на данный род деятельности, на данную профессию, на ее место в общественной жизни. А поскольку, с легкой руки Аристотеля, в качестве «царицы наук» в основных философских школах Греции и Рима к тому времени утвердилась этика, то своды таких требований стали соотноситься с нею и получили обобщенное название «профессиональная этика».

Таким образом, первоначально (исторически) понятие «профессиональная этика» означало «кодексы профессиональной морали», и это значение сохраняется в одной из традиций словоупотребления по сей день. К тому же сейчас для этого появились и вполне законные основания: современная профессиональная этика как наука сосредоточила свое внимание на описании и систематизации сложившихся в трудовых группах профессиональных стандартов («норм профессиональной морали»). Причем она стремится дать им серьезное теоретическое обоснование, уточнить и предъявить результаты своей работы профессионалам в качестве материала, который пригоден для разных целей. Он может служить и базой для разработки новых кодексов, и сводом критериев при оценке уровня профессионально-нравственной зрелости отдельных специалистов и коллективов, и инструментом в разрешении конфликтных ситуаций морального свойства, неизбежно возникающих в практике любой трудовой группы.

Однако, радуясь достижениям по части нормотворчества в таких областях профессиональной этики, как медицинская, педагогическая, научная, судебная, а в последние два десятка лет – и журналистская, надо четко понимать следующее: у профессиональной этики как науки есть целый ряд задач *сугубо теоретического свойства*. Они связаны с изучением природы профессиональной морали, механизма ее

функционирования, взаимодействия с другими структурами морали, с административно-правовыми структурами общества и т.д. Рассмотрение таких проблем пока находится на периферии исследовательских интересов, хотя оно тоже может иметь немалое практическое значение.

ГЛАВА II. «СМЕШНО ГОВОРИТЬ ОБ ЭТИКЕ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К САМОЙ КОНЬЮНКТУРНОЙ ПРОФЕССИИ!»

Показав одному из коллег текст документа на английском языке, я спросила его, как лучше перевести название: «Декларация принципов журналистской этики» или «Декларация принципов поведения журналистов». В ответ он хмыкнул, пожал плечами, потом все-таки высказался:

– Какое это может иметь значение?.. Смешно говорить об этике применительно к самой конъюнктурной профессии! Ты же не будешь спорить, что наш брат поставлен в условия, когда поневоле жизнь видишь такой, какой ее хочет видеть хозяин твоей газеты! Если уж на то пошло, так профессиональная этика, по-моему, для того и придумана, чтобы оправдывать аморальность. У врачей она оправдывает ложь, а у нас конъюнктурность. Ты посмотри: сколько редакций – столько этик, одна другой «краше». Я, например, знаю редакционный коллектив, где в кодексе есть даже такая «норма»: «Если сенсации не случилось – создай ее. Раздуй из простого факта. Из искры, между прочим, возгорается пламя!»

Если честно признаться, передо мной тоже не раз вставал вопрос: а есть ли вообще сегодня единые этические основания профессии журналиста?! Причин для таких сомнений немало. Тут и идеологический плюрализм (для нашей страны еще совсем не привычный), и политическое размежевание в журналистских кругах, и новые экономические условия, в момент изменившие «знак собственности и зависимости средств массовой информации на прямо противоположный», и появление на телеэкранах шокирующих многих эротических программ, и возникновение новых для России конца XX в. типов изданий – бульварных и элитарных газет и журналов...

Слова коллеги подлили масла в огонь, и я подумала: может быть, ставшие модными разговоры о неизбежности релятивизма, относительности положений журналистской этики – знак истины, с которой надо смириться?..

В чем суть журналистского дела?

Не один день прошел, прежде чем я утвердилась в мысли, что искать истину все-таки надо в другом. Журналисты – люди, и люди одной профессии. Значит, при всех различиях взглядов, вытекающих из перечисленных обстоятельств, направлять их профессиональное поведение должны единый для человечества нравственный закон и единая для профессии «система профессионально-нравственных координат», задаваемая особенностями журналистики как деятельности

Другое дело, что социальная действительность – неиссякаемый источник коллизий, испытание которыми выдерживает не всякий. Кто-то из журналистов, несмотря ни на что, поднимается до высшего уровня моральности, до высшего уровня профессионально-нравственной зрелости, *«самим фактом своего существования оправдывая значимость принципов, канонов и кодексов»*. А кто-то, увы, становится позором профессии, ее бесчестьем. Бывает, и понять ему этого не дано. Но случается, что подобные лица все разумеют и комплексуют, – тогда уж держись. Они превращаются в циников, высокомерных и злобных. Если же Бог не обидел такого талантом, то он еще и оправдает себя, свалив все свои грехи на профессию. Так что очень важно осознать, что это за дело такое – журналистика.

В российской этической науке двух последних десятилетий было предпринято несколько «погружений» в глубинные слои журналистской профессии, и они принесли ценный «улов». Р.Г. Бухарцев едва ли не первым в современный период обратился к выявлению природы профессиональной этики и увидел *органичную связь между уровнем профессионально-этического развития журналиста и его творческим потенциалом*. В.А. Казакова обозначила *основные виды нравственных отношений, в которые вступают журналисты в процессе работы*. В.М. Теплюк обстоятельно рассмотрел *проблему социальной ответственности журналиста* и систематизировал принятые в журналистике *этические нормы сбора и использования информации*. И.А. Кумылганова проследила, как

шла кодификация норм журналистской морали и пронаблюдала действие морали в ходе творческого процесса. Д.С. Авраамов всесторонне охарактеризовал профессиональную мораль журналиста как социальный феномен, определил ее место в общественном сознании и особый характер норм, обозначил связь индивидуального сознания как носителя профессиональной морали с позицией журналиста, реализуемой в тех профессионально-нравственных отношениях, на которые его «выводит» работа.

Большинство трудов этих исследователей построено на изучении практики советской журналистики и отражает особенности подхода, принятого в отечественной этике в тот период. Тем не менее, теоретические идеи и практические рекомендации названных авторов продолжают использоваться, доказывая продуктивность и важность данного этапа для развития профессиональной журналистской этики у нас в стране.

В последние годы обратило на себя внимание исследование, проведенное Центром прикладной этики Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН совместно с Фондом защиты гласности и Комитетом Российской Федерации по печати. Материалы исследования представлены в книге «Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов». Предметом этого исследования стало состояние журналистского этоса в переходный период развития России. Выявилось, что в нравственной практике и профессиональном сознании журналиста произошли такие изменения, удовлетворительно объяснить которые на базе ранее накопленного знания о журналистике и профессиональной морали журналистского «цеха» весьма затруднительно. Есть объективная необходимость в новых подходах. Она подтверждается и тем, что все чаще в разных странах мира среди журналистской общественности вспыхивают дискуссии: что есть журналистика? Вестник дурных и хороших сообщений или сторожевой пес власти? «Бешеная собака», кидающаяся на власть даже без команды «Фас!», или льстивое «зеркало жизни»? Создательница мифов для общественного сознания или могущественная «четвертая власть»? В одной такой дискуссии на страницах журнала «Четвертая власть» случилось участвовать и автору этих строк. Позволю себе дословно воспроизвести свой взгляд на место журналистики в обществе, высказанный в той статье.

...Главный, определяющий, *сущностный* признак власти как одного из механизмов управления заключается в ее назначении, в ее праве принимать решения, касающиеся общества в целом, отдельных его групп или граждан, и приводить эти решения в жизнь с помощью весьма широкой системы средств.

Журналистика таких решений не принимает и в строгом, терминологическом смысле слова властью не является. Однако это отнюдь не мешает ей быть влиятельной силой, причем настолько влиятельной, что по отношению к ней вполне правомерна *метафора* «четвертая власть». Суть в том, что как вид деятельности журналистика занимает особое место в социуме, имеет особое назначение. С одной стороны, она включена в отношения управления в обществе: ее место – между властью в трех ее проявлениях (субъект управления) и народом (объект управления). Она информирует о властных решениях, способствует их распространению и разъяснению, обнародует реакцию масс на них, а также требования народа к власти и т.д. Иначе говоря, выступает в функции средства управления.

Но, с другой стороны, она, *помимо* отношений управления, включена непосредственно в отношения общественного сознания и общественного бытия, т.е. выступает как *самостоятельное звено в механизмах саморегуляции общества*. И в этой своей роли она призвана выполнять особые обязанности, а именно:

– *давать членам общества адекватную информацию о действительности, обо всех ее существенных изменениях – как на очевидном уровне (события), так и на неочевидном, постигаемом усилиями мысли (проблемы), причем независимо от того, хотят этого или не хотят институты власти;*

– *служить ареной свободного обмена мнениями среди граждан, позволяя самоопределиться общественному мнению*, – подчас вопреки желанию власти это мнение направленно формировать;

— *насыщать массовые информационные потоки общества материалами, несущими самые разные варианты знаний, норм и ценностей*, создавая возможности для их конкуренции и стимулируя нравственные, духовные искания людей, благодаря чему достигается развитие массового сознания общества и в то же время сохраняется необходимый уровень его преемственности, общезначимости.

Такое двоякое предназначение становится объективной основой двух противоречивых тенденций в журналистике: тенденции к сопряженности с властью и тенденции к независимости от нее. Борьба между ними неизбежна и выступает в качестве движущего противоречия журналистики, имеющего множество проявлений и определяющего смену ее состояний. Подобно всякому противоречию, оно проходит разные стадии, поэтому на разных исторических этапах журналистика выглядит по-разному. То в официальном своем проявлении она превращается в спеленутый по рукам и ногам придаток власти, как это бывает, к примеру, в тоталитарных государствах, и тогда неизбежно возникает второй, неофициальный, подпольный ее слой, претендующий на честное посредничество в отношениях между бытием и сознанием общества. То она превращается в бешеного пса, кидающегося на властные структуры, и тогда институты власти задыхаются без информационной поддержки прессы, а общество теряет надежду на согласованность практических действий, на избавление от хаоса. Но бывают периоды гармоничного сосуществования тенденций, и, конечно же, они совпадают с периодами гармонизации общественных отношений (вспомним хотя бы во многом романтическую атмосферу первых лет перестройки). Создавая прецеденты для будущих времен – времен научной организации взаимодействия власти и журналистики, такие периоды, тем не менее (по крайней мере, на данной стадии общественного развития) не могут предотвратить нового обострения противоречия, и мы в очередной раз убеждаемся в этом сегодня. Разрешаясь, то в пользу одной тенденции, то в пользу другой, оно неизбежно возникает вновь, на новом уровне, ставя в повестку дня поиск еще не освоенных возможностей согласования разно-порядковых обязанностей прессы.

Уже на основании этих соображений можно сделать вывод, что *при выполнении журналистикой двойной роли в социуме субъект журналистской деятельности обречен периодически попадать в ситуации, подобные той, в которой сегодня оказался журналистский корпус России*. Раздробленный центробежными силами, возникающими при столкновении противоборствующих тенденций, он переживает сейчас нелегкие времена. Для того чтобы понять, каким образом можно найти выход из этого состояния, нам потребуется вникнуть в то, *как именно журналистика выполняет свои обязанности*.

И тут обнаруживаются очень любопытные вещи. Во-первых, оказывается, что делает это журналистика не вполне так, как принято считать. Например, широко распространена точка зрения, будто она осуществляет свое назначение, *воздействуя на объект, каковым для нее «всегда являются люди»*. Между тем исследователь А.Н. Алексеев более двадцати лет назад убедительнейшим образом показал, что взаимодействие средств массовой информации с аудиторией есть не что иное, как *взаимодействие субъектов*, которое становится отчетливо видимым, если подойти к журналистике как продуктивной деятельности. А иной подход к ней, если мы хотим понять ее суть, мало плодотворен. Да, она – продуктивная деятельность, производство продукта, и у этого продукта есть потребитель – тот самый субъект, на которого мы порываемся воздействовать как на объект. Только вот беда: он то нажмет кнопку телевизора, выключив дорогостоящую программу; то проигнорирует появление новой многополосной газеты, оставив издателя наедине со спонсором; то вдруг послушает-послушает передачи какой-нибудь радиостанции, да и напишет письмо в «Известия» или «Труд» (по привычке!) –

журналисты-де совсем совесть потеряли, матом по радио выражаются... Субъект, субъект потребитель нашей продукции! Он своей волей решает, потреблять ее или не потреблять.

А что представляет собою продукция?

Здесь появляется «во-вторых» – еще одно интересное обстоятельство. Почти все теоретические труды по профессиональной этике в центр внимания ставят проблемы, связанные с созданием *отдельных журналистских произведений*, т.е. видят главную обязанность журналистики именно в этом. Так, скажем, Д.С. Авраамов, развивая идею Б.Д. Грушина о структуре журналистской деятельности как единстве двух элементов – деятельности информационной и деятельности управленческой, выявляет связанное с этим противоречие профессии, которое «журналист вынужден каждый раз разрешать лично», ибо виды деятельности, входящие в журналистскую деятельность,

находятся в заведомо неравноправном положении по отношению друг к другу. Создание информации служит прежде всего подспорьем для решения управленческих задач, связанных с изменением социальной действительности...

Вообще-то это противоречие, на наш взгляд, – одно из многих проявлений того интегрального, сущностного противоречия, о котором говорилось ранее. Но сейчас речь о другом: как видим, даже при попытке деятельностного подхода в данном случае на первый план все-таки выходит личное творчество журналиста. Тот факт, что он поставляет обществу информационную продукцию *не только в виде отдельных, лично выполненных текстов*, остается в тени. Между тем этот факт можно считать доказанным и журналистской практикой, и усилиями исследователей такого направления, как организация работы редакционных коллективов СМИ. Он заключается в том, что *само по себе, в одиночку, журналистское произведение не живет* (разве что в тех исключительных случаях, когда журналистика уходит в подполье). Обычно оно есть часть газетного номера, радио- или телевизионной программы. А номер или программа оказывается дискретной порцией информации, которая вливается в **массовые информационные потоки**, циркулирующие в обществе непрерывно.

Структура массовых информационных потоков, представляющих собой актуальную форму существования массовой информации, сложна. В этом легко убедиться, просмотрев хотя бы рекламу телевизионной программы: там значатся отнюдь не только журналистские тексты. Выбор передач весьма широкий: от выступлений общественных деятелей и самых разных художественных произведений до игр и рекламы. Здесь есть все, что необходимо для удовлетворения потребностей общества в актуальной **массовой информации**, назначение которой архиважно – *поддерживать относительную инвариантность массового сознания и способствовать его обогащению*. Ведь массовое сознание обеспечивает взаимопонимание в обществе, цементируя тем самым его единство. Одновременно массовые информационные потоки создают возможности для *самоопределения общественного мнения*, поскольку знакомят не только с новостями о происходящих событиях, но и с аргументацией лиц, высказывающих индивидуальные мнения о них (да и о других актуальных вопросах). Решения государственных органов, касающиеся всех, становятся известны населению тоже с помощью массовых информационных потоков. Словом, значение их для нормального течения жизни трудно переоценить, поскольку они напрямую связаны с ключевыми звеньями механизмов саморегуляции общества как кибернетической системы – массовым сознанием и общественным мнением.

Для того чтобы «наполнить» русло потоков, образуемое каналами печати, радиовещания и телевидения, *необходимо сотрудничество представителей самых разных видов деятельности, самых разных видов информационного производства*, начиная от администрации Президента и заканчивая отделами прогнозов погоды метеослужб. *Организатором такого сотрудничества и «участком сборки» является журналистика*. В обязанности журналистов входит:

- ♦ *планировать массовые информационные потоки*, привлекая к участию в них представителей самых разных областей жизни;
- ♦ *редактировать полученные тексты*, доводя их до принятых в обществе норм цивилизованного текстового общения;
- ♦ *конструировать из этих текстов некоторое единство*, именуемое номером газеты или журнала, программой радиовещания или телевидения;
- ♦ *с определенной периодичностью выпускать* такие «притоки потоков» в свет.

И не удивительно, что в общественном сознании массовые информационные потоки живут как продукт журналистики. Люди смотрят по телевизору мексиканские сериалы, но все равно воспринимают телевидение как журналистику. Так оно и есть. Концентрируя в редакционных службах множество произведений разных видов творчества, журналистика использует их как составные части для «сборки» все новых и новых элементов интегрального продукта, позволяющего дать аудитории *движущуюся, объемную, полифоничную информационную картину социальной действительности в каждый конкретный момент* (включая и картину ценностных ориентации общества). Эта картина может быть более или менее адекватной реальности, но она позволяет обществу и человеку сколько-нибудь уверенно ориентироваться в происходящем, размышлять над ним, корректировать свои решения и действия. И чем она адекватней и разнообразней, тем надежнее работают механизмы саморегуляции социума, воздействуя и на механизмы государственного управления. Чем дальше она от реальности, чем произвольнее, тем больше вероятность «сбоев» в тех и других механизмах, тем больше опасностей для общества. Получается, что *журналисты не просто создают массовые информационные потоки, они создают и те последствия, которые вызывает в обществе потребление их продукта*. И надо отчетливо понимать: если сегодня на телеэкранах демонстрация насилия для решения проблем становится доминирующей, хотя в жизни существуют и другие возможности справляться с неприятностями, значит, завтра мы можем столкнуться с тем, что сила станет доминирующей среди ценностей массового сознания.

Технология производства массовых информационных потоков не программирует ни хороших, ни дурных последствий. Ее процедуры – планирование, редактирование, конструирование, выпуск информации – сами по себе нейтральны. Каждая из них разворачивается в особую стадию работы, связанную с решением весьма специфических задач и требующую соответствующих методов и соответствующего технического инструментария. Но ведь осуществляют каждую из них люди. И от того, *как* они это делают, *какие* ставят задачи, *какие* методы выбирают, *каким* образом используют технику, зависят и конкретное содержание массовых информационных потоков, и социальные последствия его освоения.

Все это вместе взятое позволяет заключить, что участие журналиста в подготовке и выпуске массовых информационных потоков образует *относительно самостоятельную сторону его профессиональной деятельности*. Она осуществляется с помощью особых технологических процедур, регулируемых определенными производственными правилами и профессионально-нравственными ориентирами поведения.

А вот вторая сторона профессиональной деятельности журналиста действительно представлена *личным, индивидуальным или коллективным творчеством*, направленным на создание **журналистского произведения как специфического типа текстов**. В массовых информационных потоках данный тип текстов занимает особое место и выполняет особую роль, образуя «стержневое течение» и во многом определяя состав остальных «частей». Почему так происходит? На этот вопрос помогает ответить характеристика основных черт журналистского произведения, заключающих в себе своеобразие его семантики, прагматики и синтактики. Эту характеристику можно свести к следующим моментам.

Семантическое своеобразие журналистского текста проявляется через его **тему**. При всем богатстве жизни, отражаемой в журналистских произведениях, с точки зрения

тематического решения они объединены общим признаком. Он заключается в том, что тема любого текста содержит в себе *реальную конкретную ситуацию действительности, отмеченную новизной и восходящую какой-то из своих сторон (а то и несколькими) к более широкой ситуации проблемного характера, переживаемой обществом*. В этой особенности – секрет актуальности и общезначимости журналистского текста. Скажем, если в газете появится материал о том, что на юге Восточной Сибири испытано новое средство тушения лесных пожаров, он заинтересует всех, в чей край с наступлением летней жары пришла опасность гибели лесных массивов от огня. Если телевидение будет вести передачу о концерте группы «Rolling Stones» в Лужниках, то у экранов соберутся люди самых разных поколений, давно жаждущие соприкоснуться с «живой легендой» рока.

Прагматическое своеобразие журналистского текста связано с тем, что он *предназначен для ориентации в реальной действительности, т.е. по определению является практически полезным*. Ценность его может быть большей или меньшей – это зависит от **идеи** произведения, у которой тоже есть общий для журналистских произведений признак: *она имеет характер подсказки отношения к тому, о чем идет речь, или поведения*, если того может потребовать от адресата информации переживаемая им ситуация. Именно благодаря такому свойству идеи, к примеру, начатая «Новой газетой» акция «Забытый полк» практически превратилась во всенародную: в спасении солдат из чеченского плена, в содействии разыскивающим их матерям, в помощи обездоленным войной чеченским детям стали участвовать многие и многие россияне. Однако надо помнить: идея в журналистском тексте – именно подсказка, не более. Она может быть свернута до минимального обозначения отношения автора к предмету отражения или развернута до программы действий, но в любом случае она почти никогда *не несет в себе повелительной интонации*. В то же время идея журналистского текста не является, точнее – не должна являться, и *скрытым, закамуфлированным навязыванием конкретной модели поведения* – в отличие от идеи манипуляторских пропагандистских текстов.

Своеобразие синтактики журналистского произведения обусловлено его предназначенностью массовой аудитории. Его язык – это *язык жизни*: главным средством выражения информации здесь становятся **факты**, с помощью которых воспроизводится ситуация. Вскрыть их смысл адресату информации помогает известный ему материал культуры, элементы которого журналист использует в тексте в виде **образов и нормативов**, играющих роль «семантического ключа». Представление о том, как они взаимодействуют в тексте, дает хотя бы такой фрагмент журналистской заметки:

Маленькая Дания, одна из самых спокойных стран в мире, словно превратилась в съемочную площадку голливудского боевика, судя по количеству полицейских, «оседлавших» дороги, и висящим в небе вертолетам. Главные герои этой истории, против которых брошены мощные полицейские силы, два бывших советских человека: 27-летний житель Украины Олег Герасименко и 19-летний молдаванин Иван Грияновчу. Сейчас они объявлены в международный розыск. Несколько месяцев назад парочка прибыла на «датские гастроли» с одной шестой суши и, приятно поразившись здешней спокойной и даже расслабленной жизни, решила поднять общественный тонус. Последовала серия дерзких вооруженных налетов на бензозаправочные станции, прерывавшаяся два раза, – видимо, для разнообразия, ограблениями почтового отделения и шофера такси...

Перечисленные особенности не просто делают журналистские тексты узнаваемыми для аудитории, но, главное, сообщают им способность *расширять до опыта общества естественные рамки опыта отдельного человека*, обогащая тем самым его возможности участвовать в общественных делах и решать собственные житейские проблемы. Отсюда – отмеченное исследователями своеобразие реакций аудитории на журналистские

материалы, весьма отличающихся от реакций на другие тексты массовых информационных потоков.

Подготовка материала, у которого тема, идея и структура текста отвечали бы указанным признакам, тоже оказывается делом специфическим. Оно не тождественно ни литературно-художественному, ни научному, ни даже публицистическому творчеству.

Обратим внимание на то, что публицистика – разновидность творчества, не замкнутая в профессиональные рамки. Она дана человеку, чтобы он мог выразить свое мнение по близким ему проблемам действительности и подтвердить фактами из собственного жизненного, гражданского, профессионального опыта. Журналист тоже может выступить с публицистическим текстом; более того, любой журналистский материал способен вобрать в себя личное мнение автора по той или иной проблеме, основанное на его собственном опыте, и тогда у журналистского произведения возникает свойство, названное украинским исследователем В.И. Здоровегой **публицистичностью**. Однако в принципе журналистский текст не тождествен публицистическому.

Задавшись целью подготовить *именно журналистский* материал, человек должен решить два блока задач. Первый связан с освоением действительности и разворачивается в *осознанную, целенаправленную познавательную деятельность*. Она образует начальную стадию творческого акта, в ходе которой, оперативно выполняя соответствующие технологические операции (зачастую построенные на общении), удается получить необходимую информацию и выработать концепцию жизненной ситуации, ставшей для журналиста предметом специального изучения. Только так он может *установить правду о происходящем*. Второй блок задач связан с *формированием и воплощением* замысла конкретного материала на основе выработанной концепции, т.е. с **предъявлением информации**. В разных средствах массовой информации эта стадия творческого процесса протекает по-разному (но всегда в жестких временных рамках), а в итоге приводит к появлению журналистского текста для газеты, телевидения или радио.

Решение столь разных задач требует использования и разных методов. Их состав определяется характером задач, структурой творческого акта, особенностями источников информации, а также законами познания и восприятия текста. Потому-то их так много. В соответствии со стадиями творческого акта они образуют две развернутые группы: *методы познавательной деятельности* и *методы предъявления информации*. Первая группа складывается из методов получения сведений и методов постижения сути. Вторая объединяет в себе методы предъявления фактов и методы предъявления материала культуры. Каждый из методов представляет собой *совокупность научно обоснованных действий, направленных на решение определенной задачи*, что принципиально отличает эти методы от аналогичных действий в обыденной жизни. Скажем, беседа как метод получения сведений в журналистике – совсем не то же самое, что беседа с другом за чашечкой кофе или бокалом вина, хотя и в том, и в другом случае могут использоваться одинаковые атрибуты (вспомним, например, «ресторанные беседы» Урмаса Отта на телеэкране). Стремясь улучшить качество информации – и той, которая «добывается», и той, которую предстоит передать аудитории, – журналист руководствуется **принципом дополненности**, обязывающим его *комбинировать* методы.

Кроме того, при создании собственных произведений современному журналисту *необходим богатый «парк» техники, которой он должен свободно владеть*. Причем технические средства здесь выступают не просто как фактор, благоприятствующий течению деятельности, – они непосредственно участвуют в творческом процессе в качестве его технического элемента. Телефон, фотоаппарат, микрофон, видеокамера, компьютер, компьютерные сети... Без них сегодня работник прессы не может обойтись; они естественным образом «задействованы» в создании материалов.

Но сама по себе технология и в этом случае есть только *возможность* создать качественный материал, способный выполнить свое предназначение. Будет или не будет реализована такая возможность, зависит от того, *каким образом* журналист использует

технологии, т.е. от его личностных проявлений в процессе работы. Потому и возникает нужда в профессионально-нравственных ориентирах.

Выходит, перед нами – еще один способ деятельности, необходимый журналисту в его работе? Можно было бы сказать: да, именно так. Коль скоро идет речь о производстве двух вариантов продукта, журналисту требуются два способа деятельности: один для подготовки массовых информационных потоков, другой для создания специфических текстов. Но тут возникает вполне правомерный вопрос: если журналист выполняет свои профессиональные обязанности с помощью двух способов деятельности, то, следовательно, можно говорить и о двух вариантах профессионально-нравственных ориентиров?! Ведь они всегда входят в структуру способа деятельности, являясь его обязательным компонентом. Оказывается, нельзя! Дело в том, что оба эти варианта деятельности соотносимы именно с профессией журналиста – и ни с какой иной. При всей их самостоятельности они тесно связаны друг с другом. У них один и тот же субъект. Кроме того, они протекают в условиях, для которых характерны преимущественно одни и те же устойчивые черты. Следовательно, правильно говорить не о двух способах деятельности, а о *сложной, составной структуре единого способа деятельности*, отражающего в своих подструктурах две ее стороны. Это предопределяется такими обстоятельствами.

Первое состоит в том, что **порождающая модель журналистской деятельности**, носителем которой является ее субъект, *по сути своей едина*. Представление о характерных чертах журналистского текста связано в профессиональном сознании журналиста с представлением об особенностях массовых информационных потоков как *часть и целое* – в соответствии с реальным положением вещей. Более того, порождающая модель содержит в себе в снятом виде *назначение журналистского текста, как составляющую назначения массовых информационных потоков*. Тем самым увязываются между собой и критерии их качества.

Второе обстоятельство заключается в том, что одинаковой является база решения технологических задач: в обоих случаях *оно невозможно без интенсивного непосредственного общения*, представляющего собой для журналиста поле взаимодействия с субъектами других видов и других сфер деятельности. По отношению к журналисту субъекты других видов деятельности занимают разные ролевые и ценностные позиции, а потому отнюдь не в равной мере заинтересованы в самом факте взаимодействия. Из-за этого в процессе его работы возникает множество проблемных ситуаций, решение которых практически всегда связано для журналиста с моральным выбором.

Названных обстоятельств достаточно, чтобы отбор стандартов профессионального поведения к современному этапу мог вывести сознание журналистского сообщества на единую развернутую систему профессионально-нравственной ориентации – систему, которая пригодна для регулятивной роли в обоих случаях профессиональной деятельности и способна поддерживать центростремительные силы журналистской корпорации.

Каким же образом разворачивался данный процесс? Каковы свидетельства того, что он состоялся? И почему сегодня мы столкнулись с тем, что в российской журналистике профессиональная мораль «не срабатывает» чаще, чем это допустимо?

Каков «возраст» журналистской морали?

Эпизод, о котором пойдет речь, не касается конкретно профессиональной морали журналиста. Но он имеет отношение к профессиональной морали в целом и потому заслуживает внимания.

В сборочном цехе крупного автомобильного завода произошли события, о которых газета, где я работала, собиралась рассказать читателям, и сделать это выпало мне. Один из тех, с кем требовалось побеседовать по поводу случившегося, был занят, и у меня появилось с полчаса свободного времени. Уже слегка уставшая, я стояла у конвейера, рассеянно провожая глазами проплывавшие мимо кузова автомашин, к которым рабочие ловко приваривали какие-то детали. И вдруг сквозь лязганье металла у самого своего уха услышала женский голос: «На Свету Морошко засмотрелись?.. Я тоже, бывает, подойду вот так и гляжу на неё. Как будто завораживает, да?» Я проследила, куда был направлен взгляд женщины. На конвейере стояла рыжеволосая высокая девушка с таким же, как у всех, инструментом в руке. Чуть подняла руку, коснулась инструментом днища машины, чуть опустила... Чуть подняла... Чуть опустила... В ее движениях, действительно, был завораживающий ритм.

«И как рука у нее только не устает?.. – захотелось мне поддержать беседу. – Паяльник-то этот, небось, тяжелый». – «Устает! Еще как устает. А вот сменить – ни за что не сменит! Все одной...» – «Почему?!» – «Да спросите у нее, почему...» Я и спросила. Дождалась конца смены, подошла и пригласила ее кофе попить, когда обе освободимся, благо, кафе – сразу за воротами проходной. Девушка засмеялась, но согласилась. И вот какой вышел у нас разговор. Собственно, интересен не сам по себе разговор, а то, что сказала Света. Ее слова я и приведу, насколько они мне запомнились:

– Одной рукой, говорите?.. Меня часто об этом спрашивают... Наверное, оттого, что боюсь ошибиться. Другая рука – другой размах. Мазанешь, чего доброго... А так я уверена.левой подаю деталь, правой привариваю.

Знаете, когда я пришла в цех, я этот конвейер с ужасом восприняла, вспомнить смешно. И скучно, и нудно, и напряг жуткий – ведь не отойдешь... И этот страх ошибиться – он уже тогда был. Настя Петрова виновата, наверное, – она меня «наставляла». Раз в раздевалке села рядом и спрашивает: «Мама твоя машину водит?» Нет, говорю. А она: «Счастливая! Моя – водит. И у меня все время за нее сердце болит: вдруг ее «тачку» какая-нибудь недотепа клепала?» Я, конечно, сразу себя недотепой почувствовала, уйду, говорю, от вас к чертовой бабушке... Она смеется: «Ты что, я же не про тебя... Ты у нас, похоже, талант конвейерный, ритм в тебе есть, небось, аэробикой занималась?»

Так что Вы думаете?! Эта дура, я то есть, целый месяц потом дома под музыку тренировалась – сочиняла свой «конвейерный танец». И вот уже пятый год танцую... Но все равно иногда себя недотепой чувствую. Как-то пришла на смену после ночной дискотеки – как подменили меня. И такой страх напал: вдруг чего наклепала такого, что ОТК не заметит, а кто-нибудь потом пострадает. *Дело-то наше какое – вроде железки, но ведь с жизнью людей связано!*

А теперь давайте подумаем: входят ли в данном случае «нравственные отношения в саму плоть трудовой деятельности» или не входят, как считает Д.С. Авраамов? Полагаю, что любой согласится: бесспорно, входят. Света Морошко и ее наставница Настя Петрова, на мой взгляд, – олицетворение профессиональной морали в действии. Не морали вообще, а именно профессиональной морали, ведь она направлена на согласование интересов профессиональных групп и общества – *интересов, точкой пересечения которых является продукт деятельности этих групп.*

Именно **отношение к продукту деятельности** представляется мне основным профессионально-нравственным отношением, поскольку в нем проявляется *принципиальное совпадение интересов любой профессиональной группы и общества*, определяющее характер их взаимодействия. С одной стороны, любая деятельность вызывается к жизни общественной потребностью в ее продукте, следовательно, общество озабочено поддержанием этой деятельности. С другой стороны, будучи заказчиком продукта, общество озабочено и его качеством, что естественным образом влияет на статус производящей его деятельности, престиж профессии, благосостояние ее представителей. Так же естественно, в свою очередь, и то, что для любой трудовой группы забота об удовлетворении общественных потребностей в производимом ею продукте есть одновременно забота о собственном статусе, престиже и благосостоянии.

Для того чтобы обеспечить интересы обеих сторон, только лишь добросовестного отношения к труду, задаваемого моральной установкой индивида, отнюдь недостаточно.

Требуется еще некая *страховка качества продукта со стороны профессиональной группы* – она одновременно выступает как *страховка благополучия и для всей группы, и для каждого ее члена*. Функцию такой страховки и берет на себя профессиональная мораль, ориентируя членов трудовой группы на стандарты профессионального поведения, проверенные опытом деятельности и реакциями общества.

Все сказанное относится и к профессиональной морали в журналистике. *Главным профессионально-нравственным отношением здесь тоже является отношение к продукту*. Оно-то и дает нам возможность увидеть, когда и как началось формирование профессиональной журналистской морали, какие обстоятельства влияли на процесс ее становления и почему.

В научной литературе насчет времени появления профессиональной морали журналиста существуют две точки зрения. Согласно одной, она моложе профессии: возникла тогда, когда профессия стала массовой и журналисты осознали себя единой общностью, стало быть, где-то к середине прошлого века. Согласно второй, она едва ли не старше самой профессии. И.А. Кумылганова пишет по данному поводу следующее:

Исторический экскурс показывает, что с момента возникновения самой журналистики профессиональная мораль являлась неотъемлемым ее компонентом. То есть в процессе формирования специфических функций печати в системе социальных реалий, в процессе выделения журналистики в самостоятельную отрасль трудовой деятельности складывалось и нравственное сознание работника этой отрасли.

Правы, пожалуй, оба исследователя, как ни парадоксально это на первый взгляд.

Развитое общество знает две формы организации деятельности: любительство и профессионализм. Родится же всякая Деятельность как любительская. Любительство – первая фаза Развития деятельности и первая, исходная форма ее организации. Любительская деятельность отмечена тем, что осуществляется человеком по личной склонности, вне рамок каких-либо должностных обязанностей, без специальной подготовки, без жесткой ответственности за результат. А профессиональная деятельность формируется в процессе общественного разделения труда *на базе любительской*, однако не поглощает ее – они и в наше время существуют параллельно. Став для человека основным родом занятий, профессиональная деятельность приобретает новые черты. Она протекает в виде исполнения соответствующих должностных обязанностей в рамках сотрудничества с другими ее участниками, связана с ответственностью за результат (продукт), требует специальной подготовки, – словом, превращается в профессию. Таким образом, получается, что *профессия* (причем любая профессия!) *всегда моложе деятельности*, с которой она связана.

У журналистики тоже была первая фаза ее развития, и очень длинная, растянувшаяся на века, точнее – даже на тысячелетия. Первые признаки того, что общество нуждается в информационном продукте, который бы оперативно ориентировал людей в происходящих событиях и расширял опыт отдельного человека, обнаружались очень давно. Материалы культуры античного мира сохранили немало свидетельств на этот счет, они широко известны. Обычно мы рассматриваем в качестве предформ журналистики подобие газеты в Древнем Китае, гипсовые доски с известиями для сената и для народа в Древнем Риме, сообщения, рассылавшиеся корреспондентами-доброхотами знатным римлянам, когда те отлучались из города (между прочим, это была уже работа за плату!). Практиковалось еще и устное распространение новостей.

Не менее интересны данные, говорящие о том, что потребность в подобных продуктах и подобной деятельности *осознавалась*. К примеру, у Плутарха читаем:

Говорят, что Цезарь первым пришел к мысли беседовать с друзьями по поводу неотложных дел посредством писем, когда величина города и исключительная занятость не позволяли встречаться лично.

Неважно, что речь в данном случае шла о переписке с друзьями; фактом является то, что в этих словах отражается осознанная **потребность в оперативном опосредованном общении по поводу неотложных дел.**

Переписка знатных римлян тоже содержит в себе примеры осознания аналогичных потребностей. В этом смысле особенно любопытны «разборки» с недобросовестными корреспондентами. В таких письмах всякий раз говорится о том, чего хочет «заказчик» от корреспондентских отчетов, – иначе говоря, *запрашивается определенный тип продукта.*

Пройдет еще очень много времени, прежде чем появится профессия «журналист». Но потребность общества в продукте, который ее вызовет к жизни, заявлена, и уже начался поиск пути к его созданию – *поиск способа деятельности.* Вот так параллельно и предстоит развиваться на громадном историческом пространстве этим двум процессам: осознанию обществом качеств необходимого ему конкретного продукта и становлению способа его производства.

XV век, с которым историки журналистики связывают появление рукописных известий, рассылавшихся за определенную плату конкретным заказчикам, не оставил надежных свидетельств, способных помочь нам представить себе, **что именно** нужно было тогда от поставщиков таких «ависо». Но по тому, как менялось их содержание, можно уверенно предположить, что здесь мы имеем дело с *реакцией на запросы*, на пожелания или требования заказчиков. Комментируя исторические факты такого рода, Д.С. Авраамов пишет:

Если в XV в. наравне с важными сведениями об императорском дворе, с театра военных действий, о распространении реформации в известиях встречаются наивные и легковверные сообщения о политических пророчествах, чудесах, уродах, кометах, кровавом дожде, которые сопровождаются всякого рода опасениями, пожеланиями и надеждами, то в XVI в. в газетах преобладает уже объективный, трезвый и деловой тон отчета. В них много политических сведений, реже попадают сообщения о торговле. От излюбленных рассказней о чудесах и привидениях не осталось следа. Тенденция к правдивому изложению событий просматривается при таком сравнении с достаточной определенностью.

Скорее всего, первые газетчики руководствовались при публикации новостей не отвлеченными нравственными соображениями, а потребностями читателя. Основным потребителем информации в те годы являлась буржуазия, остро нуждавшаяся в объективном знании для решения своих революционных задач. Тенденция к правдивому изложению событий отвечала этой объективной потребности.

Наличие такой связи между потребностями общества и изменениями в характере продукта говорит о том, что *формирующееся профессиональное сознание складывающейся трудовой группы уже ведет «селекционную работу» по отбору критериев качества продукта и эффективных профессиональных действий (а возможно, и определенных проявлений личности при их осуществлении), отдавая предпочтение тому, что способствует «правдивому изложению событий».*

В высшей степени интересно то обстоятельство, что зарождавшаяся журналистика была изначально ориентирована не просто на создание отдельного текста, а на подготовку некой *панорамы действительности.* Все эти сводки новостей – «Zeitungen», «newsletters», «ависо» (равно как их древние предшественники «Acta diurna populi romani» и «Acta senatus») – вполне могут рассматриваться в качестве *первобытия* информационных потоков. Видимо, *панорамность и поступательный характер отражения действительности были в числе первых черт, осознанных обществом как необходимое свойство «запрашиваемого» продукта.* И в том, что издатель этой «панорамы» был одновременно ее автором, редактором, составителем, а часто и распространителем, не только просматривается синкретизм неразвитого явления, но и угадывается будущее журналистской профессии, связанной с двумя продуктами, с двумя

гранями способа деятельности. Приведем интересные замечания на этот счет Л.Г. Свитич. Она пишет:

Наряду с такой чисто репортерской и комментаторской ветвью предшественников журналистики, мощные потоки в нее шли *от летописцев-историков, от ученых-популяризаторов, от религиозных проповедников, от гуманистов-просветителей, от литераторов-публицистов*. Эти виды деятельности самым непосредственным образом влияли на зарождение и формирование журналистской профессии, на ее функции и роли, сливаясь, как ручейки, в единое могучее русло журнализма как самого мощного и полифункционального явления социальной жизни. Все они формировали профессиональный журнализм.

XVII век открыл в истории журналистики следующую страницу. Продукция «составителей новостей» постепенно выходила на все более широкую аудиторию и обретала такое свойство, как периодичность. Политические институты общества, и, прежде всего государственная власть, начинали понимать, что с помощью нового информационного продукта они могут решать и свои задачи, которые прежде решались в основном с помощью устного слова. Именно тогда окончательно и определилось место журналистики в социуме: она включилась в оба контура регулирования жизнедеятельности общественного организма.

Однако очень скоро претензии властных структур на то, чтобы диктовать ей свои требования к продукту, стали жесткими и корыстно окрашенными. *Возникла серьезная опасность дезориентации деятельности, потери того курса, который был задан объективными причинами, определившими ее рождение*. Такая угроза была тем более реальной, что суть происшедших перемен еще не осознавалась складывавшейся профессиональной общностью журналистов. В свете данных обстоятельств принципиальное значение имел факт публикации в середине XVIII в. работы М.В. Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии».

В журналистской среде нередко говорят об этом произведении как о начале научной разработки профессионально-этических проблем журналистики в нашей стране. Оно действительно содержит положения, актуальные для профессиональной этики журналиста и сегодня, так что такую интерпретацию не хочется оспаривать. Примечательны, однако, обстоятельства, при которых «Рассуждение...» появилось.

Непосредственным поводом, побудившим Михаила Васильевича выступить на эту тему, стала опубликованная лейпцигским научным журналом неправильная информация о работе Ломоносова. Претензии ученого к *продукту труда незадачливого автора* были так велики, что он с присущей ему основательностью *засел за изучение вопроса*. В результате международная общественность получила текст в виде диссертации и письма к Л. Эйлеру, в которых высокообразованный представитель профессиональной общности ученых М.В. Ломоносов изложил свои взгляды *на продукт, ожидаемый обществом от журналистов, и на личные качества журналистов, благодаря которым может быть создан такой продукт*. Взгляды эти свидетельствуют о том, что М.В. Ломоносов был не просто глубоким и дальновидным исследователем. Он проявил себя и как *гражданин, т.е. член гражданского общества, очень тонко чувствующий его потребности и проблемы*. В данном случае великий русский ученый выступил с обоснованными требованиями и к журналистам, и к продуктам их деятельности *с позиции высоко морального представителя гражданского общества*. Тем самым он создал противовес стремительно распространявшемуся отношению к журналистике как к придатку властей. Он фактически предварил тот подход к ней, который несколько позже привел к борьбе за ее независимость «отцов-основателей» свободной американской прессы. Один из них, Томас Джефферсон, спустя 33 года написал:

Если бы мне пришлось решать, что лучше, иметь правительство без газет или газеты без правительства, я, не колеблясь, выбрал бы последнее.

Вместе с тем именно тот факт, что журналистика стала использоваться властью в качестве средства управления, подтолкнул развитие ее технической базы и расширение границ аудитории, сделав ее массовой. Одновременно массовый характер приобрела и профессия журналиста. Знаковым явлением, закрепившим превращение журналистики в устойчивый социальный институт, стала «грошовая пресса» – дешевые издания для широких слоев населения, почти разом появившиеся во многих странах на исходе первой трети XIX в.

Можно считать, что к моменту своего утверждения в общественной жизни журналистика как вид деятельности подошла уже с определенным опытом, а следовательно, со сложившимся в основном, хотя еще и не осознанным в достаточной мере, «сдвоенным» способом деятельности. Обучение ему шло на практике (из уст в уста) через формировавшиеся профессиональные традиции, причем включало в себя не только технологическую, но и профессионально-нравственную ориентацию. В соответствии с представлениями общества о необходимом характере журналистского продукта в профессиональной журналистской среде поддерживались, поощрялись те проявления личности, которые способствовали созданию такого продукта, а значит, и укреплению престижа и благополучия членов журналистской общности. Проявления личности, служившие помехой решению данных задач, естественно порицались и осуждались.

Однако разнонаправленность общественных требований к продукту, значительно усилившаяся в результате того, что журналистика включилась в управленческий контур регулирования жизнедеятельности социума, не могла не привести к размытости критериев качества продукта. Из-за этого возник разнобой и в оценках личностных проявлений его создателей. Поскольку членов профессиональной общности журналистов (как и любой другой) в принципе характеризовал разный уровень моральности, подобная размытость критериев и оценок профессионального поведения оборачивалась *фактором риска*. Самое главное, что это был фактор риска не только для журналистского содружества, но и для общества в целом: ведь оно могло получать в таких случаях от журналистики «дисфункциональный продукт», обладающий вредоносной силой.

Надо полагать, именно это обстоятельство и вызвало к жизни процесс, которому предстояло стать *постоянной линией борьбы* журналистского «цеха» за единство профессионально-нравственной позиции в своих рядах, а вместе с тем и за незыблемость общественного значения журналистики, за высокий престиж и авторитет профессии, – *процесс кодификации норм поведения и внутригруппового контроля за их соблюдением*.

На первый взгляд, этот момент кажется во многом формальным (тем более что между писаными кодексами и реальным поведением журналистов всегда существует разрыв). Между тем в нем проявляется *сущность* профессиональной морали как особого звена в системе моральной регуляции социума: в отличие от моральных отношений в целом, профессионально-нравственные отношения предполагают *институционально организованное вмешательство* профессиональной общности в поведение ее членов.

Все это говорит о том, что начало кодификации норм можно считать, с одной стороны, свидетельством возникновения профессионально-этических воззрений, а с другой – подтверждением того, что наконец-то завершилось продолжавшееся века формирование профессиональной журналистской морали и она начала функционировать с достаточной степенью результативности. Последнее, правда, относится к тем странам, где шло *естественное развитие цивилизации*, без деформации переплетенных контуров регулирования общества как кибернетической системы. Россия не входит в их число.

Ведущие идеологи Коммунистической партии, претендовавшие на признание марксистско-ленинского учения подлинно научным и потому единственно верным, дали впечатляющий анализ истоков несправедливого распределения благ в обществе. На этой

основе они выработали *социальную утопию*, весьма соблазнительную в качестве *практической программы* переустройства общественной жизни. Полигоном испытания этой программы выпало стать нашей стране. С 1917 г. ее развитие, таким образом, стало определяться *превышением роли субъективного фактора* в объективных процессах функционирования социума, заметной *произвольностью* вмешательства человека в естественноисторические механизмы. Это сказалось и на отношениях с природой, и на организации жизни людей. На $\frac{1}{6}$ части Земли возникло руководимое Коммунистической партией государство, ориентированное на осуществление задуманной идеологами программы общественного переустройства, предполагающей направленное формирование определенного типа личности («коммунистическое воспитание»). В этой программе было немало ценных с точки зрения развития общества идей, в том числе и относительно моральных отношений, но намерение «осчастливить человечество во что бы то ни стало» изначально было чревато насилием и несло в себе угрозу деформации общественной морали – механизма, основанного *на доброй воле индивидов*. Именно потому для реализации властных функций государства потребовалась развернутая командно-административная система, снабженная мощным аппаратом принуждения, направленного, главным образом, на инакомыслящих.

Пресса в этих условиях превратилась в «подручного партии» – стала составной частью административно-командной системы, и это на десятилетия фактически вывело журналистский корпус России за рамки мировой профессиональной общности журналистов. Профессионально-нравственные отношения были настолько трансформированы партийной зависимостью журналиста, что потеряли самостоятельное значение. Скажем, содержание профессионального долга работников прессы в Уставе Союза журналистов СССР определялось исключительно задачами, которые ставила перед собой КПСС, практически без учета специфики журналистики. Ни о каких кодексах, декларирующих моральные принципы профессионального поведения советского журналиста, до конца 80-х гг. речи не велось. Зачастую оставались не известными в среде сотрудников наших редакций и международные документы, имевшие отношение к журналистской этике. Профессиональная этика как учебная дисциплина считалась несовместимой с принципом партийности журналистики, определявшим ее функционирование, и в учебных планах отсутствовала.

Если учесть, что законодательства о печати до 1991 г. тоже не существовало, то можно представить себе, сколь трудно было отечественной журналистике сохранить верность своему исконному предназначению, не утратить определяющие черты профессии. В случаях, когда журналисты решались работать в соответствии со своим спонтанно сложившимся представлением о профессиональном долге, от них требовались поистине героические усилия и недюжинная изобретательность для того, чтобы их материалы могли увидеть свет. Однако такие примеры немногочисленны. В большинстве своем представители журналистского «цеха» приспосабливались к обстоятельствам, иронизируя на предмет нередких расхождений своей практики с требованиями общей морали и отнюдь не заботясь о том, чтобы соответствовать высоким образцам профессионального долга и профессиональной чести, глашатаями которых чаще всего становились диссиденты. Это и питало отношение к профессии журналиста как к самой конъюнктурной.

Ориентация на гласность и плюрализм, заявленная в 1985 г. в качестве доминанты новой политической линии властных структур СССР, объективно означала для журналистики возвращение ей права быть самой собой. Пресса вышла из-под гнета Коммунистической партии и коммунистической идеологии. Свобода слова, свобода творческого самовыражения была не просто провозглашена, а закреплена законодательно. Но она-то и оказалась первым серьезным испытанием профессионально-нравственной зрелости нашего журналистского корпуса. Обнаружилось, что в этом плане мы изрядно отстали от коллег из многих стран. В упоении открывшимися творческими

возможностями журналисты российской прессы начали то и дело выходить за границы этического коридора, которым определяется свободное творческое пространство. Свобода творчества все чаще стала оборачиваться **журналистским произволом** – *такой формой профессионального поведения в тексте или непосредственном общении, при которой оно не согласуется ни с нормами морали, ни с интересами общества, ни с чем, кроме личного «хочу»*. А тут еще подоспело и второе испытание: на смену идеологической и экономической зависимости журналистики от КПСС пришла экономическая несостоятельность СМИ, подталкивающая к новым формам зависимости. И это испытание тоже выдержали далеко не все.

В чем же именно выразилось отставание?

Процесс кодификации профессионального этикета журналистов, начавшийся в демократических государствах в XX в., сопровождался интенсивной деятельностью по контролю за соблюдением норм со стороны редакционных коллективов, а также специально создававшихся внутрипрофессиональных структур, в том числе международных. К концу века этот процесс привел к нескольким отчетливо видимым результатам.

Во-первых, «отстоялся», «выпал в осадок» пласт профессионально-нравственных представлений, в которых отражаются объективно сложившиеся обязанности журналистики в обществе и объективно необходимые качества продукта журналистики, о чем говорит содержание кодексов, принятых международными журналистскими организациями и отдельными редакционными коллективами.

Во-вторых, определились алгоритмы действия профессиональной морали и формы влияния профессиональной общности на своих членов, о чем свидетельствуют множественные прецеденты из практики журналистских организаций в разных странах мира.

В-третьих, в общих чертах обозначился своеобразный профессионально-нравственный облик журналиста. Для него характерны достаточно высокий уровень общей моральности, глубокая преданность профессиональному долгу и острое чувство профессиональной ответственности. Мы могли убедиться в этом не раз, наблюдая работу зарубежных коллег в нашей стране во время чрезвычайных событий (путч 1991 г., октябрьские события 1993 г., вооруженный конфликт в Чечне).

Сказанное не означает, что ситуация в журналистике мирового сообщества приобрела благостный характер и редакционные коллективы навсегда избавились от неумелых или недобросовестных сотрудников, а конфликты морального свойства полностью исчерпали себя. Дело в другом: в журналистских кругах *установился профессионально-нравственный климат, стимулирующий уважительное отношение членов редакционных коллективов к профессиональным стандартам поведения*. Журналисты увидели в них средство укрепления престижа профессии и своего личного престижа, упрочения законным путем своего материального благополучия. Пренебрежение профессиональными стандартами становится при таком положении для нарушителя «себе дороже», оборачивается существенными потерями и в моральном, и в материальном плане.

Справедливости ради надо сказать, что в отдельных странах замечается избирательное отношение к нормам этики, рождающее терпимость к нарушениям некоторых из них. Данные российско-американских исследований личности журналиста показывают, например, что американские журналисты склонны относиться более терпимо, чем их российские коллеги, к нарушению этических норм *при получении информации*. Ученые объясняют это следующим образом:

Условия конкурентной борьбы, делающие задачу сообщить информацию первым, получить сенсационный материал практически вопросом выживания средства массовой информации, ориентация на расследовательскую функцию сформировали в США более напористый по сравнению с российским тип журналиста.

Возможно, что у таких нарушений этических норм имеются и причины, лежащие более глубоко. Предположить это заставляет тот факт, что в подобном отношении к нормам определенного типа просматривается *общая позиция национального содружества журналистов*, а это уже повод для размышлений. Как бы то ни было, и в американской журналистике формированию устойчивого профессионально-нравственного климата уделяется самое пристальное внимание. В том же исследовании отмечается, что процесс формирования представлений о журналистской этике в США «подвергается воздействию комплекса факторов» и достаточно результативен.

Мировому журналистскому сообществу присуща еще одна довольно ярко выраженная тенденция. Для тех журналистов, уровень профессионально-нравственной зрелости которых достигает высшей отметки, *следование профессиональным стандартам становится самоценным*. Профессионально-нравственные мотивы у них начинают доминировать в структуре мотивации деятельности, «перевешивая» материальный интерес, так что *в ситуациях морального выбора этичность поведения оказывается предпочтительней, даже если она не ведет к экономическому успеху*.

К сожалению, ни одно из перечисленных обстоятельств для нашей журналистики в сколько-нибудь значительной мере не характерно, хотя кодексы начали создаваться и у нас. В историю отечественных СМИ войдут и «Кодекс профессиональной этики журналиста» (1991 г.), и «Декларация» Московской хартии журналистов (1994 г.), и «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» (1994 г.), и «Хартия телерадиовещателей» (1999 г.), и многие другие подобные документы. Однако сказать, что они уже «работают», значит серьезным образом погрешить против истины. Это с определенностью подтверждают результаты обсуждения «Кодекса профессиональной этики российского журналиста», которое было проведено Исследовательской группой Российско-американского информационного пресс-центра в ноябре – декабре 1994 г. в пяти крупных региональных центрах России.

Картина, которую они рисуют, в общих чертах выглядит так:

- ♦ профессиональный этос, т.е. набор фактически действующих в практике некодифицированных норм, существует, однако этическая рефлексия в сознании журналистов представлена минимально;
- ♦ представления об этических и правовых нормах и соответствующих механизмах их реализации в сознании журналистов смешаны, выделение специфически этических проблем в профессиональной деятельности затруднено;
- ♦ есть признаки «негативной идентификации» журналистов с фактически действующим профессиональным этосом, имеющим крайне противоречивый характер. В сознании журналистов одновременно отражены фрагменты этики и «официозной» («государственной») прессы, и зарождающейся «независимой» («свободной») прессы;
- ♦ очень велико сомнение журналистов в действенности каких бы то ни было этических документов без основательного обеспечения правовой базы для их принятия. Что касается кодификации этических профессиональных норм в общероссийском масштабе, то эта идея представляется нереалистичной.

Давая диагноз проблемной ситуации, сложившейся в российских СМИ, авторы отчета об исследовании (они называют его обследованием) обращают внимание и на то, что журналистам, по всей вероятности, не хватает стратегий *личного профессионального выбора*, у них отсутствуют навыки принятия автономных решений в непростых профессиональных ситуациях, когда надо полагаться на личную ответственность или собственный риск. Выводы после общения с журналистами звучат так:

Традиционное мышление «должностного лица», находящегося на государственной службе, и постепенное осознание своей социальной миссии как представителей независимой «четвертой власти» порождают внутренне противоречивую конфликтную ситуацию в сознании участников. Она, в частности, проявляется во взаимоисключающих требованиях к этическому

профессиональному Кодексу. С одной стороны, настойчива потребность в получении авторитарных инструкций «что можно, что нельзя», выполнение которых гарантирует «правильное» поведение в ситуациях этического выбора и, соответственно, избавляет от необходимости принятия на себя моральной ответственности за собственные действия. С другой – постепенно складывается понимание, что этическое профессиональное поведение журналиста неразрывно связано со способностью и умением осознанно совершать личный выбор в ситуациях, не поддающихся правовому регулированию. Острота описанного внутреннего конфликта обусловлена, в частности, размытостью, неопределенностью нормативной этической ориентации.

Все это весьма прискорбно сказывается на практике российских средств массовой информации. Заметно снижается качество совокупного журналистского продукта и падает авторитет журналистики; а вместе с тем журналистская корпорация обнаруживает беспомощность в борьбе за сохранение так трудно давшегося ей права выполнять свои профессиональные обязанности в полном объеме, в полном соответствии с предназначением журналистики. Борьба эта обостряется и по экономическим, и по политическим причинам.

В ходе акционирования российских СМИ экономика информационного производства оказалась тесно связана (а точнее – сращена) с экономикой материального производства. Это поставило прессу в зависимость от крупных промышленных и финансовых структур, что вызвало, по меньшей мере, два тяжелых последствия:

- ♦ возникла гипертрофия товарных отношений в сфере журналистики, повлекшая за собой ориентацию на *доходность во что бы то ни стало*, а соответственно и резкое «пожелтение» изданий и программ, проявившееся в погоне за «жареными фактами» и потакании вкусам той части аудитории, которая не может похвалиться высокой культурой;

- ♦ средства массовой информации стали интенсивно использоваться для «разборок» конкурирующих экономических группировок и связанных с ними политических сил, что положило начало «войне компроматов» в прессе, росту ангажированности и коррумпированности среди журналистов и прочим нездоровым с точки зрения профессиональной нравственности явлениям.

Государственная власть устранилась от протекционизма рынку прессы и материальной поддержки СМИ, а в ответ на попытки журналистики утвердиться в качестве независимого критика властных структур отработала набор политических, экономических и административных методов, позволяющих осуществлять ощутимый нажим на нее. Союз журналистов России вынужден был даже обратиться в 1977 г. к общественности страны с докладом о критическом состоянии российских средств массовой информации, в котором, охарактеризовав современное положение журналистов, специально подчеркнул:

Чинятся препятствия в исполнении ими (журналистами – *Г.Л.*) профессиональных обязанностей со стороны властных структур, в той или иной форме возрождается цензура. Давление на «неудобных» журналистов оказывается и путем различных материальных ограничений, ущемления их гражданских прав. Преследования журналистов ведутся и в судебном порядке...

...Нормой отношения к журналистам становится насилие. Участились случаи нападения на них, издевательств и оскорблений. В их адрес раздаются угрозы, множатся факты жестокой расправы с ними, вплоть до убийств.

При такой ситуации профессионально-нравственное возмужание журналистского «цеха» нашей страны становится вопросом первостепенной значимости. В сущности, это и есть одно из тех условий, при которых корпорация журналистов может стать силой, способной и отстоять свое место в обществе, и укрепить свою экономическую независимость, и вернуть себе авторитет сограждан, существенно улучшив качество адресуемых им массовых информационных потоков. Но по приказу такие условия не

создаются. Как же стимулировать этот процесс? Нет ли подсказки в самом механизме функционирования профессиональной морали?..

ГЛАВА III. «НАЙТИ НА ПИСАК УПРАВУ МОГЛА ТОЛЬКО КПСС!»

Начался этот спор с того, что я во время беседы с друзьями к слову упомянула пару фраз, сказанных мне молодой журналисткой, недавно вернувшейся из Америки (она пять лет работала там по контракту в одной из радиовещательных компаний). «Что меня удивило, – говорила она, – так это их отношение к этике. Знаете, насколько у них там с этим лучше?.. Они, конечно, тоже нарушают свои кодексы, не без того. Но это считается у них неприличным!»

В ответ неожиданно разразилась буря:

– А что означает для них «неприлично»?

– А больше сказок она не привезла?

– А у нее все в порядке с адекватностью восприятия?

И так далее в том же духе. Я оскорбилась за свою бывшую студентку, поэтому довольно резко прервала бурный поток эмоций.

Тогда в разговор вмешался единственный в нашей компании нежурналист – радиоинженер, прибившийся к нам неизвестно почему и неизвестно зачем, но очень нам полюбившийся. Так вот он произнес, повернувшись ко мне:

– Ну, чего взорвалась? Не знаешь, что ли, своих коллег? Этот народ все на свой аршин меряет. А аршин-то у него нестандартный. Разве указ ему какие-то там американские кодексы? Ему и наши-то для забавы... На вас, расейских писак, только КПСС могла управу найти!

Развеселились, конечно...

А мне этот нестандартный аршин и по сей день не дает покоя. Неужели и в самом деле мы не восприимчивы к чужому опыту, даже если он нам необходим? И главное, он же не «их» изобретение, этот опыт. Просто – сложившаяся профессиональная мораль в действии. Может, если точно понять механизм ее действия, то станет интересен и опыт, а «управа» найдется сама собой?

Где «проживает» сознание группы?

Как мы уже знаем, профессиональная мораль, в отличие от трудовой, возникает не в виде компонента моральной установки индивида, а в виде одной из сторон способа деятельности. Способ же деятельности складывается в трудовой практике профессиональной группы и постепенно «оседает» в групповом профессиональном сознании. Оттуда и черпает индивид профессионально-нравственные представления, «подключаясь» в пору своего профессионального становления к этой трудовой группе. Но что такое «профессиональное сознание»? До сих пор мы употребляли это понятие, не разъясняя его смысла, полагая, что читатель интуитивно догадается о его значении. Пришла пора четко показать, что стоит за ним, каковы его содержание и функции, как именно оно связано с профессиональной моралью.

Понятием «**профессиональное сознание**» обозначается та часть общественного сознания, которая возникает в его структуре как проекция специализации трудового опыта конкретных профессиональных групп – результат общественного разделения труда. Естественно, что оно является *специализированным* и существует как некоторое множество существенно отличающихся друг от друга «пластов». Однако они объединены в силу двух причин: во-первых, у них **общая функция** – *отражать и программировать жизнедеятельность определенной трудовой группы*; во-вторых, у них **общая природа**, поскольку они образуются в результате переработки информации и о разных сторонах жизнедеятельности трудовой группы, и о разных сторонах ее взаимодействия с обществом. Каждый «пласт» представляет собой постоянно развивающуюся совокупность знаний, норм и ценностей, предназначенных для обслуживания потребностей этой трудовой группы – совокупного субъекта данного вида деятельности.

Профессиональное сознание трудовой общности журналистов – один из таких «пластов». Соответственно и складывается оно таким же образом. История журналистской деятельности, растянувшаяся на века, есть одновременно история

формирования и развития профессионального журналистского сознания. По словам Л.Г. Свитич,

профессия журналиста и организационные формы кооперирования журналистов эволюционировали от единичных корреспондентов, сообщающих новости своим хозяевам, через корпорации сотрудников, занимающихся продажей новостей своим абонентам, до современного корпуса журналистов, работников средств массовой информации...

Профессиональное журналистское сознание тоже эволюционировало – от представлений одиночек, отозвавшихся на общественную потребность в специфическом информационном продукте, до своего современного состояния, когда оно превратилось в развернутую и достаточно системную *совокупность знаний, норм и ценностей, отражающих и направляющих профессиональную деятельность журналистского корпуса*. Эволюция шла через отбор, обобществление и обогащение первоначальных представлений в трудовой практике возникающих объединений нувеллистов, «кэдди» и т.д.

Исходные «клеточки» профессионального журналистского сознания – это *представления о продукте, в котором нуждается общество, и о том, как данный продукт может быть произведен*. С формирования таких представлений и начинается осознание обязанностей, т.е. функций трудовой группы. Интересно, что даже на первых этапах развития профессиональной журналистики, вошедших в историю под названием «эпоха персонального журнализма», разброс таких представлений, судя по продукции, был не особенно широк: несмотря на автономность возникновения, изданиям в разных странах свойственна общность ключевых характеристик. А в случаях, когда различия все-таки обнаруживаются, заметна тенденция к стиранию их, к взаимообогащению. Примечателен, например, такой исторический факт:

Петр I, после знакомства с европейской прессой, преобразовал «Ведомости Московского государства» из сборника дипломатических сообщений в агитационно-пропагандистское средство.

Тем самым Петр предпринял попытку «выравнивания» функциональной специфики журналистики в России и в Европе, продемонстрировав восприимчивость к чужому положительному опыту.

Данные проведенных в нашей стране и за рубежом социологических исследований, а также теоретические положения, полученные на их основе, позволяют сделать вывод, что для *развитого* профессионального журналистского сознания определяющими являются три комплекса представлений.

Первый комплекс отражает место профессии в обществе, функции и принципы журналистики, ее роль и связи с другими социальными институтами, т.е. имеет методологический характер. Он определяет самоощущение профессионалов, их самосознание, диктует им соответствующие роли и подходы к деятельности. Преимущественным (но не единственным!) элементом этой группы представлений являются **знания** как продукт науки, усвоенный (интериоризованный) членами трудовой группы.

Второй комплекс – своего рода «копилка» опыта решений профессиональных задач. Он отражает особенности процесса работы, ее методы, ее инструментарий в виде определенных алгоритмов и прецедентов, которым целесообразно или не целесообразно следовать. Соответственно здесь преимущественный элемент (но опять-таки не единственный) – **правила, нормы** деятельности.

Третий комплекс представлений отражает желаемые и нежелательные для журналистского сообщества варианты личностных проявлений в типовых ситуациях профессиональной деятельности, ориентируя на те из них, которые получили одобрение, поскольку оказались благоприятными для деятельности, для выполнения журналистикой

ее социальной роли. Подобные проявления личности, как правило, представляют собой *результат выбора* ею такого варианта поведения, в котором могут реализоваться и *побуждения моральной установки, и адекватные реакции на конкретные условия деятельности*. Следовательно, третья группа представлений в профессиональном сознании создается сменяющимися друг друга поколениями журналистов на основе их *профессионально-нравственного выбора* вариантов поведения. Поэтому она с полным правом может рассматриваться как стихийно-интуитивное обобщение профессионально-нравственного опыта журналистской деятельности, которое и образует *фундамент профессиональной морали* журналиста. Преимущественный элемент в данной группе – **профессионально-нравственные ценности и образцы поведения**, в которых они воплощаются. Именно это звено профессионального сознания и составляет предмет нашего непосредственного интереса. Однако не будем пока сосредоточивать на нем внимание: прежде нам важно понять, какие формы принимает профессиональное сознание.

Уже по эпизоду с Петром I видно, что даже на стадии, когда журналистика как род деятельности в своих определяющих чертах в основном сложилась, но массовой профессией еще не стала, профессиональное сознание журналистской общности существовало как *взаимодействие двух его проявлений – личностного и надличностного*. Так обстоит дело и сегодня. Нетрудно заметить, что возникновение представлений профессионального сознания связано с трудовой практикой отдельных членов группы и, следовательно, с *индивидуальным* сознанием. Однако свою функциональную специфику: формировать, хранить, распространять (в том числе воспроизводить в новых поколениях) профессиональные ценности, – оно отчетливо обнаруживает в формах *надличностных, социально-групповых*, т.е. в таких, бытие которых так или иначе объективировано в жизни общности.

Поначалу надличностных форм было две. Одна из них – объективация в журналистской продукции *общепринятых представлений* о ее характерных чертах, выступающая в некотором роде в качестве *образца*. (Потому Петр I и смог расширить функциональный ряд «Ведомостей», сориентировав их на опыт европейской прессы, что имел возможность «вычислить» эти характерные черты на основе публикаций западных газет.) Вторая форма – объективация во внутригрупповом профессиональном общении, через которое реализуют себя горизонтальные и вертикальные связи журналистского «цеха», тех *предпочтений*, что определяются в опыте деятельности. Такое общение предстает в виде циркуляции мнений, коллективных решений, совместных акций, символически-знакового выражения отношения к тем или иным профессиональным шагам. Через это общение осуществляется отбор и сохранение наиболее эффективных рабочих приемов, наиболее выигрышных для любого конкретного вида деятельности моделей поведения, наиболее точных критериев оценок. А в результате возникают **обычаи и традиции**, в которых закрепляются «находки», передающиеся затем от страны к стране, от поколения к поколению в качестве позитивного опыта деятельности, неких ее образцов.

Исходные формы надличностного существования профессионального сознания остаются доминирующими и тогда, когда профессия становится массовой. Однако на базе растущего самопознания журналистики круг основных профессиональных представлений существенно расширяется, усиливая тенденцию к их документальному закреплению. Утверждается третья форма надличностного существования профессионального сознания – **документированность**. Вместе с нею утверждаются и определенные типы **профессиональных документов**, отражающих методологию деятельности, ее правила, принципы отношений, словом, разные уровни и грани объективируемого профессионального сознания. Теперь опыт журналистской трудовой группы аккумулируется не только в традициях и обычаях. Его несут в себе книги журналистов о своей работе и научные труды по профессиональным проблемам, уставы общественных

журналистских организаций и должностные инструкции конкретных редакционных коллективов, программы и планы деятельности, постановления редакционных советов, всякого рода соглашения – начиная от договоров с издателями и кончая контрактами, которые заключаются между работодателями и журналистами. Профессиональное сознание журналистского «цеха» получает материальное символически-знаковое воплощение и тем самым усиливает свою роль как средоточие профессиональных ценностей и норм, способных регулировать жизнь трудовой группы и ее взаимоотношения с обществом. Кодификация моральных норм, о которой мы уже говорили, и есть один из моментов этого процесса.

Тем не менее, в одних лишь надличностных формах профессиональное сознание журналиста, как любое другое профессиональное сознание и как сознание общества в целом, существовать не может. Его функционирование основано на том, что *носителем профессионального сознания является не только трудовая общность в целом, но и каждый отдельный член ее*. Личностные формы профессионального сознания возникают в результате включения общих профессиональных представлений в индивидуальное сознание.

Как известно, индивидуальное сознание профессионала не сводится к профессиональному сознанию. В целом оно много богаче и сложнее, ибо в той или иной мере содержит в себе результаты отражения всего комплекса связей человека и действительности, в том числе его личных, индивидуальных связей. Профессиональные представления образуют в индивидуальном сознании только один блок – тот, который формируется в трудовом опыте и ориентирован на руководство жизнедеятельностью человека в процессе решения им профессиональных задач. Этот блок в сознании индивида очень весом и для него лично, и для профессиональной общности, и для общества в целом. Во-первых, он определяет возможности полноценной реализации человека как социального существа, поскольку профессиональная роль – одна из базовых социальных ролей личности. Во-вторых, он является незаменимым звеном в механизмах осуществления социального назначения данной трудовой группы, так как регулирует профессиональные трудовые отношения. В-третьих, он оказывается условием бесперебойного воспроизводства ресурсов жизнеобеспечения общества в профессионально-трудовой сфере. Профессиональный блок индивидуального сознания – это то средство, благодаря которому неповторимая человеческая индивидуальность «вписывается» и в деятельность трудовой группы, и в отношения между ее членами, и в отношения ее с обществом.

В индивидуальном сознании журналиста профессиональный блок играет столь же значительную роль. Этот блок, естественно, не исчерпывает всего объема его индивидуального сознания, но, взаимодействуя с остальными его частями, испытывая их влияние и накладывая некоторый отпечаток на них, тем самым существенно влияет на развитие человека в определенном, профессионально выигрышном ключе.

Содержательно профессиональный блок индивидуального журналистского сознания характеризуется теми же тремя группами представлений, которые проявляются в сознании журналистской общности в целом. Это, напомним, представления о месте и роли журналистики в обществе и ее функциях, об инструментально-процессуальных особенностях деятельности, о желаемых и нежелательных проявлениях личности в ходе работы. Однако в индивидуальном сознании они присутствуют, естественно, в меньшем объеме, в разных соотношениях и обнаруживают себя в формах, соответствующих психологической структуре личности. При этом наблюдается весьма любопытное явление: подобно тому, как белки, жиры и углеводы, соединяясь в разных пропорциях, образуют разные продукты, так и выработанные журналистским сообществом знания, нормы и ценности в структуре личности журналиста оформляются в психические образования, отмеченные различным сочетанием рациональных, эмоциональных и волевых процессов.

Первой, наиболее рационализированной и умозрительной формой профессиональных представлений в индивидуальном сознании можно считать **взгляды**. Это те осознаваемые, поддающиеся словесному выражению результаты освоения знаний, норм и ценностей, которые прошли *личностный отбор* в контексте предшествующего жизненного и профессионального опыта (в том числе косвенного). Как правило, они сознательно закладываются журналистом в основу его профессиональной позиции.

Второй формой личностного проявления профессионального сознания журналиста служат **убеждения** – рациональные воззрения, прошедшие проверку практикой, ставшие итогом *вторичного личностного отбора*, уже на основе собственного непосредственного опыта. Вследствие этого они получают отчетливую эмоциональную окраску. Убеждения придают цельность и устойчивость профессиональной позиции журналиста, стимулируя высокую степень волевой готовности к действиям для ее реализации.

Третья форма – это **чувства**, представляющие собой стойкое эмоциональное отношение к тем или иным сторонам журналистской деятельности. В отличие от эмоций, чувства соответствуют *постсознательной стадии освоения профессиональных ценностей*. На данной стадии профессиональная позиция становится органической частью жизненной позиции журналиста. Для ее осуществления от него уже не требуется сознательных волевых усилий, тем более что она опосредована высоким уровнем его профессиональных умений. Чувства в данном случае осуществляют функцию сигнала к автоматическому «запуску» комплекса психологических установок, ориентированных на решение возникающих профессиональных задач.

Профессионально-нравственные представления в индивидуальном сознании журналиста «живут» в тех же формах. Однако, поскольку они отражают особые моменты профессиональных отношений, целесообразно их выделить и терминологически. В связи с этим мы будем говорить о *профессионально-нравственных взглядах, профессионально-нравственных убеждениях, профессионально-нравственных чувствах*.

Как и в сознании любого другого профессионала, в индивидуальном сознании журналиста профессионально-нравственные представления формируются по мере того, как он «вживается» в профессию и осознает свою связь с трудовой группой и сферой деятельности, осваивает свое новое место в обществе. Фактически его профессионально-нравственное развитие является одной из сторон его профессионального становления. Как правило, такое становление начинается за порогом отрочества, когда в человеке уже отчетливо проявилась индивидуальность и определился уровень его моральности. Отсюда – возможные «нестыковки» моральной установки личности и постигаемых ею постулатов профессиональной морали. И дело не в том, что профессиональная мораль может противоречить общему нравственному закону, опровергая те или иные его моменты. Чаще всего основным источником «нестыковок» становятся изъяны моральной установки личности, ее неполное соответствие нравственному закону, т.е. недостаточно высокий уровень моральности претендента на освоение профессии, который выступает в качестве препятствия к постижению и выполнению требований профессиональной морали.

Дело в том, что общая моральность для журналиста – не просто желаемая черта личности. От уровня моральности зависит возможность качественно выполнять профессиональные обязанности. Ведь они предполагают оценки происходящего, в том числе моральные, а критерии, на основании которых эти оценки выносятся, восходят к моральной установке и отражаются в представлениях морального сознания, описываемых этикой в категориях блага, добра и зла, счастья и смысла жизни. Если содержание этих представлений у претендента на профессию журналиста расходится с нравственным законом, то профессионально-нравственные отношения с самого начала складываются для него конфликтно. Возникает либо внутриличностный, либо производственный конфликт, что нередко приводит к необходимости сменить профессию.

Однако и при достаточно высоком моральном уровне личности освоение профессиональной морали далеко не всегда проходит гладко. Причины этого известны

стандарты поведения, на которые ориентирует профессиональная мораль, могут быть трудно достижимы, скажем, из-за недостаточной коммуникабельности или мобильности человека, из-за неблагоприятной атмосферы в коллективе. Тогда-то и возникает проблема адаптации, приспособления индивидуальных свойств личности к тем или иным профессионально-нравственным условиям.

Схема 3

СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ЖУРНАЛИСТА

Словом, профессионально-нравственное становление журналиста – процесс не одномоментный, не простой, предполагающий тесное взаимодействие с профессиональной средой. Но это та необходимая часть пути к профессионализму, преодолев которую журналист и обретает способность слышать Внутренний Голос, управлять своим профессиональным поведением в достаточно сложных ситуациях, уверенно добиваясь качественных результатов деятельности. Никакая иная «управа» ему уже не нужна.

И все-таки от встречи с обстоятельствами, при которых трудно принять точное решение, сделать правильный моральный выбор, люди нашей профессии не могут быть застрахованы. Риск ошибиться сопутствует каждому хотя бы потому, что любой из нас может попасть в коллизию – ситуацию, представляющую собой столкновение противоположных концепций, разных «систем отсчета». Так, скажем, создает коллизию для журналиста столкновение права человека «на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» с правом «искать, получать и распространять всякого рода информацию», к которому восходит суть журналистской деятельности. В подобных случаях профессиональная мораль выступает в роли прожектора, высвечивающего противоположности. Привлекая внимание к ним, она способна стимулировать дальнейшее развитие профессионально-нравственных отношений журналистского содружества. Как это происходит?

Как профессиональная мораль действует в журналистике?

Начнем с истории, рассказанной Барбарой Томас из Германии на семинаре по профессиональной этике, организованном Европейским Центром журналистики. События, о которых она поведала, произошли в Гамбурге. Их вызвала телепрограмма «Айншпух» («Протест»), передававшаяся по частному каналу спутникового вещания SAT 1. Вел ее Ульрих Мейер. Одним из участников передачи был Питер М. – политик, курировавший вопросы работы с молодежью в Партии Зеленых (ранее он не раз подвергался критике за то, что использовал весьма неформальные методы помощи молодым проституткам мужского пола). В конце передачи в студии появился молодой человек-проститутка, якобы смотревший телепрограмму и опознавший в М. своего клиента. Ответом телепрограмме со стороны Питера М. было обвинение Мейера и телеканала в клевете. Политик подал на них иск в суд. Началось разбирательство.

Мейер объяснял свои действия тем, что хотел дать М. возможность отреагировать на слухи о нем, которые бродили в обществе, и утверждал, что его сотрудники проверили заявление молодого человека, сделанное во время передачи, – оно подтвердилось. Однако источников информации он не раскрыл. Адвокат политика расценил передачу как провокацию в канун выборов в Гамбурге, связанную с тем, что М. являлся официальным юридическим советником Партии Зеленых. Судья, возглавлявший рассмотрение правового спора, попытался примирить участников тяжбы, предложив форму соглашения. Адвокат Мейера ее не принял, и разбирательство продолжилось.

Подал свой голос и Краевой комитет по СМИ – орган, наблюдающий за деятельностью телеканала. Он сделал создателям передачи замечание по поводу того, что политик не был заранее извещен о предстоящем ему испытании.

А за несколько дней до выборов в Бундестаг информационно-развлекательный журнал «Tango» опубликовал статью об этом политическом деятеле и о ходе расследования, ведущегося по иску, который он подал в суд. Позиция журнала была недвусмысленной: авторы статьи явно намеревались дискредитировать М. В журнале цитировались материалы следствия, причем цитаты оказались крайне непристойного характера (имена свидетелей, проходивших по делу, были изменены). Два момента в статье обращали на себя особое внимание. Во-первых, в ней сообщалось о наступившей от передозировки героина смерти задержанного в телепередаче молодого человека-проститутки и бездоказательно высказывалось предположение, что она связана с намерением М. заплатить ему деньги за отзыв свидетельских показаний (последнее действительно имело место). Во-вторых, были обнародованы сведения об обвинительном приговоре, вынесенном М. 32 года назад и за истечением срока давности, согласно немецкому законодательству, утратившем силу, тем более что наказание тогда 15-летний М. получил и отбыл.

Реакция журналистской общественности на эту статью была следующей. Гамбургское отделение Союза журналистов Германии, насчитывающее более 2000 членов (по численности это второе отделение после берлинского), выступило с заявлением по поводу клеветнического характера статьи и уровня используемой в ней аргументации. Председатель отделения обратился с жалобой в Совет по печати Германии, требуя вынести редакции «Tango» общественное порицание, так как в статье неоднократно нарушается этический Кодекс.

Совет по печати Германии принял постановление поддержать протест, считая, что для этого есть серьезные доводы, а именно:

а) публикация в журнале «Tango» противоречит двум положениям Кодекса журналистской этики (о защите конфиденциальности и о том, что пресса не может выносить свой приговор до завершения судебного процесса);

б) сексуальный опыт описывается в статье с излишними подробностями, что нарушает право на неприкосновенность личной жизни;

в) слух о том, что М. заплатил несовершеннолетним за отзыв компрометирующих его доказательств, – настолько серьезное обстоятельство, что ссылки на непроверенные источники для обвинения недостаточно;

г) поскольку реинтеграция бывших заключенных (включение их в общество после отбытия наказания) предполагает, что в прессе не должно упоминаться об их бывших судимостях, использование биографических данных М. также является ошибкой.

Выразив таким образом порицание редакции, Совет по печати не стал, однако, требовать от журнала публикации своих выводов и рекомендаций, дабы не привлекать и далее внимания к М.

Это побудило Союз журналистов, в традициях которого было защищать независимость редакционных сотрудников от давления издателей, на сей раз отступить от принятой позиции, обратившись к издателю журнала «Tango» с просьбой обязать редакцию принести М. публичные извинения и впредь подобных казусов не допускать.

Ответ на свое письмо Союз журналистов получил не от издателя, а от главного редактора журнала. Тот выразил несогласие с оценкой статьи и привел в обоснование весьма существенное суждение: когда речь идет о политическом деятеле, следует считать приоритетным право граждан знать о нем все, в том числе факты его прошлого. Журналистская общественность, казалось бы, уже рассмотревшая ситуацию с разных точек зрения, встала перед необходимостью осознать происшедшее как коллизию...

Данная история представляется достаточно яркой иллюстрацией процесса функционирования профессиональной морали.

Она высвечивает, делает наблюдаемыми многие грани профессионально-нравственных отношений в их естественном движении, позволяя осознать ключевые в этом смысле моменты:

- ♦ побуждение Ульриха Мейера к созданию передачи, основанное на его индивидуальном представлении о профессиональном долге, в частности, такой грани долга, как обязанность давать аудитории полную информацию о политиках;
- ♦ выбор авторским коллективом тех средств, которые помогли бы сделать передачу убедительной для аудитории (в том числе заявление молодого человека, узнавшего М., – как выяснилось, он получил гонорар за участие в передаче, следовательно, его появление планировалось заранее);
- ♦ готовность к ответственности за сделанный выбор, которую проявил Ульрих Мейер, отказавшись от компромисса в ходе судебного разбирательства (судя по всему, сделал он это для того, чтобы расследование помогло выявить истинное лицо М.);
- ♦ критическую реакцию Краевого комитета по СМИ на некорректность поведения сотрудников телеканала по отношению к М. как ее участнику (не предупредили, что его ждет в ходе передачи);
- ♦ ответ на критику в виде решения руководителя телеканала снять повтор передачи в эфир;
- ♦ стремление проявить профессиональную солидарность с коллегами-телевизионщиками со стороны журналистов «Tango», «напавших» на М. с разоблачениями, хотя и недостаточно доказательными;
- ♦ критическую реакцию Союза журналистов и Совета по печати Германии на те моменты статьи, в которых журналисты допустили нарушение действующего Кодекса этики;
- ♦ несогласие редактора журнала с критикой статьи, вызванное другим взглядом на приоритетность принятых в сообществе журналистов профессионально-этических положений.

Перечисленные факты из деятельности сообщества немецких журналистов дают возможность понять, каким образом профессиональная мораль включается в моральные отношения общества. По этим фактам можно проследить ее взаимодействие с общей моралью через личностные и надличностные формы профессионального сознания. Отчетливо просматриваются связи профессионально-нравственных представлений с профессиональной практикой, институционального внутригруппового контроля, сопровождающегося санкциями, с рефлексией отдельных участников происходящего. Мы видим, как эта личностная рефлексия «подталкивает» коллективную рефлексия, коллективный поиск новых подходов к разрешению профессионально-этических коллизий.

Обобщая подобные ситуации, можно сделать вывод, что *функционирование профессиональной морали в журналистском сообществе с развитыми демократическими традициями есть многогранный, многоэтапный процесс*. Его многогранность обусловлена тем, что он:

- ✓ опирается на фиксированные профессионально-нравственные предписания, выработанные трудовой группой и подлежащие освоению каждым ее членом;
- ✓ ориентирует на ответственный выбор решений профессиональных задач в соответствии с этими предписаниями;

✓ включает в себя в качестве обязательного момента контроль общественных профессиональных организаций за соблюдением предписаний и применение санкций в случае их нарушения;

✓ сопровождается личностной и коллективной рефлексией, которая стимулирует дальнейшее профессионально-нравственное развитие сообщества (это находит отражение и в новых документах журналистских организаций, в том числе даже таких, как условия контрактов).

Все это и создает в журналистском цехе тот относительно устойчивый профессионально-нравственный климат, о котором говорилось ранее.

А теперь познакомимся с другой историей, обсуждавшейся на том же семинаре, из практики российской журналистики. Суть происшедшего заключалась в следующем.

Во время войны с Чечней, когда в российских СМИ события освещались в основном с позиций официальных властей (1994–1996 гг.), руководство НТВ поручило журналистке Елене Масюк взять интервью у Шамиля Басаева. Правительство объявило его террористом, поскольку он организовал захват больницы в Будённовске, сделав всех ее пациентов заложниками.

Елене Масюк удалось встретиться с Басаевым в засекреченном месте через несколько недель после событий в Будённовске. Интервью пошло в эфир. После этого журналисткой заинтересовались правоохранительные органы. Российская прокуратура выдвинула против нее обвинение в сокрытии местонахождения преступника. Несмотря на давление, оказанное на нее и работавшего вместе с ней телеоператора, раскрыть местонахождение Басаева они отказались – в соответствии с требованиями Закона о СМИ и предписаниями Кодекса профессиональной этики (как, впрочем, отказалось сделать это и руководство телекомпании). Исполнению закона, требующего от граждан помощи следствию в поимке лиц, подозреваемых в преступлениях, они сочли необходимым предпочесть исполнение Закона о СМИ и заповедей профессиональной морали.

В данном случае коллизия была решена на уровне коллегиально выработанной на НТВ позиции, однако для широкой профессиональной среды эта коллизия осталась фактически незамеченной. Ни Союз журналистов, ни Фонд защиты гласности, ни какая-либо иная журналистская общественная организация не сделали этот эпизод предметом специального рассмотрения. И хотя на журналистских тусовках о нем несколько раз упоминалось, то было скорее всего просто выражение сочувствия Елене Масюк.

Между тем профессионального обсуждения заслуживали многие аспекты происшедшего. И очень жаль, что коллективная рефлексия как акт поиска наиболее точного выхода из подобных коллизий не состоялась. Сказались *изъяны механизма функционирования профессиональной морали* в сообществе российских журналистов.

Каковы же эти изъяны?

Начнем с того, что у нас пока вяло идет процесс кодификации положений профессиональной морали. В странах с развитыми демократическими традициями практически каждая крупная телекомпания, каждый крупный журналистский концерн строит профессиональную жизнь, ориентируясь на специально разработанные кодексы, к тому же периодически совершенствуемые. Основные постулаты этих кодексов сходны, соотнесены с международными документами данного типа, но высокая степень конкретизации, приближенности к условиям определенных каналов или изданий придает им особый смысл.

В наших редакционных коллективах подобная практика только начинает прививаться. Во многом это связано с состоянием профессиональной журналистской этики как науки. Поначалу она набрала неплохой темп в развитии, но вдруг споткнулась о тот кризис, который переживают сегодня отечественные СМИ. Жаль, но она перестала сколько-нибудь заметно способствовать выработке профессионально-этических взглядов, сузив ручеек воздействия на профессионально-нравственные отношения в общности до публикаций, предлагаемых профессиональными журналами, и рекомендаций Судебной

палаты по информационным спорам. Значение таких материалов трудно переоценить, но они – лишь малая толика того, что требуется делать сегодня, наверстывая упущенное.

Не сформировалась и устойчивая традиция освоения профессионально-нравственных предписаний широкими кругами журналистов. Даже когда появляются документы, в которых так или иначе отражен наш профессиональный этос, знакомство с ними оказывается личным делом каждого. В итоге кое-кто из коллег до сих пор имеет весьма смутное представление о «Кодексе профессиональной этики российского журналиста» (который, заметим, уже в момент принятия вызвал разноречивое отношение к себе). О международных документах типа «Декларации принципов поведения журналистов» большинство и вовсе не осведомлено. Только в последнее время наметилась тенденция к включению тех или иных профессионально-нравственных постулатов в рабочие документы конкретных редакций, в тексты трудовых договоров, где они более доступны для основательного знакомства.

Слабо отлажены у нас пока и формы внутрикорпоративного контроля за соблюдением членами журналистского корпуса требований профессиональной морали, а уж тем более – за освоением их новичками. Это тоже в определенной степени лежит на совести профессиональной журналистской этики как науки: профессиональная мораль рассматривается ею в рамках трудовой морали, из-за чего механизмы их действия практически отождествляются. Это приводит к тому, что *недооценивается значение институционально организованного вмешательства журналистского сообщества в поведение его членов*. И хотя Союз журналистов выработал «Положение о принципах и системе общественного контроля за соблюдением журналистами положений Кодекса профессиональной этики российского журналиста», оно пока мало востребовано.

Между тем, как уже отмечалось, институционально организованное вмешательство составляет существенную особенность профессионально-нравственных отношений. Оно предполагает постоянное внимание журналистских общественных организаций к профессионально-нравственной атмосфере сообщества и совсем не тождественно административному воздействию. У него иные проявления и иная роль. В каждой конкретной ситуации институционально организованное вмешательство фактически представляет собой акт демонстрации коллективно вырабатываемого отношения к поведению коллеги (или коллег) в связи с тем, что это поведение не соответствует профессионально-нравственным ценностям.

Такое вмешательство влияет на характер общественного мнения профессиональной среды и апеллирует к профессионально-нравственному сознанию человека, к его моральной установке, подталкивая к рефлексии. Результатом бывает, как правило, либо добровольно принимаемое человеком решение о коррекции представлений и поступков, либо осознанное, мотивированное неприятие оценки, что становится поводом для коллективной рефлексии, для общего поиска все более точных профессионально-этических позиций. Дело ведь не в том, чтобы «набросить узду» на журналиста, не давая ему возможности принимать решения самостоятельно, а в том, чтобы помочь каждому почувствовать себя членом профессионального содружества, **ответственным за любое из своих решений** – перед обществом, перед содружеством, перед самим собой.

В сущности избавление от перечисленных изъянов в механизме функционирования профессиональной морали и есть путь профессионально-нравственного возмужания корпуса российских журналистов. И хотя выйти на него в современных условиях весьма непросто, жизнь сегодня ставит эту задачу в число первоочередных.

Соответственно злободневным становится и разговор о том, что может сейчас сделать для журналистской практики профессиональная этика как наука. Запрос на ее рекомендации в журналистских коллективах созрел, о чем свидетельствует хотя бы такой факт: когда Судебная палата по информационным спорам задалась целью разработать свод практических правил для российских журналистов, у сотрудников средств массовой

информации идея получила поддержку, нашлись и желающие участвовать в ее осуществлении.

В чем конкретно состоят в данный момент задачи профессиональной этики как науки?

В числе самых важных из них назовем три:

1) систематизировать и предложить вниманию журналистского цеха в виде определенной иерархии весь круг выработанных мировым журналистским сообществом представлений, в которых отражаются разные моменты профессионально-нравственных отношений журналистской среды;

2) выявить и сгруппировать в соответствии с основными линиями профессионально-нравственных отношений журналиста те стандарты поведения, которые осознаются в мировом журналистском сообществе как нормы профессиональной морали;

3) выявить коллизии, ставшие «узким местом» профессионально-нравственных отношений журналистской общности, определить источники этих коллизий и найти пути выхода из них.

Конечно, в целом круг задач профессиональной этики намного шире. Однако перечисленные задачи ждут решения в первую очередь, поскольку они ориентированы непосредственно на практическую помощь журналистскому корпусу, и прежде всего на то, чтобы оснастить его средствами, способными стимулировать ответственность журналистов. Ведь, как заметил в одной из своих статей Л. Никитинский, «в обмен на то, что журналист не несет за свое слово никакой ответственности, оно в глазах как читателей, так и обладающих властью органов не имеет реальной цены».

Размышления над кругом выделенных первоочередных задач и предлагаются читателю в следующей части книги. Но сначала подведем краткий итог тому, о чем велась речь в ее первой части.

ВЫВОДЫ

Итак, сделаем краткие выводы.

1. Мораль возникает вместе с человеческим обществом как кибернетической системой новой степени сложности и представляет собой принципиально новый механизм обеспечения согласованности действий в общности, – механизм, призванный поддержать в новых условиях генетическую установку на выживаемость биологического вида «человек».

В отличие от права, зародившегося в качестве инструмента разрешения противоречий посредством принуждения, мораль формируется как инструмент предупреждения противоречий. Ее сущность составляет добрая воля индивида к согласованию своих действий с общими интересами. Эта добрая воля изначально обусловлена тесной связью между обстоятельствами выживания индивида и общности, близостью их витальных интересов. Она восходит к общим «точкам отсчета» таких интересов, фиксируемым в общественном сознании на том или ином этапе развития социума в виде определенных ценностей, и действует с непреложностью **общего нравственного закона**.

Проявляет себя этот общий нравственный закон через систему внутренних побуждений человека, воспринимаемых им как голоса долга, ответственности, совести, достоинства и чести. Вместе с психологической установкой на выполнение велений, исходящих от «голосов», эти внутренние побуждения образуют достаточно надежный инструмент для реализации нравственного закона. Таким инструментом является **моральная установка личности**.

Моральная установка складывается на ранних этапах социализации человека при взаимодействии его с непосредственным окружением, подобно тому, как она складывалась у перволюдей в момент формирования моральных отношений социума. Зависимость от окружения предопределяет разный уровень соответствия моральной установки конкретных людей общему нравственному закону и, как следствие, разный уровень их моральности. Для общества это оборачивается известными сложностями и вызывает стремление к «перевоспитанию» тех своих

членов, у которых моральная установка не соответствует такому закону. Однако повышение уровня моральности личности, совершенствование моральной установки – дело в высшей степени трудное. Без желания и усилий самого «отрицательного персонажа» оно неосуществимо. Роль социальной среды в данном случае состоит в создании условий, способных побудить человека к самовоспитанию.

Еще один очень важный момент: в развитом обществе моральные отношения структурируются соответственно основным проявлениям его жизнедеятельности, образующим три относительно самостоятельных области: сферу труда, сферу быта и сферу гражданских отношений. По этой причине в моральной установке личности определяются три относительно самостоятельных блока побуждений: блок трудовой, блок бытовой и блок гражданской морали. Но все они ориентированы на реализацию в специфических условиях общего нравственного закона.

2. Профессиональная мораль возникает в процессе общественного разделения труда как механизм, обеспечивающий согласование интересов профессиональных групп и общества, и существенно отличается от трудовой морали.

Трудовая мораль направлена на поддержание согласованности интересов индивида и общества. Она регламентирует отношение человека к труду – независимо от рода деятельности – на основе моральной установки, несущей в себе общий нравственный закон и обеспечивающей его выполнение. Профессиональная же мораль определяет отношения с обществом отдельной профессиональной группы и формируется на базе профессионального сознания этой группы. Ориентируя трудовое поведение специалистов на некие стандарты личностных и групповых проявлений, сложившиеся в виде одной из сторон способа деятельности и зафиксированные в той или иной форме профессиональным сознанием групп, профессиональная мораль опирается на общую моральность человека. Однако предписания профессиональной морали не имеют императивного характера. Она формулирует для индивида именно ориентиры, рекомендации, способные регулировать его поведение через самостоятельный моральный выбор, причем регулировать настолько, насколько позволяют его общая моральность, достигнутый уровень профессионализма и реальные условия деятельности.

Случаи, когда моральный выбор в ходе деятельности осуществляется специалистом на базе принятых стандартов автоматически, означают, что данный член трудовой группы достиг в своем профессионально-нравственном развитии высшей отметки: у него сложилась дополнительная, профессионально ориентированная моральная установка, согласующаяся с основной моральной установкой, а главные профессионально-нравственные ориентиры обрели силу императивов.

3. Этика зарождается в обществе как результат осознания роли и сущности моральных отношений и в развитом состоянии представляет собой науку о морали, содержащую две составляющих: теоретические исследования (теоретическая этика) и нормативные разработки (нормативная этика).

Теоретическая этика изучает сущность морали, ее роль и место в обществе, функции, механизм действия, ее основные компоненты (прежде всего моральное сознание и моральное поведение), характер связи между ними, структуру моральных отношений и значение их для системы общественных отношений в целом. Кроме того, теоретическая этика выявляет содержание ценностных оснований морали (благо, добро, зло, смысл жизни, счастье), разрабатывает шкалу моральности (идеал – добродетель – порок) и определяет ее критерии. В контакте с психологией и социологией она исследует реальный уровень моральности общества (нравственность) и влияющие на него факторы.

Нормативная этика концентрирует свой интерес на исследовании стихийно складывающихся представлений морального сознания, которые отражают побуждения, входящие в моральную установку человека. Уточняя, систематизируя, конкретизируя их, трансформируя в определенные рекомендации, нормативная этика разрабатывает пути совершенствования моральной практики общества.

4. Профессиональная этика зародилась в рамках конкретных видов деятельности, выступив в качестве нормативного начала в поведении специалистов. На основе тех вариантов личностных проявлений, которые профессиональное сознание трудовой группы признало наиболее предпочтительными для данной деятельности, профессиональная этика создает стандарты профессионального поведения, оформляемые в виде специфических документов – клятв, уставов, кодексов.

Потребность в таких стандартах для разных видов деятельности различна, поэтому формирование профессиональной этики идет неравномерно и на протяжении длительного исторического периода автономно от общей этики. Фактически только в последнее столетие профессиональная этика осознала свои глубинные связи с общей этикой и стала развиваться как ее часть, расширив свой предмет и круг задач таким образом, что внимание исследователей сосредоточилось и на разработке теоретических аспектов профессиональной морали.

5. Профессиональная мораль в журналистике начала складываться вместе с журналистской деятельностью. Однако процесс ее формирования растянулся на века и достиг определенности только с превращением журналистской профессии в массовую, завершился же он лишь на рубеже XIX и XX вв., когда были созданы первые кодексы и профессионально-нравственное сознание журналистского сообщества приобрело документированную форму существования.

С тех пор процесс кодификации норм поведения, сопровождаемый развитием внутрикорпоративного контроля за их соблюдением, становится постоянной линией борьбы журналистского содружества за единство профессионально-нравственной позиции в своих рядах. Тем самым он оказывается и формой борьбы за незыблемость общественного значения журналистики, за высокий авторитет и престиж профессии.

Журналист, осваивая в ходе профессионального становления постулаты профессиональной морали, вступает с коллегами в профессионально-нравственные отношения, которые, в отличие от моральных отношений как таковых, предполагают возможность институционально организованного и непосредственного вмешательства корпорации в его поведение. Однако это вмешательство существенным образом отличается от административного воздействия, поскольку цепь его – не принуждение, а побуждение. Внимание корпорации к поведению того или иного специалиста предполагает помощь ему в осознании связей между ним как членом профессионального содружества и обществом, между его деятельностью и жизнью социума, между моральными ценностями общества и профессионально-нравственными ценностями.

В странах с развитыми демократическими традициями профессиональная мораль журналистской общности существует в виде взаимодействия надличностных и личностных форм профессионально-нравственного сознания трудовой группы, индивидуального профессионального поведения и корпоративной реакции на него, коллективного поведения и реакции на него отдельных членов группы. Вследствие этого профессиональная мораль оказывается и средством укрепления внутрикорпоративных связей, и средством оптимизации отношений журналистики с обществом, и стимулом к дальнейшему развитию способа журналистской деятельности.

В случаях, когда в механизмах саморегуляции социума возникают сбои, профессиональная мораль, являясь звеном этих механизмов, тоже дает сбои, и это порождает кризисные ситуации в журналистской корпорации, отрицательно сказывается на состоянии журналистики, вызывая серьезные претензии к ней со стороны общества. Подобный период сегодня переживает журналистский корпус России.

6. Профессиональная этика журналиста, подобно другим видам профессиональной этики, начала формироваться непосредственно в трудовой деятельности. Она проявила себя в ходе кодификации тех профессионально-нравственных представлений, которые стихийно сложились в рамках способа журналистской деятельности и так или иначе были зафиксированы профессиональным сознанием журналистского сообщества. Появление первых кодексов означало завершение длительного процесса формирования профессиональной журналистской морали и одновременно открыло новый этап в ее развитии. Этот новый этап базировался на целенаправленном самопознании журналистской деятельности и практическом применении его результатов. Однако открывшиеся в итоге большие возможности в силу конкретных социальных условий удалось использовать далеко не всему журналистскому «цеху» мирового сообщества. В частности, в России естественный процесс функционирования журналистики, развития ее профессиональной морали и этики был нарушен настолько сильно, что, когда возникла новая социально-историческая ситуация, позволявшая ей восстановить свою природу, журналистский корпус с профессионально-нравственной точки зрения оказался не готов к этому. Изъяны в механизмах функционирования профессиональной морали привели к тому, что сразу же после бурного, но короткого подъема в деятельности российских СМИ, вызванного новой ролью и новыми возможностями журналистики, обозначились явные признаки неблагополучия: снижение качества массовых информационных потоков, осложнения в отношениях журналистов с обществом, нарушение внутрикорпоративных связей.

7. Для восстановления механизмов функционирования профессиональной морали журналистскому цеху России крайне важно осознать себя частью мирового журналистского сообщества и соотнести его профессионально-нравственный опыт со своими сегодняшними проблемами. Помочь ему в этом может и должна профессиональная этика как наука, поскольку она способна обобщить, систематизировать такой опыт и выработать на его основе соответствующие рекомендации.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, НАПРАВЛЯЮЩИЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖУРНАЛИСТА

ГЛАВА IV. «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ?.. НЕ НУЖНА ОНА, РАЗ ЕСТЬ У ЖУРНАЛИСТА ХОЗЯИН!»

Моя собеседница, говоря так, не шутила. Она высказывала свое мнение горячо, решительно, приводила аргументы и даже слегка сердилась, видя, что я с нею не соглашаюсь.

– На 100 процентов уверена, – говорила она, – журналист с позицией вызывает в редакции постоянные конфликты. Видела я подобных типчиков... Позиция журналистскому коллективу задается хозяином средства массовой информации. Не хочешь ее принимать – не надо, ищи другого хозяина, с другой позицией. И неважно, кто этот хозяин – государство или частный предприниматель. Он платит, значит, он и заказывает музыку. А от разговоров насчет собственной позиции один вред, они только подстрекают к противостоянию!

Существо возражений ее не интересовало. Во всяком случае, реплику о том, что принять или не принять чью-то позицию можно лишь тогда, когда имеешь собственную и можешь их сравнивать, она, как говорится, «пропустила мимо ушей».

– Между прочим, профессиональная позиция – не то же самое, что позиция политическая, – заметила я, надеясь, что она меня все-таки услышит.

Девушка на минуту задумалась, даже хотела что-то произнести, но только махнула рукой. Потом вдруг спохватилась – мол, давно пора убежать. И ушла, оставив меня наедине с мыслью, что как раз свою-то профессиональную позицию она и высказала в этом споре. Но высказала, сама того не понимая, поскольку, видимо, и не задумывалась никогда над словами «профессиональная позиция». А почему?

Мысль оказалась привязчивой. Я вдруг осознала, что и сама не вполне отчетливо различаю жизненную позицию человека, его политическую позицию и позицию профессиональную. В научной литературе тоже не обнаружилось четкого видения смысла этих понятий. Есть понятие «социальная позиция», разрабатываемое социологами. Независимо от него в литературе по этике встречаются обращения к понятию «жизненная позиция». Специалисты по профессиональной этике говорят о профессиональной позиции журналиста, имея в виду конкретизацию его позиции как автономной личности в условиях профессиональной деятельности, однако при этом в подробности они, как правило, не вникают.

Словом, необходимо последовательно рассмотреть данные феномены и установить, чем они отличаются друг от друга.

Как складываются позиции?

Напомню: о жизненной позиции мы уже начинали разговор в первой главе. В частности, выяснили, что она формируется у человека на основе его обогащенной моральной установки в ходе тех нравственных исканий, которые сопутствуют освоению им накопленного обществом морального опыта. Процесс этот в жизненном цикле человека приходится в основном на время перехода от пятой к шестой стадии развития **идентичности**.

Что означает слово «идентичность»? Словарное его толкование – «тождественность», «одинаковость в чем-то». Психолог Э. Эриксон обозначает им *«твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру...»*. Такой образ складывается не сразу и не у всех одинаково успешно. Достижение идентичности – результат решения возрастных задач, встающих перед каждым человеком на разных этапах его жизненного пути.

В чем особенность того периода в развитии идентичности, о котором идет речь? Пятая стадия – возраст от 11 до 20 лет, когда перед юношей или девушкой стоит задача объединения в некую целостность всего, что они знают о себе. Если эта задача решается успешно, то у человека формируется чувство идентичности; если нет – возникает *спутанная идентичность*, переживаемая как мучительные сомнения по поводу своего места в обществе, по поводу своего будущего. Шестая стадия (от 21 до 25 лет) – пора, когда человек на основе уже сложившейся психосоциальной идентичности решает «взрослые» задачи, в частности, создает связи, соответствующие потребностям основных направлений его самореализации: семейные, дружеские, профессиональные и др. В случае успешного решения их у него появляется социальная устойчивость, способность к соучастию в социокультурных процессах при сохранении перспектив саморазвития. Если же эти задачи человеку решить не удастся (чаще всего из-за возникшей ранее спутанной идентичности), то у него начинает развиваться *изоляция*, усугубляющий процессы спутанности и подталкивающий к регрессу личности.

В контексте рассуждений Эриксона **жизненная позиция** представляется *проявлением в самосознании личности достигнутого уровня идентичности*. При этом в ней обнаруживается мера тождества человека не только с самим собой, но и с социумом (персональная и групповая идентичность). Тем самым предопределяется степень его моральности и степень включенности в социокультурные процессы. Отражая отношения и виды деятельности, которые человек воспринимает в качестве поля для самореализации, *жизненная позиция интегрирует в себе соответствующий комплекс фиксированных установок в их рациональном, эмоциональном и волевом (поведенческом) аспектах*. Иначе говоря, она берет на себя роль механизма, «запускающего» активность личности в той или иной сфере жизнедеятельности.

Очень важно при этом, чтобы собственный образ («образ себя») сформировался у человека без особых отклонений от эпигенетического принципа. Подчеркивая значение этого принципа, вытекающего из понимания развития организма в утробе матери, Э. Эриксон поясняет, что в обобщенном виде эпигенетический принцип заключается в следующем:

Все, что развивается, имеет исходный план развития, в соответствии с которым появляются отдельные части – каждая имеет свое время доминирования, – покуда все эти части не составят способного к функционированию целого. ...Появляясь на свет, ребенок меняет химический обмен в утробе матери на систему социального обмена в обществе, где его постепенно развивающиеся способности сталкиваются с культурными возможностями, благоприятствующими этому развитию или лимитирующими его.

Если «образ себя» складывается у человека согласно эпигенетическому принципу, то его жизненная позиция оказывается цельной, устойчивой, непротиворечивой и становится для него надежным средством самореализации. Обуславливая возможности дальнейшего многогранного развития личности, она в то же время обеспечивает согласованность ее поведения с общим нравственным законом.

Тот факт, что жизненная позиция интегрирует в себе установки на самореализацию личности в самых разных направлениях, дает основания рассматривать это понятие как общее, родовое для группы понятий, в которых отражаются элементы самосознания, связанные с конкретными направлениями самореализации. С этой точки зрения политическая и профессиональная позиции, равно как и другие, обусловленные ролевыми

характеристиками личности, выступают в виде определенных граней жизненной позиции, так сказать, ее составляющих.

Однако отсюда вовсе не следует, что ролевые позиции являются просто результатом конкретизации жизненной позиции применительно к условиям того или иного направления самореализации личности. Формирование позиций, связанных с определенной социальной ролью человека, – достаточно автономный процесс. Бесспорно, на него влияет жизненная позиция, выступающая в качестве уже в некотором роде обозначившейся нравственной платформы личности. Но в то же время он и сам оказывает на нее влияние, поскольку представляет собой момент решения *конкретных задач развития идентичности*. В известном смысле сложившаяся жизненная позиция может считаться *продуктом взаимодействия «ролевых» позиций с моральной установкой личности, а также друг с другом*.

С учетом сказанного **политическая позиция** человека представляется *отражением в его самосознании достигнутого им уровня идентичности с определенной политической идеологией и соответствующими политическими силами*. Вызывая необходимые установки на соответствующие отношения и деятельность, она становится важным условием его успешной самореализации в этой сфере.

Аналогичным образом **профессиональная позиция** оказывается *проявлением в самосознании человека достигнутого им уровня идентичности с профессиональной группой*. Именно профессиональной позицией и задаются ему необходимые для его профессиональной деятельности психологические установки. В их ряду – и **установки на систему профессионально-нравственных отношений**, обусловленные мерой идентичности, соответствия его профессионально-нравственных представлений тем представлениям, которые аккумулированы в профессионально-нравственном сознании группы.

Профессионально-нравственные представления журналистской общности, определяющие основу профессиональной позиции журналиста, выступают в качестве доминанты его профессионально-нравственного сознания. По сложившейся в науке и практике языковой традиции эти представления отражаются в категориях «профессиональный долг», «профессиональная ответственность», «профессиональная совесть», «профессиональное достоинство», «профессиональная честь». Первая из перечисленных категорий играет особую, ключевую роль, причем не только в теоретическом, но и в практическом плане. В чем причина такой значимости категории «профессиональный долг»? В чем сущность профессионального долга?

Каково содержание профессионального долга?

Слово «долг» в обыденном употреблении несет в себе отчетливое указание на определенную зависимость: «должен» бывает обязательно кто-то кому-то, «долг» всегда – кого-то перед кем-то. И это как бы наполняет его тяжестью, вызывает ассоциации с цепями, веригами, от которых хочется поскорее избавиться. Между тем у людей едва ли найдется более надежное средство обеспечить нормальное взаимодействие в общественной жизни, чем сознание долга, чувство долга, умение исполнять долг.

И совсем не случайно понятие долга в этике стало разрабатываться одним из первых. И. Кант, как мы помним, считал долг главным проводником нравственного закона. Добрая воля человека на согласование его действий с другими людьми, с обществом в целом направляется голосом долга, идущим из глубины души. Этот голос несет в себе самое сильное побуждение к действиям на благо себе и всем. Ориентация на такие действия возникает уже в первые годы жизни, если у ребенка успешно решаются его возрастные задачи, т.е. формируются чувство базисного доверия к миру, чувства автономии, инициативности.

Профессиональный долг входит в жизнь человека намного позже, когда начинается его профессиональный путь. Понятие о нем в индивидуальном сознании складывается в процессе взаимодействия с профессиональной общностью благодаря освоению представлений, отраженных в личностных и надличностных формах ее профессионально-нравственного сознания. При этом, поскольку интериоризация, «присвоение» индивидом содержания профессионального сознания трудовой группы происходит далеко не сразу и не в полном объеме, постольку не сразу приходит к человеку и осознание профессионального долга – системы предписаний, которым необходимо следовать.

На факультете журналистики МГУ каждая студенческая группа первого курса в соответствии с учебным планом самостоятельно готовит во втором семестре «газету новостей» – две полосы формата А-3, которые должны выйти в полном соответствии с графиком, воспроизводящим реальный редакционный режим работы над информационным выпуском. Студенты самостоятельно планируют номер, сами разрабатывают тематику публикаций и распределяют задания, набирают на компьютере материалы и готовят их к верстке. В большинстве случаев группе удается ощутить себя редакционным коллективом, делающим серьезное профессиональное дело, причем вполне плодотворно (случается, что некоторые из студенческих сообщений опережают появление новостей о тех же событиях в солидных изданиях и программах). И все-таки не обходится без того, чтобы в какой-нибудь из групп не нашелся студент, явившийся в час сдачи номера не с выверенным журналистским материалом, а с текстом, строки которого сразу показывают: не был человек на месте, не знает толком, каким образом происходило событие.

– Вы что, подготовили заметку по анонсам информационных агентств?

– А разве нельзя? Это же официальный источник.

– Но это *анонсы* – сообщения, опережающие событие. Вдруг что-то изменилось в предполагаемой программе? Вдруг событие вообще отменено?

– Да я пробовал дозвониться, не получилось...

Глубинная причина, стоящая за подобными объяснениями, всегда одна: у человека еще нет понятия о профессиональном долге. И хорошо, если подобные эпизоды удастся сделать не поводом для внутригруппового конфликта, а ключом к открытию природы тех отношений, которые связывают членов профессиональной среды друг с другом и с обществом и без которых неминуемы хаос, разброд, развал группы, общества...

Так что же такое **профессиональный долг журналиста**? В первом приближении его можно определить так: *это выработанное содружеством журналистов представление об обязательствах перед обществом, которые журналисты добровольно берут на себя, соотносясь с местом и ролью своей профессии в общественной жизни.* Содержание профессионального долга является результатом осознания трудовой группой журналистов социального предназначения и особенностей журналистской деятельности. Поэтому профессиональный долг неизбежно имеет две стороны: объективную и субъективную.

Объективная сторона профессионального долга журналиста определяется теми реально существующими обязанностями, которые выпадают на долю представителей этой профессии в обществе, поскольку только так журналистика может выполнить свое предназначение, ответить на общественные потребности, вызвавшие ее к жизни. Субъективная же сторона связана с личностным началом профессии, с тем, что готовность к исполнению этих обязанностей изъясняется членами профессиональной общности добровольно и становится для каждого из них внутренним условием существования в журналистике. Так же добровольно, в конечном счете, осуществляется и выбор конкретного круга обязанностей, образующих для них поле внутрипрофессиональной специализации. Наконец, объем задач, решение которых берет на себя журналист, отвечая на требования профессионального долга, тоже у каждого свой, ибо видение обязанностей и возможности их реализации в достаточной степени индивидуальны.

В соответствии с этим процесс формирования профессионального долга у каждого конкретного журналиста также имеет две стороны. Одну из них образует изучение соответствующих представлений профессионального сознания, вторую – интериоризация тех из них, которые относятся к существу журналистской работы и непосредственно к области избираемой специализации – желаемому «полю самореализации». По сути дела, эта вторая сторона представляет собой **личностное самоопределение профессионального долга**, рождающее убеждение в необходимости лично участвовать в выполнении принятых общностью обязательств («Если не я, то кто?!»), а в итоге ведущее к возникновению системы внутренних побуждений, устойчивых профессиональных установок.

Содержание профессионального долга современного журналиста описано, в частности, в «Международных принципах журналистской этики», принятых на IV консультативной встрече международных и региональных журналистских организаций, проходившей в 1984 г. в Париже и Праге. Этот документ гласит:

«Первейшая задача журналиста – гарантировать людям получение правдивой и достоверной информации посредством честного отражения объективной реальности».

Именно в такой гарантии и заключена сердцевина общей формулы профессионального долга.

Однако, согласно «Принципам...», в эту формулу следует включить еще ряд чрезвычайно важных в современный период положений, а именно:

- ♦ заботиться о том, «чтобы общественность получала достаточно материала, позволяющего ей сформировать точное и связанное представление о мире»;
- ♦ способствовать «общедоступности в работе средств массовой информации»;
- ♦ выступать «за всеобщие ценности гуманизма, прежде всего за мир, демократию, социальный прогресс, права человека и национальное освобождение»;
- ♦ всемерно противодействовать «тираническим режимам, колониализму и неоколониализму, а также другим бедствиям, причиняющим человечеству страдания, таким, как нищета, недоедание, болезни»;
- ♦ «способствовать процессу демократизации международных отношений в области информации и коммуникации, в особенности охранять и укреплять мир и дружеские отношения между народами и государствами».

Данное представление о профессиональном долге журналиста отражает прежде всего функциональную природу журналистики, призванной снабжать общество достоверной информацией о мире и происходящих в нем изменениях, способствовать свободному выражению мнений людей, содействовать утверждению в общественном сознании и общественной практике всеобщих ценностей гуманизма. Вместе с тем такое представление о профессиональном долге журналиста содержит в себе и конкретно-исторические задачи человечества, при решении которых нельзя обойтись без журналистики. И это естественно, поскольку профессиональный долг, как и профессиональная мораль в целом, как и все моральные отношения, есть диалектическое единство вечного, сущностного, с одной стороны, и конкретно-исторического, изменяющегося в соответствии с конкретно-историческими условиями, – с другой.

Наверное, можно дать более широкий и более конкретный перечень обязательств, которые берет на себя журналистское сообщество в соответствии с функциями, вызвавшими журналистику к жизни. Однако едва ли в этом есть необходимость: *сущность профессионального журналистского долга передается его общей формулой*. Что же касается конкретизации, то она неизбежно происходит при самоопределении профессионального долга и на уровне личностном, и на уровне редакционных

коллективов. Осознанно или неосознанно, но *каждое средство массовой информации формирует в рамках общей формулы свое, приближенное к реальным условиям деятельности представление о профессиональном долге*, ориентируясь на особенности отражаемой сферы действительности, на состав и ожидания аудитории, на свою идейно-политическую платформу. В этом и состоит **субъективное начало долга**. Оно определяет нюансы профессиональной позиции, проявляется в характере средства массовой информации, в творческой индивидуальности журналиста. Одно дело – профессиональный долг для сотрудников еженедельника «Аргументы и факты», ориентированного в первую очередь на удовлетворение *конкретных запросов* аудитории по поводу недостающей ей информации. Другое дело – профессиональный долг для коллектива редакции «Новой газеты», если судить по тем задачам, которые периодически формулирует её главный редактор:

- ♦ сделать прозрачной для читателей деятельность властных структур, поставив тем самым ее под контроль общественности;
- ♦ помочь человеку в условиях социального расслоения, социальной нестабильности и незащищенности выстоять, не потерять чувства человеческого достоинства, способности к сопереживанию и взаимодействию, ощущения радости жизни;
- ♦ вопреки тенденциям к засорению и обеднению речи, сопутствующим времени социальной неустroенности, нести в аудиторию яркий, живой, выразительный русский язык.

На понимание профессионального долга влияют и политические позиции журналистов. Скажем, сотрудники газеты «Сегодня», в силу своего понимания профессионального долга, настроены на разностороннее освещение сложных экономических и политических ситуаций, дающее читателю некоторую возможность составить свое мнение о происходящем. Совсем другое видение профессионального долга у членов редакционного коллектива газеты «Завтра», на страницах которой господствует однозначное отрицание существующего политического режима и затеянных в стране экономических реформ, имеющее целью организацию протестного движения.

Не исключены ситуации, когда мера субъективного в трактовке содержания профессионального долга оказывается настолько высокой, что говорить о возможности идентичности таких представлений и общей формулы долга оказывается бессмысленным. В этих случаях в деятельности журналистов (а иногда изданий и программ) неизбежны дисфункциональные эффекты. Примерами такого рода изобилует практика бульварной прессы (взять хотя бы газету «Мегаполис-экспресс»). Многие из сотрудников таких изданий видят смысл своей профессии в том, чтобы продуцировать слухи, сплетни, сочинять небылицы, идущие под знаком объективной информации, серьезно дезориентируя читателей.

Между тем наличие в ряду функций современной журналистики и развлекательной функции (а именно с ней прежде всего связывает свою деятельность бульварная пресса) отнюдь не предполагает, что выполнять эту функцию следует с помощью средств, принципиально не соотносимых с общей формулой журналистского долга. Связанная с потребностью человека в релаксации (ослаблении напряжения), в поддержании нормального жизненного тонуса, развлекательная функция прессы может успешно осуществляться и в рамках предписаний долга. Но такая ориентация требует от редакционных коллективов более глубокого понимания сущности журналистского дела, более высокой степени профессионализма. Обнадеживает в этом смысле высказывание одного из сотрудников «Экспресс-газеты» в ходе научно-практической конференции на факультете журналистики МГУ:

Да, мы работаем с материалом, который интересен для нашей аудитории: со сплетнями, слухами. Но мы видим свою задачу в том, чтобы проверить их и помочь людям понять, где правда, а где туфта.

Стоит обратить внимание: слова «профессиональный долг» и «задачи» нередко оказываются рядом, звучат почти синонимично. Однако это не синонимы. Задачи, которые коллектив или человек ставит перед собой, – производное от профессионального долга, продукт взаимодействия представления о профессиональном долге с конкретными обстоятельствами действительности, продукт «автоматического включения» предписаний профессионального долга в ситуациях, представляющих собой профессиональный интерес. Этот момент – назовем его **«самовозложение долга»** – имеет референтный характер: если он проявляется в поведении журналиста, значит, перед нами человек вполне зрелый в профессионально-нравственном плане. И чем выше уровень зрелости, тем глубже, сложнее, объемнее задачи, за решение которых берется такой профессионал, повинаясь голосу долга.

Очень показательна в этом смысле мотивация поведения журналиста Александра Хохлова при подготовке очерка «В окопах Грозного» во время военных действий в Чечне, когда возможности серьезно изучить ту или иную ситуацию были крайне ограничены. Судить о том, как и в каких условиях складывалась в данном случае мотивация, можно по тексту материала. Познакомимся с несколькими его фрагментами.

Журналист на передовой – лицо инородное. Его место в штабе, где информация, где видна общая картина боевых действий и где тебе расскажут только то, что сочтут нужным рассказать штабные начальники. Если же ты в окопах, где видны позиции противника в тридцати метрах за речкой, тебе вообще ничего не расскажут и не посадят за стол с фронтовыми ста граммами, пока не убедятся, что ты – свой, что ходишь, как и все, посреди войны под одним Богом.

Мы отчетливо видим здесь альтернативы, возникшие перед журналистом: либо остаться в штабе, и тогда ему придется довольствоваться односторонней сегментированной информацией; либо выйти в окопы и ограничиться той информацией, которую даст непосредственное наблюдение за полем боя; либо прожить часы командировки «на войне как на войне» – рискуя жизнью вместе с солдатами, чтобы получить право на информацию и от них. Александр выбрал третий путь.

Цепочкой, по одному, расстояние между людьми 4–5 метров, чтобы не накрыло одной миной или автоматной очередью, десант пошел.

... Пальба не прекращается ни на минуту. Рядом размеренно «стучат» 120-миллиметровые минометы, гулко бухает «Акация» – 152-миллиметровая самоходная артиллерийская установка...

...Обходим разрушенные до основания дома, спускаемся в подвалы, поднимаемся на руины. Последний участок пути – сорок метров простреливаемого и хорошо пристрелянного пространства.

– Первые трое, вперед! – командует ротный, беременная жена которого думает, что он охраняет генералов в Моздоке.

Перебегает первая тройка, вторая. Мне бежать в третьей.

Вот по нам-то и начинают стрелять пулеметчики и снайпер.

Очухиваюсь только под прикрытием стены. Пригибаясь и петляя, бегут солдаты. Пулеметчик на той стороне встречает каждую тройку длинной очередью. Последний солдат падает, и вместе с ним куда-то далеко вниз падает мое сердце. Но нет, не убит, просто споткнулся...

... Обратно из Совмина мы перебегает с замполитом Витей под прикрытием огня танка. До этого два раза высовываемся на открытое место, и два раза под ногами ложатся пулеметные очереди. Виктору кирпичной крошкой посеколо лицо, мне – руки...

... В тот день мы единственные смогли уйти из Совмина засветло. Остальным пришлось ждать ночи.

– Ну, ладно, журналист, – сказали мне потом офицеры-десантники. – Бегаешь ты хорошо. Записывай. Только давай договоримся: без фамилий. Нам-то уже все по фигу, но у нас семьи и дети.

Так и договорились. Фамилий я ни у кого не спрашивал.

Кто-то может сказать: и зачем было так рисковать? Какие уж такие бесценные сведения он получил в этих беседах? Что, без его рассказа об услышанных откровениях мы не прожили бы?..

Да, конечно, прожили бы, как жили в свое время без информации о ГУЛАГе. Но потому и ГУЛАГ жил, переламывая, перемалывая, уничтожая судьбы. Началом его конца стало людское прозрение. А началом прозрения явились откровения тех, кому удалось вырваться из ГУЛАГа. Я помню, каким потрясением для меня и моего окружения стал «Один день Ивана Денисовича», напечатанный в «Новом мире». Дело было даже не в литературном таланте Александра Солженицына. Дело было *в правде*, которую открывал рассказ. Будто спала вдруг с глаз повязка...

Журналист Александр Хохлов видел свой профессиональный долг в том, чтобы рассказать *правду* о чеченской войне. Для него это значило – надо все увидеть своими глазами, услышать своими ушами, понять своим умом. Так определились его задачи. И он их выполнил. Потому и родились у него слова, на которые мало кто из читателей не отозвался сердцем:

В нашей армии служат не убийцы и насильники. И в чеченских войсках не бандитов больше, а людей, которые не виноваты в том, что они сейчас не живут в своих домах с женами и детьми, а убивают и умирают на руинах Грозного. Я ненавижу тех, кто развязал эту бойню, кто наживается на ней, кто потом, довольный собой, уедет с пачками денег на Канары или в Лос-Анджелес, оставив нас всех добивать друг друга на пепелищах родных городов.

Имена некоторых из тех, кто стравил, кто втянул нас в месиво войны – положите руку на сердце, – известны. Думаю, когда-нибудь мы узнаем поименно всех, и тогда...

А что будет тогда? Сколько лет уже идет война в нашей бывшей единой стране. И – что?

Старшина разведроты, немолодой старший прапорщик с университетским дипломом учителя, утешал медика:

– Ну это же как всегда. Умный на войне насмеется, хитрый – наворует, а дурак – навоюется. Вот мы все дураки и есть. Старшина помолчал и добавил:

– Пока мы сами себя уважать не научимся, нас никто уважать не будет. Никакие мадьяры.

Вот таким образом происходит **самовозложение профессионального долга**. Так исполняется долг.

В условиях, когда в силу экономических причин журналистика попадает в зависимость от финансово-промышленного капитала, процесс самоопределения и самовозложения профессионального долга самым серьезным образом осложняется и для редакций, и для отдельных журналистов. Это вызвано тем, что такая зависимость, как правило, превращает прессу в орудие борьбы враждующих экономических группировок и связанных с ними политических сил. Перед редакционными коллективами встают цели, обусловленные не столько исконно присущей журналистике функциональной спецификой, сколько интересами структур, в деятельность которых СМИ включаются поневоле. В результате естественный ход самоопределения долга в практике журналистов заметно деформируется.

Данное обстоятельство нередко приводит к тому, что возникают *конфликты между профессиональным и служебным долгом* журналиста (деонтологические противоречия). Служебный долг, выступающий в качестве регулятора взаимодействия членов производственных коллективов (в том числе творческих) на основе административно-должностных инструкций, в подобных условиях может потребовать от журналиста пренебрежения профессиональным долгом. Возникающие коллизии решаются по-разному, но чаще всего драматично. Одним участникам конфликта приходится по

собственной воле или против нее оставлять редакцию. Другие постепенно превращаются в циников, для которых профессиональный долг – не более чем пустые громкие слова. Третьи обретают такую степень «пластичности», когда становится естественным убеждение, что «журналисту позиция не нужна» (помните запальчивый монолог моей собеседницы?).

Ситуации подобного рода служат признаком неблагополучия в отношениях СМИ и общества. Они говорят об утрате журналистикой ее самостоятельной роли. Мы уже переживали нечто подобное в советский период. Но тогда зависимость прессы от власти, от «руководящей роли Компартии» главным образом *урезала* общественные полномочия СМИ, препятствуя выполнению профессионального журналистского долга в полном объеме. Зависимость же от финансово-экономических структур чаще *подменяет* эти полномочия, провоцируя журналистов на пренебрежение профессиональным долгом. И не удивительно, что именно те, для кого профессиональный долг становится одним из нравственных императивов, чаще всего предпочитают статус «независимого журналиста», свободного от необходимости подчиняться предписаниям служебного долга, хотя это в большинстве случаев ухудшает их материальное положение.

Не нужно думать, однако, что профессиональный долг в принципе не совместим со служебным долгом. При коллективном взаимодействии в нормальных условиях служебный долг как бы опосредует выполнение профессионального, регулируя это коллективное взаимодействие. Конечно, и тут не исключаются противоречия, но они редко приобретают характер коллизий, поддаваясь разрешению в рабочем порядке.

Типичным примером этого может служить ситуация, попасть в которую может каждый. Допустим, Вы делаете материал в номер и должны сдать его не позднее 12 часов. Служебный долг требует от Вас пунктуальности, поскольку от нее зависит нормальное течение производственного процесса. А текст почему-то «не идет» – не пишется. Вы снова и снова перечитываете набранные на компьютере строки и вдруг понимаете, что для выводов, на которые Вы замахиваетесь, попросту недостает информации. Чтобы избежать ошибки, нужно срочно «доисследовать» одно из событий – так подсказывает Вам профессиональный долг. Но это значит, что сдать материал к 12.00 Вы не успеете... Так, может, махнуть рукой на качество текста, дописать кое-как?.. Только ведь Ваш текст *о людях, о живых людях*. Лучше уж не успеть! И Вы делаете выбор, который Вам подсказывает профессиональный долг.

При грамотной организации работы редакционного коллектива подобные ситуации должны быть предвидимы и разрешаемы безболезненно. Однако это в идеале. В реальности же чаще всего возникает опасность задержать рабочий процесс, сорвать график подписания номера, а вместе с ней появляется угроза предъявления редакции штрафных санкций. И все это по Вашей вине! Так что Вы должны быть готовы получить административное взыскание за нарушение производственной дисциплины и постараться впредь быть умнее. Согласовывать требования профессионального и служебного долга не только редакционная, но и Ваша личная забота. На Вас тоже лежит ответственность за такое согласование. Только вот приходилось ли Вам всерьез задумываться над тем, что стоит за словом «ответственность»?

Что стоит за понятиями «профессиональная ответственность» и «профессиональная совесть»?

Категория «профессиональный долг», как мы уже знаем, отражает тот аспект профессионально-нравственных отношений, который восходит к сущности журналистского дела и проявляет себя в виде побуждения к действиям, необходимым для осуществления профессиональных обязанностей. С ним теснейшим образом связаны аспекты профессионально-нравственных отношений, обозначаемые категориями «профессиональная ответственность» и «профессиональная совесть».

Объективную основу содержания категории «**профессиональная ответственность**» составляет реально существующая зависимость между результатом профессиональной деятельности и теми последствиями, которые он может иметь для общества, для конкретных людей. Исходно всякая профессиональная деятельность ориентирована на удовлетворение тех или иных общественных потребностей и, следовательно, стремится к тому, чтобы ее результат устраивал общество. Однако есть обстоятельства, способные в значительной степени свести это стремление на нет. Ученые говорят о них так:

Статистический характер общественных явлений и вероятностность наших знаний о будущем обуславливают невозможность однозначного предсказания развития событий во многих сферах окружающей человека действительности, предвидения будущего состояния во всех деталях и тонкостях.

Это означает, что любая профессиональная деятельность, если она имеет творческий характер, в той или иной степени обречена на непредсказуемость последствий от ее результата. И конечная цель, и поэтапные промежуточные задачи в процессе такой деятельности содержательно формируются в условиях неопределенности. Вот почему, при всей заинтересованности субъекта деятельности в достижении успеха и позитивных последствиях затраченных усилий, решения о действиях он неизбежно принимает с учетом вероятности их альтернативного исхода: успех – неуспех, позитивные последствия – негативные... И такой тип принятия решений, и сама деятельность с вероятностью альтернативного исхода могут быть определены как **риск**.

Понятие «риск» для нашей науки является сравнительно новым. Однако накопившиеся уже материалы позволяют сделать несколько выводов, имеющих для нас при рассмотрении категории профессиональной ответственности весьма существенное значение.

Первый из этих выводов состоит в том, что *риск, представляя собой особый тип принятия решений в процессе деятельности, является неизбежностью во всех случаях, когда мы имеем дело с творчеством*. Дело в том, что творчество всегда направлено на создание реалий, не имеющих абсолютных аналогов в действительности, и, следовательно, по сути своей оно связано с неопределенностью. А раз риск неизбежен, значит, он принципиально оправдан и допустим.

Второй вывод: *степень допустимости риска может меняться* в зависимости от объективной необходимости деятельности в данный конкретный момент и значимости ее мотивов. Чем острее нужда в результатах деятельности и основательнее ее мотивы, тем обоснованнее принятие решений о действиях с альтернативным исходом.

Третий вывод заключается в том, что *степень вероятности альтернативного исхода деятельности зависит от того, насколько удастся при принятии решений учесть конкретные источники неопределенности*, – назовем их **факторами риска**. Ученые выделяют следующие обстоятельства, способные выступить в роли таких факторов:

- ♦ противоречивость общественных явлений, их многовариантный, вероятностный характер, обусловленный элементами стихийности и случайности;
- ♦ относительность процесса познания человеком окружающей действительности, проявляющаяся в виде неполноты информации об объекте в тот или иной момент;
- ♦ невозможность однозначных оценок происходящего из-за различий в системах ценностей и социально-психологических установках людей, в их интересах, намерениях, стереотипах поведения;
- ♦ ограниченность временных, материальных, физических и психических ресурсов субъекта деятельности в момент принятия и осуществления решений.

Понятно, что в конкретных ситуациях деятельности все перечисленные обстоятельства проявляются с разной мерой очевидности, в разных формах и далеко не

всегда поддаются учету. Отсюда – **опасность непропорционального риска**, допускаемого из-за недооценки той степени альтернативного исхода действий, которой он реально способен достичь. Если эта степень оказывается очень высокой, она может обернуться серьезными неприятностями, большими потерями и для субъекта деятельности, и для общества на том или ином его уровне (группа людей, регион, страна и т.п.). Непропорциональный риск – недопустимый риск. Но где веса, которые позволили бы безошибочно определять, правомерно или непропорционально рисковать в каждом конкретном случае?

Сколь бы ни были содержательны разработки современных подходов к обоснованию критериев риска (количественный, качественный, аксеологический, интегративный), результаты таких исследований скорее всего пока имеют чисто теоретическое значение. На практике же свою регулятивную роль в этом плане обнаруживает тот нравственный феномен, который обозначается категорией «ответственность». А когда речь идет о профессиональной деятельности и профессиональном риске, регулятором поведения выступает профессиональная ответственность. Косвенным подтверждением данного обстоятельства в определенном смысле может служить открытая в начале 60-х гг. закономерность, обозначенная исследователями как **сдвиг риска**. Вопреки распространенным представлениям о якобы большей консервативности, осторожности групповых решений, «опытным путем удалось установить, что человек, действующий в группе, как правило, готов принять решения с большим уровнем риска, чем индивид, действующий в одиночку».

В ходе обсуждения этого неожиданного открытия, рассматривая причины данного явления, ученые высказали гипотезу, объясняющую сдвиг риска следующим образом:

Групповая дискуссия порождает эмоциональные контакты между членами группы и приводит к тому, что индивид будет испытывать *меньшую ответственность* (выделено мной. – Г.Л.) за рискованные решения, поскольку они вырабатываются всей группой. Групповая дискуссия ослабляет тревожность членов группы в ситуациях риска. Следовательно, если предполагаемые рискованные решения приведут к неудаче, индивид будет нести ответственность не один – она распространится на всех членов группы.

С психологической точки зрения предложенное объяснение сдвига риска достаточно убедительно, чтобы стать основой соответствующих экспериментов. Нас же в данном случае интересует именно выход участников дискуссии на размышления об ответственности, тем более что он представляется вполне закономерным.

Дело в том, что категория ответственности вообще и профессиональной ответственности в частности отражает, как и в случае с долгом, объективную и субъективную стороны рассматриваемого феномена. Если объективная сторона восходит к реально существующей зависимости между результатом деятельности и его последствиями (а в их числе, между прочим, могут оказаться и санкции по отношению к субъекту деятельности), то субъективная сторона складывается в процессе осознания членами профессиональной общности своей причастности к последствиям результата деятельности. На уровне личности она проявляется двояко: во-первых, в виде готовности к риску, стимулирующей стихийно-интуитивное определение его предельно допустимой степени, а во-вторых, в виде готовности «платить за риск», если степень его окажется превышена. Таким образом, *личность, будучи персонально носителем профессиональной ответственности, выступает в качестве гаранта добросовестного выполнения профессионального долга и минимизации отрицательных последствий своей деятельности*. При этом, чем выше рискованность деятельности, тем выше профессиональная ответственность ее субъекта.

Все сказанное в полной мере относится и к профессиональной ответственности журналиста. В «Международных принципах журналистской этики», о которых уже шла речь, есть раздел «Социальная ответственность журналиста», акцентирующий внимание

на социальной сути журналистской профессии и журналистской ответственности. В нем говорится:

В журналистике информация понимается как общественное благо, а не как предмет потребления. Это означает, что журналист разделяет ответственность за переданную информацию. Он ответствен не только перед теми, кто контролирует средства массовой информации, но, прежде всего перед широкой общественностью, принимая во внимание различные социальные интересы. Социальная ответственность журналиста требует, чтобы во всех обстоятельствах он действовал в соответствии со своим нравственным сознанием.

Принципиально важно, что в данных словах декларируется понимание той связи между общественным благом и журналистской информацией, которая возникает при готовности журналиста отвечать за качество этой информации и обеспечивать его.

Однако не менее важно понимать и то, что существуют объективные факторы, при которых может возникнуть связь между журналистской информацией и общественным злом. XX век уже не раз демонстрировал нам, что происходит, когда журналистика теряет свою самостоятельную роль и превращается в орудие тоталитарного режима: пресса становится средством манипулирования общественным сознанием. Вследствие этого общество надолго теряет ориентацию в социально-историческом пространстве, необходимую для того, чтобы адекватно определять путь развития.

В таких обстоятельствах среди членов журналистских сообществ неизбежно обнаруживаются разногласия в понимании профессионального долга и профессиональной ответственности. Возможны и предельные случаи, когда профессиональный долг и ответственность либо фактически вытесняются из сознания личности служебным долгом и ответственностью, либо, напротив, сводят для человека на нет значение служебного долга и служебной ответственности. Возникают серьезные конфликты, вплоть до разрыва деловых отношений данного сотрудника с редакцией, о чем, собственно, уже заходила речь.

Но и в ходе нормального функционирования СМИ возможны ситуации, когда деятельность сотрудника прессы влечет за собой последствия, которые точнее квалифицировать как проявления общественного зла (в той или иной мере). Так случается всякий раз, когда у журналиста «не срабатывает» профессиональная ответственность. Ведь в силу условий, в которых осуществляется журналистское творчество, журналистика входит в число наиболее рискованных видов деятельности. Эти условия отмечены наличием всех перечисленных факторов риска, причем выраженных едва ли не в крайней степени:

- журналист имеет дело с социальными явлениями, а они по определению противоречивы, вероятностны, богаты элементами стихийности и случайности;
- журналистское творчество основано на познании самых разных действительных событий, а познание неизбежно связано с неопределенностью, что грозит журналисту неполнотой и неточностью информации;
- журналистское исследование событий предполагает изучение оценок, даваемых происходящему его участниками и свидетелями, а оценки эти не могут быть однозначными, ибо основываются на разных системах ценностей, разных социально-психологических установках, разных интересах;
- для журналистской деятельности характерна высокая интенсивность интеллектуальных и эмоциональных процессов, поскольку чаще всего журналист работает в одиночку, то и дело попадая в поле разнонаправленных интересов и эмоций участников изучаемых им событий, да еще при недостатке исходной информации и времени; следовательно, он постоянно переживает стрессовые или стрессоподобные состояния, истощающие его психофизические ресурсы.

Неудивительно, что вероятность исхода деятельности, альтернативного журналистским намерениям, очень велика, особенно при возрастающей степени свободы

творчества. Естественный противовес этой вероятности – профессиональная ответственность.

Ошибочно думать, будто проявления профессиональной ответственности журналиста зависят только от его «морального согласия» быть ответственным. Дело гораздо сложнее: требуется еще и высокий уровень гражданской зрелости, а также профессионализма, чтобы заблаговременно определять, чем жизнь может ответить на наше слово («чем наше слово отзовется...»). Наблюдения, которыми делится в одном из своих материалов автор книги «Сны золотые. Исповеди наркоманов» С. Баймухаметов, весьма убедительно поясняют, сколь важно такое умение «просчитывать» развитие событий. Вдумаемся в слова коллеги:

Многие газеты молодежно-тусовочно-бульварного направления любят публиковать материалы из жизни эстрадных исполнителей, где те между делом упоминают и о своем якобы наркоманском прошлом. Причем подается это как некая легкая прогулка за острыми ощущениями: «посидел на игле немного да соскочил», покурил пару лет для кайфа да бросил...

На самом же деле никто из них наркоманом никогда не был. К счастью. Утверждаю это с уверенностью потому, что человек, хлебнувший наркоманского лиха, *никогда не будет говорить об этом таким тоном и такими словами*. Произносится сие по недалекости, да еще у них, эстрадников, нынче мода такая: прикинуться наркоманом, чтобы выглядеть все повидавшим, *крутым...*

Газеты же, тиражируя их словеса, как бы между прочим внушают мальчишкам и девчонкам, поклонникам эстрадных артистов, что ничего страшного в анаше и опиоиде нет: захотел – попробовал, захотел – бросил. Глупые подростки пробуют и – попадают в гибельную ловушку на всю жизнь... И кто теперь виноват?

А почему бы не написать в тех же газетах, да не один раз, что наркотики загубили жизни великой певицы Эдит Пиаф и великого барда Владимира Высоцкого... Или же рассказать о том, что действительный кумир миллионов мальчишек на всей планете, настоящий герой, защитник слабых и борец за справедливость крутой Уокер – одним словом, Чак Норрис – возглавляет всеамериканское движение за избавление Америки от наркотиков. Нет, не встречал я таких материалов...

Да если бы только молодежно-тусовочная пресса позволяла себе такие преступно-легкомысленные пассажи. Респектабельный, авторитетный, многотиражный «АиФ» вдруг разразился заметкой о 48-часовом секс-марафоне, который провел некто, накаченный первитином. А после «всего лишь» потерял сознание. И ни слова о том, что такое первитин, какой это страшный наркотик. Видимо, в «АиФ» о нем просто не знали. А получилось, что прорекламировали. Мол, занимайте очередь на эликсир для секс-гигантизма.

Не ведаем, что творим? Или – не задумываемся?..

Скорее всего, и то, и другое: когда-то не ведаем, когда-то не задумываемся. Но в любом случае из этого следует, что по-настоящему *не умеем* быть ответственными. И речь идет, разумеется, не только о тех, кому доводится писать на темы, связанные с наркотиками.

Профессиональную ответственность надо не только воспитывать в себе, но и учиться ей. *Быть профессионально ответственным – значит гарантировать обществу качественное исполнение своего профессионального долга и уметь находить возможности для этого в любых обстоятельствах.*

Еще один *гарант* качественного исполнения профессионального долга – **профессиональная совесть**. Данная категория обозначает представления профессионального сознания, в которых хранится коллективная память профессиональной общности об эмоциональных состояниях, переживаемых человеком в ходе работы и образующих тем самым внутреннюю среду процесса деятельности. Будучи интериоризованы личностью, такие представления становятся фактором, способным играть побудительную роль, причем двоякую: *стимулировать ответственное профессиональное поведение и предупреждать безответственное.*

Объективное начало профессиональной совести – реально существующая зависимость между внутренним состоянием человека и оценкой его профессионального поведения, критерием которой для окружающих (а в данном случае – и для себя) является отношение к профессиональному долгу. Мера такой зависимости у разных людей разная, что во многом определяет и способность человека к интериоризации общегрупповых «моральных истин», и характер складывающегося на их основе субъективного представления о том внутреннем комфорте или дискомфорте, который возникает вследствие соответствующих профессиональных решений и действий.

На всю жизнь мне запомнился эпизод в больнице маленького районного городка в Татарии, куда привели меня мои журналистские дела. Мы сидели в кабинете главного врача – кто в пальто, кто в пуховой шали, а Римма А., молоденькая «гинекологиня», и вовсе завернулась в байковое клетчатое одеяло. Декабрь в том году выдался неровным: то оттепель, то мороз, и старая отопительная система не выдержала, лопнули трубы, пришлось делать внеплановый ремонт. Но не о том сейчас речь. В самый разгар беседы Римма вдруг аккуратно свернула свое одеяло, повесила на спинку стула и виновато встала:

– Простите, я должна уйти. Мне обязательно надо в Шали попасть, а скоро стемнеет...

Главврач махнул рукой в сторону окна:

– Гололед сейчас, Римма... Утром машина вернется, тогда и съездите.

И пояснил мне:

– У нее в Шалах послеоперационная больная, надо посмотреть и перевязку сделать. Так-то там все должно быть в порядке...

– Но человек ведь ждет, нервничать станет, – возразила Римма. – Не пойду я пешком, не бойтесь! Доберусь на «попутке».

– Знаю я тебя... – махнул рукой главный. И, дождавшись, когда Римма выйдет, опять повернулся ко мне:

– Вот моя головная боль! Вы считаете, запрети я сейчас ей – она бы спокойно дождалась утра? Как бы не так! Не прилегла бы!

– Да-да, – подтвердила одна из его коллег. – Как-то раз она оперировала, а больная оказалась сложной, все затянулось, и на вызов, где ждали Римму, пришлось съездить терапевту, то есть мне. Вернулась к вечеру, в шутку ей говорю:

– Избаловала ты своих пациентов! Я к Петрашовой через порог, а она мне разочарованно: «Ой, а я Римму Наримановну вызывала!» И что Вы думаете? Утром – я еще глаза не открыла – стук в дверь. Лепечет: «Я вчера устала, не сообразила спросить, что Вы Петрашовой назначили, а мне все-таки съездить к ней надо, пока не начнется прием...» – «Да что тебе не спится-то?!» – заворчала я. Она вздохнула, пожала плечами: «Совесьть точит...»

Знаю наверняка, что кто-то скажет: ну да, встречаются иногда болезненно совестливые люди, только профессия тут причем? Почему о *профессиональной* совести речь? Совесьть едина: либо есть, либо нет ее у человека.

Полагаю все-таки, что совестливость как характеристика личности с точки зрения общей моральности не может полностью объяснить те особенности поведения, которые возникают у человека в связи с исполнением профессионального долга, в связи с индивидуальным представлением о его содержании. Тут проявляется *особая установка личности*, особый настрой – на **профессиональные действия**, способные вызвать состояние *душевного спокойствия, внутреннего комфорта*. И формирование этой установки начинается вместе с процессом профессионального становления человека. Бесспорно, степень совестливости, в которой обнаруживает себя общая моральность личности, сказывается тут самым существенным образом, однако она играет вполне определенную роль: является *предпосылкой и условием успешности данного процесса*.

Профессиональная совесьть журналиста, формируясь таким же образом и на той же основе, так же и проявляет себя.

Во-первых, она – чуткий индикатор соответствия индивидуального поведения журналиста нравственным меркам профессиональной общности; своего рода термометр, фиксирующий «температуру» профессиональных поступков. Нормальная «температура» –

и человеку хорошо, на сердце у него спокойно. Но вот пошли «температурные сбои» – и совесть на дыбы, грызет душу, лишает человека сна и покоя.

Во-вторых, профессиональная журналистская совесть – «подстрекатель» к оптимальному решению проблемных ситуаций, которых в ходе выполнения профессионального журналистского долга возникает немало. К одним профессиональным шагам она подталкивает, другим – препятствует.

Но все это, конечно, при обязательном условии: *если профессиональная совесть у журналиста есть.*

«Исподволь у меня накопился интереснейший материал о человеке, ставшем организатором нового крупного дела в нашей стране. Но написать, видимо, так и не придется», – поделилась как-то со мной бывшая коллега (работали вместе в одной из сибирских газет). «Почему?» – удивилась я. Она ответила: «Сейчас он во власти, доступ к нему не прост. Мне никак не удастся пробиться. У меня же теперь статус «независимый журналист», нет за мной «фирмы». А по «нахалке» не люблю, да и не умею». – «Без встречи-то обойтись нельзя?» – на всякий случай спросила я, хотя заранее знала ответ: мы с нею прошли одну редакционную школу. Она пожала плечами: «Кто-то бы, наверное, обошелся: фактов – гора, все проверены. У меня психологическое препятствие: совесть не позволяет. Мне легко и свободно о человеке пишется, если я его почувствовала, в глаза ему посмотрела».

В последнее время я частенько вспоминаю об этом разговоре, читая лихие разоблачительные тексты в той или иной газете. По строчкам их можно уверенно утверждать: автор видел своего героя разве что по телевизору и разборки в суде ему не избежать. А мне представляется, что Л. Никитинский, один из немногих «острых» журналистов, к которым почти не предъявляется судебных исков, глубоко прав, когда пишет:

Судебная ответственность всегда является последующей и внешней. Тогда как добросовестная журналистика предполагает ответственность в смысле внутреннем и предшествующем: она тождественна самоцензуре, но осуществляемой свободно, с оглядкой лишь на собственную совесть и репутацию. Всякий раз взвешивая, что сказать и о чем промолчать (от какого соблазна удержаться), исходить надо в первую очередь не из опасения за свой карман (хотя и за него тоже), а из того, как бы не сделалось стыдно. Это требует не только искать наиболее безопасные формы выражения, но и отвечать за слово по существу.

Надо отдавать себе отчет в том, что наше слово убить – не убьет, но ранить может больно (Выделено мной. – Г.Л.).

Кто поступает с достоинством и честью?

Категории «**профессиональное достоинство**» и «**профессиональная честь**» тоже отражают доминантный ряд представлений профессионально-нравственного сознания, определяющий основу профессиональной позиции специалиста. Особенность данных категорий состоит в том, что они обозначают *представления, имеющие отчетливо ценностный характер*. С профессиональным долгом их связывают не менее тесные отношения, чем те, которые связывают с ним профессиональную ответственность и профессиональную совесть. Однако в данном случае эти отношения опосредованы самооценкой личности. Чтобы стало ясно, о чем речь, нужно четко представить себе, что именно содержит в себе рассматриваемая группа представлений, какова их объективная основа, в чем заключаются их объективная и субъективная стороны.

Категория «профессиональное достоинство» восходит, прежде всего, к такому объективно существующему обстоятельству, как реальная роль того или иного профессионального содружества, той или иной профессии в общественной жизни. Отражение этой роли в профессиональном сознании данного содружества образует достаточно устойчивое представление о значимости профессии для общества и о

признании обществом этой значимости, тем самым приобретая характер *профессиональной ценности*, которую надо беречь, как всякую ценность. Такое представление может быть более или менее адекватным – все зависит от субъективного момента. Как правило, он связан либо с конкретно-исторической ступенью «разрешающей возможности» механизмов познания, либо с актуальными социально-историческими обстоятельствами. Однако в основе своей это представление несет объективное начало, в той или иной мере доступное для интериоризации каждым отдельным профессионалом.

На уровне индивидуального сознания более выражена субъективная сторона профессионального достоинства. Это объясняется прежде всего тем, что представление о социальной значимости профессии у конкретного человека дополняется представлением о собственной значимости – о своей роли в трудовой группе и признании группой данной роли. Иначе говоря, представление о социальной значимости профессии включает в себя в качестве обязательного момента **самооценку личности**. «Вычисляет» человек такую самооценку по степени соответствия своих профессиональных поступков, своего профессионального поведения критериям социальной значимости профессии, усвоенным им в ходе профессионального становления.

Однако, как мы помним, мера «присвоения» содержания профессионального сознания, интериоризованности его представлений у разных людей не одинакова. В данном случае тоже действуют «фильтры» субъективного свойства, «отсеивающие» для человека те или иные нюансы общественного значения профессии. Потому и получается, что мерило собственной профессиональной значимости не вполне совершенно: самооценка может оказаться либо завышенной, либо заниженной. Тем более что здесь дело не обходится без психологических «призм», влияющих на восприятие человеком своих поступков. В подобных случаях мы говорим о раздутом или заниженном чувстве профессионального достоинства. При этом многое зависит от того, каким образом проявляет себя в поведении индивида его моральная установка, одним из инструментов реализации которой, как говорилось, является **человеческое достоинство** – *представление о значимости человеческой жизни*.

Отношения между сознанием своего человеческого достоинства и сознанием своего профессионального достоинства не всегда гармоничны, что нередко становится для человека причиной серьезных внутренних или внешних конфликтов. Когда мы имеем дело с личностью достаточно высокой степени моральности, такие конфликты разрешаются без ущерба для профессионального достоинства содружества. Если же общая моральность человека оставляет желать лучшего, то происходят события, от которых профессиональное достоинство данной трудовой общности может серьезно пострадать. Подумаем для начала над следующими двумя примерами из обыденной жизни.

В педагогический коллектив школы искусств пришел талантливый гитарист. К сожалению, он совсем не имел опыта преподавательской работы с детьми, и к первым его педагогическим неудачам в коллективе отнеслись с пониманием. А коллектив, надо сказать, был очень сильный, с хорошей репутацией и богатыми традициями. Коллеги не отказывались помогать новому педагогу, и он не пренебрегал их советами. Однако занятия не ладились, ученики один за другим покидали класс. И настал день, когда музыкант подал директору школы заявление с просьбой освободить его от работы. Примечательна была мотивировка просьбы. Педагог писал, что чувство человеческого достоинства не позволяет ему больше получать деньги за дело, с которым он не справляется и никогда не сможет справиться, ибо не чувствует в себе способностей заниматься с детьми, – тем более что его неудачи могут отрицательно сказаться на престиже школы.

«Понимаете, я знал уже, что все действительно так, нет у него данных для работы с детьми. Но прочитал это заявление и понял: нельзя нам *такого человека* терять. Уговорил его перейти на вечернее отделение, к взрослым. И все образовалось!» – рассказывал мне позднее директор школы.

К сожалению, в нашей сегодняшней действительности гораздо больше ситуаций иного толка. Об одной из них я до сих пор вспоминаю с горечью.

«Это правда, что, набирая учеников, ты гарантируешь им поступление в институт, и потому родители дороже оплачивают уроки?» – спросила я однажды у своей знакомой, опытной преподавательницы английского языка, занимавшейся репетиторством. «Конечно, – сказала она. – Я же даю им классные знания!» Далее наш диалог выглядел так:

- Но ведь они имеют в виду под гарантией отнюдь не то!
- Это их проблемы.
- Ну, а если не поступит человек, будешь возвращать деньги?
- Ты что?!
- А тебе не кажется, что ты плюешь на свое профессиональное достоинство?
- Ха! Мне мое человеческое достоинство не позволяет чувствовать себя хуже этих новых русских. И выглядеть хочу не хуже, и есть-пить хочу не хуже, и машину хочу не хуже!

Обратите внимание: звучат одни и те же слова – «мое человеческое достоинство не позволяет»... Но смысл происходящего совершенно разный. В первом случае человеческое достоинство «вступается» за престиж профессии, за профессиональное достоинство. Во втором – попирает его. А все дело в том, что представления о человеческом и профессиональном достоинстве могут базироваться не только на ценностях, но и на псевдоценностях, иначе говоря – дело в разнице уровней общей моральности личности.

Попробуем теперь «воспарить» над обыденностью, ну, хотя бы таким нехитрым путем, как задавшись вопросами: сколько государственных чиновников прокурорского ранга в нашей стране брали на себя обязательства найти исполнителей и «заказчиков» громких убийств? Сколько минуло сроков? Хоть кто-то из них попросил отставки, честно признав, что не соответствует значимости своей профессии? Увы...

Профессиональное достоинство на уровне личности проявляет себя в виде установки на поступки, каждый из которых должен соответствовать социальной значимости профессии и общественному представлению об этой значимости. Вместе с падением профессионального достоинства падает и значение данной трудовой группы, снижается престиж данного рода деятельности.

Разброс представлений о роли журналистики в современном мире достаточно широк – в полном соответствии с теми обязанностями, которые она выполняет. Естественно, что не однородны и представления о значимости журналистской профессии. Периодически вспыхивающие в журналистской среде дискуссии на эту тему (о них уже упоминалось) не просто отражают многообразие взглядов спорящих. Они показывают, каким зыбким, не устоявшимся, неубедительным для новичков «цеха» является тот блок профессионального сознания журналистского сообщества, который составляет рациональную базу профессионального достоинства. «Власть, зеркало или служанка?» – так называли свою работу авторы «Энциклопедии жизни современной российской журналистики», справедливо обнажив сомнения, бытующие в профессиональной журналистской среде.

А почему, собственно, возникают эти сомнения? Почему мы в наших спорах прибегаем к формулировкам, включающим в себя категоричное «или – или»? Ведь журналистика *на самом деле* выполняет в обществе разнопорядковые обязанности. Но все они – социально обусловлены, социально необходимы. Оттого, что их много и они столь разные, социальная значимость профессии, ее достоинство только возрастают. Прозорливый А.С. Пушкин неспроста называл журналистов «сословием людей государственных». *Объективно журналистика является необходимым элементом механизмов, обеспечивающих гомеостазис – устойчивость общества.* Замкнутая малая группа (допустим, семья) способна прожить, не читая газет, не слушая радио, не включая «голубого экрана», как это было, например, с Лыковыми. Общество же (человечество) как целостная система обойтись без них на современной стадии развития не может. Именно в

этом заключается исходный момент представлений о профессиональном журналистском достоинстве, которые *мы должны культивировать и в своей корпорации, и в обществе*. Я чувствую себя оскорбленной всякий раз, когда слышу, как журналистов называют «щелкоперами», а в адрес средств массовой информации пренебрежительно бросают: «Собака лает, ветер уносит» или что-нибудь в этом роде. Но я понимаю, что основания к тому мы даем сами. Обыгрывая заглавие известной телевизионной передачи, журналист С. Митрофанов назвал в одном из своих материалов коллег по «цеху» «сообществом акул» и нарисовал такой типаж «постперестроечного» журналиста:

...в нем все как бы отгорело. В кожаной куртке, опустившийся, он ходит с одной презентации на другую, жрет на халяву, пьет на халяву, коррумпируется помаленьку под видом так называемых журналистских расследований...

Персона отталкивающая – ни профессионального, ни человеческого достоинства... Надо думать, это крайний случай, а не обобщенный образ. Однако факт, что с достоинством у российского журналиста эпохи перехода к рынку не все в порядке. Стоит посмотреть на армию парламентских корреспондентов, когда они с диктофонами наперевес толпой кидаются к выходящему из зала заседаний депутату, едва не сбивая друг друга с ног. Ни дать, ни взять – папарацци! А ведь это в некотором роде профессиональная элита...

Но дело, разумеется, не столько в скудости внешних проявлений профессионального достоинства, сколько в том, что оно часто «дает сбой» по существу: не определяет мотивацию профессионального поведения. Если журналист позволяет себе предложить своей газете «джинсу» или дать непроверенную информацию, то это однозначно свидетельствует о том, что мотивы его поведения не имеют ничего общего с ориентацией на профессионально-нравственные ценности его трудовой общности, что нет у него соответствующей психологической установки.

Установка отдельной личности на то, чтобы каждым поступком, каждым действием соответствовать высокой значимости своей профессии, может сформироваться только при условии, что эта высокая значимость осознана профессиональной общностью и стала для нее ценностью. В таком смысле профессиональное достоинство отдельного журналиста есть производное от профессионального достоинства журналистской корпорации, хотя между ними обязательно есть и обратная связь.

Категория **«профессиональная честь»** отражает еще один аспект профессионально-нравственных отношений, имеющий ценностную природу. Корни его – в реально существующей зависимости между нравственным уровнем той или иной профессиональной общности и отношением общества к этой профессии. Если профессионально-нравственные стандарты трудовой группы согласуются с общим нравственным законом и подтверждаются поведением ее членов, то моральный авторитет такого профессионального содружества становится фактором, усиливающим его общественное влияние и упрочивающим его положение. Поэтому в профессионально-нравственном сознании трудовой группы представление об уровне соответствия ее профессионально-нравственных стандартов общему нравственному закону закрепляется в качестве ценности.

Для членов группы становится необходимым ориентироваться на этот уровень, стремясь к безусловному выполнению профессионального долга, к деятельности без каких-либо «моральных прегрешений». Иначе говоря, определяется понятие о профессиональной чести. Воспринятое личностью, оно вызывает у нее готовность жить и действовать таким образом, чтобы не посрамить профессиональную честь, т.е. формируется соответствующая психологическая установка. *Стремление поддержать профессиональную честь превращается в существенный мотив ответственного профессионального поведения*. Представленная в самосознании личности своим

рациональным звеном, установка на поддержание профессиональной чести выступает для профессионала и в качестве критерия при самооценке им собственных поступков.

Однако, как и во всех случаях освоения индивидом профессионально-нравственных представлений трудовой группы, и мера, и глубина интериоризованности содержания, стоящего за понятием «профессиональная честь», у людей не одинаковы. Естественно, неодинаковой оказывается и мера соответствия индивидуального профессионального поведения принятым в общности критериям профессиональной чести. На одном полюсе здесь находятся ситуации, в которых члены трудовых групп проявляют чудеса самообладания и мужества во имя поддержания профессиональной чести. На другом полюсе – ситуации, когда в поступках профессионалов обнаруживается разве что способность к защите **«чести мундира»** – *действиям, ориентированным на сокрытие рассогласования между профессионально-нравственными подходами к выполнению профессионального долга и общим нравственным законом.* «Честь мундира» представляет собой псевдоценность, выработанную в опыте конфликтных отношений трудовых групп и общества для защиты корпоративных интересов вопреки интересам других корпораций или общества в целом. Естественно, что при ориентации на нее у специалиста формируются «не те» установки, и поведение его неизбежно еще более расходится с общим нравственным законом.

В разных профессиональных содружествах соответственно особенностям содержания профессионального долга акцентируются Разные проявления профессиональной чести. Когда говорят: «дело чести врача – ...», «дело чести педагога – ...», «дело чести ученого – ...» и т.п. (ряд можно продолжать, пока не кончится перечисление профессий), имеют в виду необходимость поставить акцент на соответствии профессии общему нравственному закону по главному основанию: качеству выполнения профессионального долга. О специалисте, который высоко несет свою профессиональную честь, неизменно складывается устойчивое одобрительное общественное мнение. Чаще всего оно принимает форму **репутации** – *спонтанно определившейся и широко распространившейся высокой оценки его профессионально-нравственного облика.* Репутация специалиста – это реакция общества на результаты его профессиональной деятельности, обусловленные характером его профессиональной позиции и уровнем мастерства.

Дело чести журналиста – так выполнять свои профессиональные обязанности, чтобы массовые информационные потоки общества не засорились «шумами», псевдоценностями и могли служить надежным инструментом, помогающим человечеству сохранять устойчивость во времени и пространстве. Ключевой показатель качества журналистской продукции – степень адекватности информационной картины мира его реальному состоянию, а она напрямую зависит от таких *качеств личности* журналиста, как честность, правдивость, добросовестность. Наличие же этих качеств выявляет уровень общей моральности человека и выступает предпосылкой профессионального поведения, ведущего к качественному выполнению профессионального долга.

Однако реальные возможности для этого появляются лишь тогда, когда сформировались установки на профессиональные действия, соответствующие высоким критериям профессионального достоинства и профессиональной чести. Если же трудовая группа не выработала таких критериев, то бессмысленно искать устремленность к ним в поведении индивида. Мы уже касались этого момента профессионально-нравственных отношений, рассматривая категорию «профессиональное достоинство». То же самое относится и к профессиональной чести. Разве можно ожидать ее проявлений у журналистов того редакционного коллектива, в этическом кодексе которого значится постулат: «Если сенсации не случилось – создай ее. Раздуй из простого факта!»? (Напомню: об этом эпизоде речь шла во вступлении ко второй главе.) Не исключено, конечно, что и в такой редакции найдутся честные люди, которые не боятся поспорить с коллегами, положив в основу своего поведения другие ориентиры. Но изменить

устоявшиеся взгляды профессионального сообщества «белым воронам» бывает очень нелегко. *Забота о формировании профессиональной чести, о поддержании ее должна быть общим делом профессионального журналистского содружества.*

Главный редактор одной из популярных московских газет с большим сожалением рассказал в журналистском окружении, что ему пришлось освободить от работы талантливого сотрудника, поскольку тот допустил «двойную подлянку»: мало того, что подсунул редакции «заказуху», так еще и подтасовал в ней факты. «Идеалист ты однако! – заметил в ответ коллега такого же ранга. – Сегодня «джинса» сплошь и рядом идет, пиаровцы уговорят на нее кого хочешь из журналистов; что ж теперь – всех гнать с работы?» – «Ну, если так на это дело смотреть, того ли еще дождемся! – вмешался в разговор еще один. – «Заказуха» – начало конца нашей профессии. Я тут высказываюсь за непримиримость!» Заспорили... Слов о достоинстве журналиста, о его профессиональной чести не произносили, но фактически речь шла об этом. И потому я спросила: «Так что, на ваш взгляд, «джинса» – пятно на журналистской чести или знак перемен в профессии?» Второй собеседник лукаво поглядел на меня и вкрадчиво задал ответный вопрос: «А с чем ее едят, журналистскую честь?»

Согласитесь, таких остроумцев в нашей профессиональной среде сегодня немало. Это – проявление нравственного климата российского журналистского корпуса конца 90-х гг. XX в., проявление профессионально-нравственного сознания нашей общности, свидетельствующее о необходимости большой и серьезной внутрикорпоративной работы по формированию профессионально-нравственных ценностей.

Журнал «Журналист» в одном из своих материалов предоставил слово московскому адвокату И.А. Троицкой, которая в течение многих лет работала судьей и вела процессы по искам против журналистов. Хорошо зная ситуацию в прошлом и сейчас, она обратилась к сотрудникам журналистского «цеха» весьма прочувствованно:

Друзья мои, за последние годы в профессиональном плане вы сильно сдали. Будь наши суды чуть взыскательнее, боюсь, многие средства массовой информации просто разорились бы. Кстати, грешат в абсолютном большинстве сотрудники новых газет и журналов, где работает много молодежи. Они, как правило, имеют чрезвычайно смутное представление о законах. Мне приходилось сталкиваться с журналистами, которые совершенно искренне недоумевали: почему ложь, оскорбление в средствах массовой информации – деяние наказуемое?

Далее: у вас укрепилась достаточно неприличная традиция. К примеру, суд обязывает газету, журнал опубликовать опровержение. Вместо того чтобы честно и прямо извиниться перед человеком, ваш брат пускается во все тяжкие, только бы читатели не восприняли это извинение как победу над газетой, журналом...

Эти наблюдения опытного, умудренного жизнью человека свидетельствуют не только о слабой правовой подготовке работников средств массовой информации. Они говорят и о рассогласовании профессионального поведения журналистов с нравственным законом, о том, что понятие профессиональной чести в журналистском сознании нередко замещается представлением о «чести мундира».

Конечно, не на такие «образцы поведения» следует равняться молодому поколению журналистов. К счастью, примеры другого свойства в нашей профессиональной среде тоже нередки. Есть журналисты, которые могут сказать о себе:

...если я кого-нибудь обидел напрасно, то мне стыдно. Мне не надо суда, чтобы извиниться, если я действительно виноват.

Есть редакционные коллективы, которые хорошо понимают, что «нравственность выше политики», а «репутация не имеет конвертации».

Это достойные ориентиры на нелегком пути становления профессиональной нравственности, который начинается с формирования профессиональной позиции, –

становления, сопряженного с трудной работой освоения и выбора накопленных журналистским сообществом ключевых профессионально-нравственных представлений. Позиция определяет готовность действовать в соответствии с этими представлениями, она – фундамент системы профессионально-нравственных регуляторов журналистского поведения, а такой системой является профессионально-нравственное сознание журналиста. Однако здесь указаны пока не все компоненты, которые входят в его структуру. Об остальных речь пойдет в последующих главах.

ГЛАВА V. «ДА ВАШИХ ПРИНЦИПОВ ПРУД ПРУДИ!»

Эта дискуссия разгорелась на семинаре газетчиков, точнее – перед ним. Стоило только участникам семинара узнать, что предстоит разговор о принципах профессионального поведения журналиста, как нашелся желающий уточнить:

– Начнем с принципа партийности?..

Аудитория заулыбалась. А ехидный любитель точности как ни в чем не бывало произнес:

– Я бы предложил другой подход: каждый – личность, и у каждого – свои принципы.

В ответ наперебой зазвучали ироничные реплики:

– Лучше – у каждого своя мораль!

– Тогда уж своя теория журналистики! Человек посolidнее и постарше возмутился:

– Кончайте базарить. И принцип партийности – не глупость, можно бы и с него начать разговор. Но принципы профессионального поведения, я полагаю, – нечто другое. Это этика!

И тут наш любитель точности завелся, как говорится, по-крупному:

– Ах, вы про этику?! Так тут ваших принципов – пруд пруди! Сколько умов, столько и принципов. Кому что в голову придет, то и принципом величают. А я считаю, что у журналиста должен быть только один принцип: честность, честность и еще раз честность!

Кто-то поддержал оратора. Кто-то заметил запальчиво, что честность – человеческое качество, а никакой не принцип. Кто-то стал доказывать, что и качество можно возводить в принцип. Люди все были умные, за словом в карман не лезли, однако ход спора определяли случайности: то в одну сторону его поведет, то в другую. И вдруг прозвучал вопрос:

– А в самом деле, что такое моральные принципы? По каким критериям они определяются?

Голос у женщины, которая его задала, был негромким, она никого не старалась перекричать, говорила, словно думала вслух. Но все на минуту-другую умолкли. Стало понятно: вопрос, заданный женщиной, превратился в общий. Теперь можно было приступить к беседе по существу.

По каким критериям определяются принципы?

Словарных значений у этого слова три:

ПРИНЦИП (от лат. *principium* – начало, основа): 1) основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, политической организации и т. д.; 2) внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности; 3) основная особенность устройства какого-либо механизма, прибора.

Если вдуматься, то оказывается, что все три значения тесно связаны между собой и восходят к смыслу, заключенному в латинском первоисточнике, представляя собой разные моменты бытия этого смысла.

На что указывает третье значение? – На объективно существующую особенность организации реальных, определяющую специфику их проявления, – их действия. Если реалии суть механизмы, приборы, которым эта особенность их устройства сообщается человеком, то мы можем уверенно говорить о принципе. А если речь идет о реалиях, особенности которых заданы им природой, к примеру, о человеческом сердце? Разве нельзя сказать, что принцип действия человеческого сердца – попеременное сокращение и расслабление мышц предсердий и желудочков? Вроде бы можно, однако мы в таких случаях предпочитаем другое понятие – закон. Следовательно, суть понятия «принцип» в его третьем значении – в том, что оно описывает определяющую, основную, исходную для функционирования объекта реальности особенность его организации (устройства), которая существует независимо от того, воспринимаем мы ее в данный момент или нет, но сообщена этому объекту человеком.

А на что указывает первое значение? – На основополагающие особенности отражения объективных реальных в тех или иных надличностных формах общественного сознания. Принципы как понятие науки, теории, мировоззрения есть результат познания

явлений объективного мира на той или иной стадии его развития. В них, наряду с определяющими чертами, действительно присущими этим явлениям, отражаются особенности интерпретации их субъектом познания. Поэтому одно и то же явление принципиально может трактоваться в разных научных направлениях по-разному. Так, в диалектико-материалистическом учении объяснение многообразия мира основывается на принципе монизма, требующем от теории

раскрытия внутреннего единства и связи явлений, последовательного проведения определенной точки зрения на факты, систематического восхождения от абстрактного к конкретному, от общего закона к его конкретным проявлениям.

В ортодоксальном же картезианстве трактовка многообразия мира связывалась с принципом дуализма, исходящего

из признания равноправными, не сводимыми друг к другу двух начал – духа и материи, идеального и материального.

Таким образом, первое значение понятия «принцип» содержит в себе объективную и субъективную стороны, несет в себе единство объективного и субъективного моментов в отражении основополагающих особенностей действительности.

Второе значение слова «принцип» указывает на «превращение», которое происходит, когда знание об основополагающих особенностях действительности в той или иной их интерпретации становится фактом индивидуального сознания. Под влиянием ряда условий оно трансформируется в убеждения и определенной своей стороной начинает играть для личности роль инструмента в ее отношениях с миром. Однако при этом возникает как бы еще одна «степень субъективности»: интериоризация знаний неизбежно сопряжена с их вторичной, личностной интерпретацией и выбором.

Этот «экскурс по словарям» предпринят не случайно. В движении смысла понятия становится видимой такая цепочка взаимосвязанных звеньев: закон действительности (объективный закон!) – концепт науки (субъективно-объективное отражение закона) – инструмент практики (субъективно-объективное правило применения закона). Логика вышеприведенных рассуждений – ключ к ответу на вопрос, поставленный в названии параграфа. О каких бы принципах ни шла речь, **критерии**, по которым они определяются, *надо искать в действительности, в первостепенных, определяющих закономерностях явлений*, а если мы говорим о деятельности, то *в законах и закономерностях данной деятельности*.

Исследователи отмечают высокую степень обобщенности, возникающую при отражении законов в принципах деятельности. Так, И.М. Дзялошинский пишет:

«Под **принципами** целесообразно понимать чрезвычайно обобщенные ориентиры профессиональной деятельности, указывающие на общую стратегию профессионального поведения, но не регламентирующие порядок конкретных операций».

Разрабатывая представление о системе принципов журналистской деятельности, видный методолог в области теории журналистики Е.П. Прохоров высказал в связи с этим соображения, имеющие серьезное общенаучное значение.

Принципы, – пишет он, – относятся к той области правил и норм деятельности, которая определяет ее общий характер. Создание произведения регулируется и мерой владения жанром, и способами сбора начальных сведений, и требованиями законов композиции и т.п. Однако называть эти правила принципами некорректно. Принципы всегда лежат в основе какой-то определенной сферы человеческой практики: принцип реактивного движения положен в основу ракетостроения; принцип сохранения энергии – в основу физики; принцип невмешательства во внутренние дела – в основу межгосударственных отношений и т.д. И согласно принципам и «во

исполнение» их отбираются и реализуются все более конкретные правила и нормы, способы действия, технические решения и т.п.

Таким образом, принципы строятся *на базе знания* очень высокого уровня, прежде всего знания *общих законов* данной сферы практики, составляющих ее *концептуальную базу*, играющих роль *упорядочивающего начала*, благодаря чему определяются способы подхода и *методы деятельности*. В принципе как бы соединяются «фиксирующее» знание высокого уровня (типа закона) и «работающее» знание, на основе применения закона задающее угол зрения и способ деятельности в практике. Образно принцип можно представить как единство «ядра» – знания и «оболочки» – метода.

Далее исследователь обращает внимание еще на одно немаловажное обстоятельство:

Разумеется, следование принципам будет плодотворным (и особенно в исторической перспективе), если в основе его лежит верное знание. Правда, в ряде концепций принцип просто постулируется или «доказывается» ложным образом (как, например, расистский принцип превосходства арийской расы, который пытался в идеологической и политической практике реализовать фашизм). Но век таких «принципов» не может быть долгим, хотя применение их способно принести большой вред. Значит, можно утверждать, что *принципы верны лишь постольку, поскольку покоятся на верном знании*. Но не менее важно, чтобы *перевод «знания» в «метод» также был проведен добросовестно и точно...*

Речь в данном случае не только о журналистике. По сути дела, здесь излагается трактовка принципа как понятия **теории деятельности**. В свете того, что уже сказано, такая трактовка представляется вполне убедительной и «работоспособной», тем более что она открывает возможности использовать структурный подход к содержанию понятия «принцип» и за рамками теории деятельности. Правда, для этого целесообразно несколько изменить формулу содержания, сделав ее более универсальной:

принцип = *знание о законе + базисные правила использования закона на практике (в деятельности, в отношениях того или иного типа).*

В такой редакции понятие принципа оказывается применимо и к области профессионально-нравственных отношений, подсказывая пути выявления критериев для определения конкретных профессионально-нравственных принципов.

В сфере профессиональной этики понятие «принцип» строго терминологического смысла пока не приобрело. Это относится ко всем профессиям, в том числе к журналистике. Чаще всего оно употребляется при кодификации стихийно сложившихся норм профессиональной морали для обозначения тех из них, которые представляются наиболее важными. Если мы перелистаем скопившиеся на сегодня в журналистском сообществе хартии, кодексы, декларации, то увидим: слово «принципы» выносится и в названия документов, и в заголовки отдельных разделов, встречается в тексте. Но что стоит за ним? Прочтем внимательно фрагменты из нескольких профессиональных документов, пронумеровав их в порядке предъявления.

1.

«ПРИНЦИП 1. Право людей на получение правдивой информации.

Народы и люди имеют право получать объективное изображение действительности посредством точной и исчерпывающей информации, а также право свободно выражать свою точку зрения при помощи различных форм культуры и коммуникации». (Из «Международных принципов профессиональной этики журналиста»).

2.

«13. Репортаж о незавершенных расследованиях и судебных процессах не должен содержать предварительные приговоры. Поэтому прессе перед началом или во время таких процессов не следует принимать точку зрения одной из сторон.

Подозреваемый не должен объявляться виновным до вынесения судебного приговора. При рассмотрении судебных дел среди молодежи следует опускать по возможности публикацию анкетных данных и фотографий подозреваемого, принимая во внимание его будущее, если, конечно, речь не идет об особо тяжком преступлении. Без достаточных оснований не следует сообщать о решениях суда до их официального обнародования». (Из «Принципов журналистской деятельности (Кодекс прессы)», утвержденных Советом немецкой прессы).

3.

«6. Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также в руководящих органах политических партий и других организаций политической направленности.

Журналист сознает, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие». (Из «Кодекса профессиональной этики российского журналиста»).

Несмотря на то что все эти положения представлены в качестве принципов журналистской этики, даже при однократном прочтении данных фрагментов бросается в глаза, что по существу они весьма разнородны, ибо характеризуют разные стороны отношений, отмечены разной степенью общезначимости и универсальности. А если прочесть процитированный материал еще раз, то станет отчетливо видно следующее:

- ♦ первый из приведенных фрагментов по содержанию выходит далеко за рамки профессионально-этического документа и выглядит скорее положением хартии прав человека. Отношение к журналистике он имеет, но постольку, поскольку указывает на то право людей, обеспечение которого связано с продуктом журналистской деятельности;
- ♦ второй фрагмент заключает в себе профессионально-нравственные предписания по освещению в прессе конкретного жанрово-тематического направления, не имеющие никакого отношения к целому спектру других тематических направлений; значит, они не могут претендовать на роль общепрофессионального регулятора поведения;
- ♦ третий фрагмент касается статуса журналиста, а статус, как известно, – «правовое положение (совокупность прав и обязанностей) гражданина или юридического лица» и, следовательно, требует определения в правовом порядке.

Понятно, что такой подход к формулированию принципов в кодексах этики журналистов разных стран нельзя назвать строгим. Эта «нестрогость» и создает впечатление, будто кодексы пишутся произвольно, значит, и следовать их предписаниям не очень обязательно. А причиной всему является размытость смыслового поля понятия «профессионально-нравственный принцип» («этический принцип», «принцип этики»). Поэтому представляется важным попытаться четко определить его.

Если, вслед за Е.П. Прохоровым, считать, что формулируемый наукой принцип деятельности есть представление, в котором синтезируются знания об основополагающем законе деятельности и о базисных правилах его использования, то смысловое поле понятия «профессионально-нравственный принцип» должно быть несколько уже. Ведь это понятие непосредственно связано не с деятельностью в целом, а лишь с ее определенной частью.

Эта часть – **профессионально-нравственное поведение личности**, т.е. *система ее реакций в виде поступков на отношения с людьми, с обществом, со своей профессиональной общностью в ходе решения профессиональных задач, соотносимых с общим нравственным законом общества и профессионально-нравственными ценностями*. Соответственно содержание понятия «**профессионально-нравственный принцип**» (принцип как понятие профессиональной этики) должно включать в себя и *представление о законах взаимодействия профессиональной общности и каждого ее члена с обществом*

в целом, и базисные (основные, универсальные) правила использования его в моральном поведении, опосредующим успешное выполнение профессиональных задач.

Что касается законов, то представление о них складывается прежде всего в результате изучения причин, вызвавших появление профессии в обществе и обуславливающих ее развитие. Столь же важным для формирования такого представления является изучение функций деятельности, осуществляемой в рамках данной профессии, общественной роли этой деятельности и значения того продукта, который она поставляет обществу.

Относительно базисных правил морального поведения следует сказать, что представление о них может быть получено в результате изучения тех условий, которые определяют успешность деятельности и, следовательно, выступают в качестве факторов, формирующих оптимальные варианты профессионального поведения специалистов.

Выходит, что критериями, определяющими конкретные профессионально-нравственные принципы, выступают:

- **объективные законы** взаимодействия данной профессиональной общности и общества, с большей или меньшей точностью отраженные в науке;

- **условия**, диктующие такое профессионально-нравственное поведение, при котором эти законы во всех случаях профессиональной деятельности могут реализоваться наилучшим образом.

Отсюда и вытекает **универсальность** принципов, составляющая их главную особенность.

О каких же законах взаимодействия журналистики и общества правомерно в нашем случае говорить в первую очередь?

Понимая **закон** как *«необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями в природе и обществе»*, мы должны учесть, что законы взаимодействия журналистики и общества относятся к категории частных, представляющих собой конкретное проявление общих законов взаимодействия общества с разными видами профессиональной деятельности. Основной из этих общих законов состоит в том, что *любая профессиональная деятельность возникает и развивается в силу необходимости стабильно и качественно удовлетворять соответствующие потребности общественного организма*. Журналистика, соответственно, возникает и развивается из-за необходимости стабильно и качественно удовлетворять потребности общества *в многообразной оперативной информации массового предназначения*. Она выступает и в виде социального института, и в виде деятельности. Ученые выдвигают сегодня в центр внимания утверждение, согласно которому журналистика – деятельность,

опосредующая с помощью актуальной информации связь отдельных индивидов с совокупностью новых изменений в обществе, с динамикой окружающего мира. Она координирует темпы социальной жизни с ритмами индивидуального существования и, обеспечивая их параллелизм, синхронизацию и определенную интеграцию, выполняет разнообразные функции ориентации индивидов в социуме.

Во многом благодаря данным обстоятельствам человечество, разместившееся на громадных пространствах и разделенное на сегменты государственными границами, национальными языками и обычаями, групповыми интересами и ценностями, не перестает быть целостной, единой саморегулирующейся системой.

Вместе с тем уральский исследователь Ю.А. Ермаков отмечает:

Факт трансцендентности мира по отношению к отдельным индивидам, составляющим аудиторию средств массовой информации, объективно содержит в себе возможность злоупотреблений монополией журналистики на повседневное оперативное сообщение информации о запредельной для этих индивидов реальности. Кроме того, этот факт, значение которого объективно усиливается нарастающей активностью журналистики в обществе, служит и

основой своеобразного раздвоения личности реципиента: его повседневной ориентации не только на осязаемо близкий и реальный, но и на воображаемый мир, т.е. на знаково-символическую реальность, создаваемую средствами массовой информации.

Потому культивирование в индивидах данной ориентации на основе их потребностей в обновлении информационных связей с обществом открывает эффективный путь влияния журналистики на субъективность реципиентов: создание у них истинных или ложных картин и образов, репрезентирующих трансцендентную реальность и, следовательно, неявным образом воздействующих и регулирующих их личное отношение к ней, а в конечном счете – и поведение, стиль жизни индивидов в социуме. Отсюда появляется возможность скрытого манипулирования чувствами, ценностными ориентациями, мышлением реципиента, которая связана, в первую очередь, с прагматическим аспектом функционирования журналистики в качестве общественного института.

Под прагматическим аспектом функционирования журналистики Ю.А. Ермаков имеет в виду те интересы органов информации, которые связаны с обеспечением возможностей их выживания и получением «собственного политического, социального и коммерческого капитала». Практически именно эти интересы толкают журналистику в объятия покровителей. То она попадает под крыло властных структур, деятельность которых она и так опосредует, обеспечивая прямую и обратную связь между субъектом и объектом управления. То ищет поддержки у влиятельных в имущественном или политическом отношении социальных сил, а они почти всегда заинтересованы в том, чтобы использовать ее

в целях пропаганды собственных ценностей и идеалов, которые включаются таким образом в духовный обмен и обретают легитимность в массовом и индивидуальном сознании.

В результате возникают серьезные опасности:

– **для журналистики**, поскольку из социального института, воплощающего в себе свободу слова, гласность и демократизм, призванного снабжать граждан правдивой, универсальной по охвату событий, оперативной и регулярной информацией, она превращается в средство манипуляции сознанием человека и тем самым утрачивает свою сущность;

– **для социума**, поскольку вместо адекватного отражения постоянно меняющейся действительности, сопровождаемого свободным обменом мнений, идей и помогающего тем самым укреплению институтов гражданского общества, он получает неравноценную замену. Ему предлагается, в основном, *истолкование изменений*, опирающееся на групповые интересы, и завуалировано несущее в себе пропаганду ценностей, соответствующих этим групповым интересам, нередко – в ущерб общечеловеческим;

– **для индивида**, поскольку его суверенный внутренний мир оказывается подвержен такому информационно-психологическому воздействию, при котором он лишается возможности самостоятельно формировать свое отношение к событиям, освещаемым в средствах массовой информации, хотя и не догадывается об этом. Дело в том, что специфические приемы, которые формируются в журналистике, принимающей на себя манипуляторскую функцию, рассчитаны на то, чтобы запрограммировать нужную духовно-психологическую реакцию реципиента, создавая при этом иллюзию его полной самостоятельности.

Каким образом, при каких условиях можно локализовать, уменьшить подобные опасности, обеспечив журналистике возможность действовать в соответствии с имманентно присущими ей законами?

Исторический опыт показывает, что путь к этому лежит через разрешение проблемы экономической самостоятельности системы средств массовой информации, и формирование в журналистской общности таких стандартов профессионального поведения, при интериоризации которых у журналиста возникают устойчивые внутренние

запреты на отклонения от закономерных профессиональных шагов. Эти стандарты и получают отражение в профессионально-нравственных принципах творческого поведения журналиста. В чем конкретно они заключаются?

На все случаи жизни?..

Анализ профессионально-этических документов мирового журналистского сообщества (российские входят в их число) показывает, что среди упоминаемых в них принципов строго соответствуют обозначенным выше критериям четыре принципа. (Формулировки их в разных кодексах несколько отличаются друг от друга, однако суть совпадает.)

По степени близости к «законам высокого уровня», по выраженности «инструментальной функции» и универсальности эти четыре принципа вполне могут претендовать на роль методологической базы профессионально-нравственного поведения журналиста, предreshающей воплощение его профессиональной позиции в конкретные профессиональные шаги. Важно подчеркнуть, что данные принципы предполагают использование их во всех случаях журналистской практики, касаются всех направлений деятельности журналиста и всех «линий» профессионально-нравственных отношений, в которые он вступает.

Рассмотрим последовательно каждый из этих принципов, выявив общий смысл, который они сохраняют на страницах кодексов несмотря на разные формулировки, и придав им общую логическую структуру. Оговоримся: каждый принцип включает в себя указание его сути и условий, которых он требует для своей реализации.

Принцип первый:

соблюдать приоритет общественных интересов и общечеловеческих гуманистических ценностей перед групповыми, проявляя во всех случаях профессионального поведения гражданскую зрелость.

Важность этого принципа обусловлена тем, что он ориентирует поведение журналиста на соответствие законам, определившим возникновение журналистики и ее суть как деятельности, призванной обеспечить такие потребности социума, от разрешения которых зависит его целостность и устойчивость. Иное поведение чревато тем, что может вызвать дисфункциональные эффекты деятельности и повлечь за собой нежелательные сдвиги в общественной жизни.

Говоря об общественных интересах, следует иметь в виду в данном случае интересы общечеловеческие: понятие «общество» употребляется здесь в своем предельном значении, выступая синонимом понятия «человечество».

Но что значит «соблюдать приоритет...»? Ведь это предписание предполагает *умение понять*, в чем заключаются общечеловеческие интересы, а в чем – групповые, чем общечеловеческие гуманистические ценности отличаются от групповых. Такое умение приходит к человеку лишь по достижению им довольно высокой ступени интеллектуального, общественно-политического, нравственного развития. Так что упоминание о гражданской зрелости при формулировании принципа возникает отнюдь не случайно: она оказывается той предпосылкой, тем необходимым условием, которое делает возможным следование данному принципу.

Вести себя в соответствии с этим принципом в реальности отнюдь не просто. Вот весьма показательная ситуация из журналистской практики, примечательная прежде всего тем, что она типична.

В редакцию одной из популярных в городе газет поступили сведения о том, что руководителями самого крупного муниципального округа допущены серьезные финансовые злоупотребления. Из-за них возникла угроза состоянию жилищного фонда округа: и без того скромные средства на проведение ремонтно-профилактических работ в текущем году «ушли» не по назначению уже в первом квартале.

Корреспондент, которому было поручено расследование, слыл человеком основательным и начал, что называется, «копать» глубоко. Он уже «перелопатил» гору добытых с трудом документов, переговорил не с одним из участников событий. И вдруг его пригласил к себе редактор. Спросил, как продвигаются дела, не очень внимательно выслушал, а потом, не глядя в глаза, проговорил:

– Бог с ней, с этой историей... Я попросил бы тебя заняться другой темой. Видишь ли...

– Не понял! – вопросительно посмотрел журналист на шефа. Они работали вместе не первый год, и по неуверенной интонации редактора он быстро вычислил, что за словами шефа кроется отнюдь не актуальная необходимость «переключить» внимание сотрудника на более важное задание.

– А что тут понимать?! – в голосе редактора послышалось раздражение. – Говорят – не надо, значит не надо!

– Нет уж, позволь... – заупрямился журналист. – Ты не темни, объясни толком.

– Объясни ему... Маленький, что ли?! Знаешь, кто главбух в твоём округе?..

– Представь себе, знаю. Родственница какого-то влиятельного лица.

– Да не просто родственница, а жена! И не какого-то там лица, а нашего... – и редактор назвал фамилию одного из «друзей газеты», владеющего солидным процентом ее акций.

– Ого!.. – выдохнул из себя журналист и замолк.

Редактор тоже молчал, глядя куда-то в окно...

Много дней спустя мы встретились с участниками этой истории у нашего общего знакомого, и мне бросилось в глаза, что отношения между ними как-то странно изменились. «Какая кошка между вами пробежала?» – спросила я у одного из них. «Кошка, говоришь?.. – усмехнулся он. – Просто мы теперь как-то стыдимся друг друга. Ничего, это пройдет. Жизнь не дистиллированная водица, в ней и не такое случается». И он рассказал мне, что произошло.

Наверное, есть люди, способные осудить наших героев. Ведь оба поступили вразрез с принципами, оба выглядят не лучшим образом. Но и понять их тоже можно: жизнь предложила им не самое легкое испытание профессиональной нравственности. Вот оно – влияние «прагматического аспекта функционирования журналистики» (помните, о нем пишет Ю.А. Ермаков?). Этот «прагматический аспект» то и дело подталкивает журналистов к нарушению профессионально-нравственного принципа, о котором идет речь. И невольно возникает вопрос: так, может, и не нужен такой принцип?

Но обратим внимание: и редактор, и журналист – герои рассказанной истории – испытывают **чувство стыда**. Это значит, их мучает совесть. Так что в следующей подобной ситуации им (или хотя бы одному из них), возможно, удастся найти в себе силы сделать иной моральный выбор, а именно тот, на который *ориентирует* журналистское сообщество рассмотренный нами принцип. Ориентир же, заметим, есть указатель пути. Без указателей цивилизованных дорог не бывает.

Принцип второй:

соблюдать международные правовые акты и законы своей страны, соблюдать права человека, проявляя уважение к демократическим институтам общества.

Уровень цивилизации, достигнутый человечеством, во многом обеспечен законом, правом. Мы уже знаем: право возникло в общественной жизни в связи с необходимостью разрешения противоречий, не поддающихся «доброй воле». Иначе говоря, оно выступило средством принуждения к разрешению таких противоречий. Однако право – не просто «сильная сила», утверждают исследователи.

Оно, – по мнению автора работы «Право в нашей жизни», – организатор, призванный упорядочить, урегулировать общественные отношения, внести в них необходимую организованность. Право – важный дисциплинирующий фактор. При помощи права обеспечивается такая государственная и гражданская дисциплина, которая выражена в строгом порядке, отточенной организованности общественной жизни.

В качестве особо важной задачи для развития правосознания общества исторический опыт человечества выдвинул осознание необходимости закрепления и защиты неотъемлемых прав человека. Идея гарантировать естественные права человека со стороны государства родилась еще в глубине веков, получив серьезное обоснование в трудах многих передовых мыслителей. В XVIII в. она была отчетливо провозглашена в документах, вошедших в золотой фонд развития гуманистической мысли, – в американских Декларации независимости и Билле о правах, во французской Декларации прав человека и гражданина. Многие положения этих документов получили отражение в законодательствах европейских стран. Однако особенно серьезно международное и внутригосударственное нормотворчество в сфере прав человека стало развиваться во второй половине нашего века, когда Генеральная Ассамблея ООН провозгласила Всеобщую декларацию прав человека. Настоящий момент примечателен тем, что права человека не просто провозглашаются в хартиях и декларациях, но и фиксируются в конституциях государств, в международных пактах, направленных на осуществление и защиту прав человека во всем мире (хотя происходит это отнюдь не без сложностей).

Журналистика является не только информационным посредником в процессах укрепления правопорядка и правозащиты. Она и сама выступает в качестве силы, осуществляющей эту работу. Для того чтобы журналист мог справляться с ней наилучшим образом, он должен иметь развитое правосознание, придерживаться прогрессивных правозащитных концепций, а главное – демонстрировать собственным поведением и умение действовать в согласии с законами, и уважение к правам человека, а также ко всем демократическим институтам, которые призваны быть гарантами соблюдения этих прав.

Однако, несмотря на то, что соблюдение прав человека провозглашается лидерами российской журналистской корпорации *главным принципом* прессы, случаев пренебрежения правами людей со стороны журналистов немало. Много и примеров пренебрежения законами, в том числе Законом о средствах массовой информации. Так, Закон о СМИ однозначно утверждает, что при осуществлении профессиональной деятельности журналист обязан «проверять достоверность сообщаемой им информации», «уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций». А в судопроизводство месяц за месяцем поступают дела, возбуждаемые в связи с публикацией непроверенных данных или оскорблением чести и достоинства личности, и очень многие из этих дел журналисты проигрывают. Не случайно даже «звезды эстрады», привычные к вторжению прессы в их личную жизнь, теряют терпение и выходят «на тропу войны» против журналистов.

Далеко не всегда законопослушны журналисты и при получении сведений в процессе подготовки материалов. Сталкиваясь с нарушениями закона со стороны чиновников, необоснованно препятствующих доступу работников прессы к информации, журналисты идут на риск, добывая сведения обходными путями. Это, конечно, не дело. Здесь есть проблема, ее надо решать, но не таким образом.

Подталкивают журналистов к нарушению границ правового пространства и противоречия в законодательстве, создающие коллизии, найти решение которых весьма сложно. Это так называемые «серые зоны»: выход из них практически всегда оказывается выходом за правовое поле. Типичный пример подобной коллизии – ситуации с «личной жизнью». Как известно, законы многих стран, и российские в том числе, запрещают

«сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия». С другой стороны, есть и такой закон:

Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Что получается, когда журналист оказывается в точке столкновения двух законов, мы уже видели на примере Елены Масюк.

Уважение к закону и правам человека – залог стабильности, безопасности страны, которых у нас стало меньше. Кто из журналистов хочет, чтобы стало еще хуже, найти трудно, а вот кто из них не уважает закон и права человека, найти не представляет никакого труда...

– с горечью замечает в своей книге «Права человека» Ю.В. Трошкин. И с ним невозможно не согласиться.

Второй профессионально-нравственный принцип потому и важен, что он предполагает перевод *внешней для журналиста необходимости в его внутреннюю потребность*. Это достигается не сразу и только при том условии, что в сообществе журналистов складывается соответствующая атмосфера.

Принцип третий:

соблюдать общепринятые нормы морали, а также стандарты культуры взаимоотношений, проявляя глубокую человеческую порядочность, воспитанность, уважение к чести и достоинству личности.

В одном из номеров журнала «Журналист» был опубликован материал, подготовленный Международным центром для журналистов (США). Он начинался так: «Некоторые считают, что «этическая журналистика» – это оксюморон, то есть сочетание противоположных по значению слов».

– Почему некоторые?.. Да большинство людей так думают! – заметил, отложив журнал в сторону, мой гость – опытный газетчик, с которым мы довольно долго работали вместе. – И это похоже на правду. Помнишь Т.? (Он назвал фамилию хорошо известного мне человека.) Лучший репортер из всех, которых я знал. А как он выглядел и как действовал?.. Я не уверен, умывался ли он хоть раз в неделю и знал ли, что надо спрашивать разрешение, входя к кому-то в комнату или кабинет.

Т. действительно был весьма примечательной фигурой – чтоб не сказать одиозной. В журналистских кругах не уставали рассказывать байки о нем. Информацию мог добыть из-под земли – и в прямом, и в переносном смысле. Тексты его, конечно, приходилось править (не хватало грамотности), но в них всегда была «изюминка» и, что самое главное, они точно схватывали суть событий, фактических ошибок в них почти не бывало. Зато их появлению чуть ли не всякий раз предшествовала какая-нибудь нетривиальная история – то скандальная, то потешная. Рассказывали, например, что фактуру для одного из своих материалов он добыл, сидя под столом в номере гостиницы, где остановилась приезжая знаменитость. Официально в аудиенции ему было отказано, и он «пошел неофициальным путем!» Самое пикантное в том, что подслушивал Т. беседу, которую вела со знаменитостью молодая журналистка, на контакт с которой гостя города пошла довольно охотно.

– Как ты думаешь, – спросила я коллегу, – почему ни одна газета так и не взяла его в штат? Услугами пользовались все, а в штат редакции не брали.

Он хмыкнул, повел бровями:

– Время было доперестроечное! Не больно ценили талант.

– А может, и потому, что с такими «оригиналами» нормальному человеку свойственно избегать общения?

– Таланту многое нужно прощать. Круг замкнулся.

– Смотри, что получается, – сказала я. – Сначала мы таланту многое прощаем, потом начинаем думать, что в журналистике так и должно быть, а потом рождается мнение: «этическая журналистика – оксюморон».

– Вроде бы да... – неохотно согласился он. А я протянула ему номер «Общей газеты», где было напечатано поданное не без иронии интервью Сергея Варшавчика с одним из ведущих ежедневной аналитической программы на ТВ, тоже человеком талантливым (чуть было не получил «Орфея» на ТЭФИ). В интервью этот аналитик весьма своеобразно высказывался о приличиях. Заметив, что судиться с газетой «МК» по поводу ее публикации не намерен (неприлично – «все равно что драться с пьяной бабой»), он заявил: «Лучше я их оскорблю, и пусть они со мною судятся». И дальше добавил: «Я оскорбляю людей, с которыми считаю ниже своего достоинства выяснять отношения содержательно».

Здесь уж мой гость не выдержал:

– Ну, тут чисто трамвайные нравы! Если это просматривается с экрана (а оно, конечно, просматривается), – представляешь, какой образуется «вирус хамства»!

Мне очень понравилось это его выражение – «вирус хамства».

Положение журналиста в обществе таково, что он всегда привлекает к себе внимание и, хочет того или нет, воздействует на аудиторию не только своими текстами. А если это журналист телевидения, то и подавно. Ведь любой его жест, любое слово, выражение лица, даже взгляд (не говоря уж о передачах в целом) могут стать источником «вирусов», добрых или злых – это зависит от уровня его моральности и культуры.

Тот факт, что в профессионально-нравственные отношения трудовой группы журналист вступает в пору, когда у него уже сложилась определенная традиция моральной регуляции своего поведения в обществе, создает немало сложностей. Повторимся: уровень моральности у людей разный, несмотря на то, что нравственный закон, требующий согласованности действий каждого отдельного человека и общества, един. Будь это по-иному, не могло бы быть и речи о принципе, который мы рассматриваем. Но коль скоро реальность такова, коль скоро в профессиональную общность журналистов приходят люди разной степени моральности, принцип этот очень важен. Он способен стимулировать моральное и культурное развитие каждого отдельного члена общности, улучшая, оздоравливая тем самым ее профессионально-нравственный климат. Конечно, это не может служить абсолютной страховкой от превращения понятия «этическая журналистика» в оксюморон, но в некоторой степени помогает разрешать противоречия, возникающие между требованиями общей морали и состоянием профессионально-нравственной атмосферы журналистской среды. В результате создается возможность для укрепления авторитета журналистики в обществе, для расширения области позитивных последствий ее деятельности.

Ориентировать журналистов на соблюдение этого принципа сегодня – задача очень существенная. Ведь в период бурного развития информационного рынка, непрерывного возникновения все новых средств массовой информации и стремительного совершенствования электронной техники журналистский корпус интенсивно пополняется людьми из самых разных отраслей деятельности. Для многих из них профессионально-нравственные ценности журналистики – вовсе не факт, а представление о свободе творчества не имеет ничего общего с грамотным профессиональным представлением. Между тем надежной гарантией от вольного или невольного произвола может быть именно высокий уровень человеческой порядочности и культуры журналиста.

Принцип четвертый:

выполнять все профессиональные действия обдуманно, честно, тщательно, проявляя добросовестность и настойчивость, а при необходимости – мужество.

Этот принцип тесно связан с предыдущим. По сути дела, он является детализацией третьего принципа, но детализацией особого рода. Заключенные в нем предписания восходят непосредственно к предписаниям трудовой морали. А трудовая мораль, как мы помним, представляет собой особый блок моральной установки, возникший для того, чтобы закрепить в поведении человека, независимо от его места в социуме (независимо от профессии!), добросовестное отношение к труду. Так проявила себя в ходе общественного развития необходимость гарантировать бесперебойное поступление в фонды общества качественных жизненно важных продуктов, обеспечивая выживание человека и общества. Профессиональная мораль журналистской общности призвана ориентировать своих членов на такое отношение к постулатам трудовой морали, при котором не должно даже возникать вопросов по поводу качества журналистской продукции. Однако они, увы, возникают.

Раньше местное телевидение было менее популярно, но более профессионально. Выстроенный кадр, нормальный свет в студии, хорошо одетый ведущий. Кому теперь это нужно? – размышляла в беседе с корреспондентом журнала «Журналист» одна из звезд нашего телеэкрана... – Когда-то говорили: «Энтузиазм уже ушел, а профессионализм еще не появился». Молодые мальчики и девочки приходят на телевидение, чтобы их узнавали. И за деньгами, конечно. Но того и другого можно добиться на любительской камере, ничего не продумывая заранее. Девчонки с канала «Волга» называют альтиста Башмета на Сахаровском фестивале скрипачом, причем изо дня в день. Все им кажется так легко. Действительно, нажал на кнопку – получил картинку. Подсунул микрофон – получил интервью. Гостям говорят: сами напишите вопросы. И вот ты уже на экране, тебя узнают на улицах, ты – звезда. Зачем писать сценарий? Зачем какой-то кадр, который надо выстраивать?

В данных наблюдениях отразились настолько характерные приметы сегодняшних «телебуден», что однажды, когда я прочла приведенный отрывок на журналистском семинаре, ситуацию приняли за свою представители трех приволжских городов!

А прямой эфир на радио иной раз и вовсе похож на «балдежный» разговор двух не вполне трезвых балагуров, позволяющих себе без обиняков обсуждать свои и чужие интимные привычки. И пусть бы себе обсуждали, если бы это был просто «телефонный треп для двоих». Но это – передачи для массовой аудитории, продукт, предлагаемый слушателям в качестве *результата работы!*

Заметно снизилась тщательность и в деятельности газетчиков. Это проявляется даже в количестве опечаток, «оседающих» на газетных страницах. Но что опечатки по сравнению с историями, вокруг которых разгораются судебные страсти именно из-за того, что журналист позволил себе быть небрежным. То не проверил сведения, которые принесла молва; то не продумал, как лучше проаргументировать свою позицию; то не дал себе труда поискать слово, которое не оскорбляло бы персонажей публикации.

Показательна в этом смысле судебная тяжба между прокурором Архангельской области и автором статьи «Ну-ка, отними!», опубликованной в «Криминальной хронике». Справедливый по своей сути материал был не особенно тщательно подготовлен (автор выслушал только одну из конфликтующих сторон) и написан с «эмоциональными перехлестами» (упомянутый прокурор и взятая им под защиту сотрудница прокуратуры были без достаточных оснований названы «настоящими грабителями»). Кончилось тем, что Тверской суд Москвы принял решение обязать редакцию опубликовать опровержение и взыскать с редакции в пользу истца более чем кругленькую сумму...

Разумеется, немало в практике наших СМИ и примеров противоположного свойства. Они говорят о том, что мастера эфира и пера не чужды добродетелей, благодаря чему массовые информационные потоки постоянно пополняются текстами, позволяющими журналистике справляться со своей ролью. И это относится не только к тем, кто ведет репортажи из «горячих точек» или с мест чрезвычайных происшествий. Люди, которые просто не умеют делать дело спустя рукава, по счастью, есть в самых разных

подразделениях журналистского «цеха». Важно, чтобы именно они «определяли погоду» в средствах массовой информации. В сущности, именно на это и должен ориентировать журналистскую общность четвертый принцип.

Подчеркнем еще раз: особенностью профессионально-нравственных принципов является их универсальный характер. Работает ли журналист с источниками информации, выходит ли на контакт с действующими лицами будущих публикаций, обращается ли к аудитории, взаимодействует ли с представителями власти или коллегами – во всех таких случаях он (если считается достойным профессионалом) сознательно или бессознательно опирается на рассмотренные принципы. Это профессиональные нравственные заповеди, следуя которым никогда не потеряешь чувства ответственности, не уронишь своего профессионального достоинства, не запятнаешь чести, словом, будешь жить в ладу с совестью.

Но профессионально-нравственные принципы – не приказ командира, а именно заповеди. Журналисты делятся на тех, кто им следует, и тех, кто ими пренебрегает. И если профессиональная среда лояльна к последним, если она не кипит возмущением, когда сталкивается с наплевательским отношением к принципам, значит, она больна, и причем серьезно: потеря ориентиров грозит «дорогой в никуда». Слава Богу, в нашем журналистском корпусе начинают появляться признаки выздоровления. Обнадёживает в этом смысле и факт создания Большого жюри при Союзе журналистов России, уже рассмотревшего в 1999 г. несколько конфликтных ситуаций, вызываемых неблагополучием в сфере профессионально-нравственных отношений.

Однако полиструктурность, многослойность профессионально-нравственных отношений, в которые журналист включается в ходе своей деятельности, обуславливает неизбежность конкретизации побуждений, обобщенно заложенных в принципах. Возникает необходимость в профессионально-нравственных регуляторах *отдельных аспектов* профессионального журналистского поведения. Что же они собой представляют?

ГЛАВА VI. «НОРМЫ – ВСЕ РАВНО ЧТО ЦЕНзуРА!»

Закончив систематизировать профессионально-этические положения, извлеченные из прочитанных кодексов, я попросила коллегу-газетчика посмотреть результаты работы. Было важно выяснить, легко ли улавливаются различия между тремя группами представлений, образующих основную часть профессионально-нравственного сознания журналиста. Он взял листочки, вчитался, подумал. Потом стал уточнять:

– Выходит, профессионально-нравственные категории – это представления, которые задают журналисту систему основных психологических установок на деятельность, определяют профессиональную позицию? Пожалуй, да...

Принципы... Имеется в виду другой ряд представлений – те, что определяют главные, универсальные для профессии правила поведения. Они вроде бы указывают на условия, при которых журналист всегда будет на высоте. Допустим!

А вот третья группа... Не обижайся, но я сразу тебе скажу: у меня она вызывает резкое отторжение, воспринимается как покушение на свободу. Все равно что цензура! И посмотри, сколько там этих норм! Прямо колючая проволока в шесть рядов!

Я даже рассмеялась: нормы действительно выстраивались в шесть рядов (мы еще это увидим). Попыталась было сослаться на то, что их столько в кодексах, не сама ведь я их придумала. Но собеседник резонно заметил, что по кодексам-то они рассредоточены, а тут оказались все вместе и превратились...

– Во что превратились? – переспросила я, побуждая его все-таки закончить мысль.

– Говорю же, в цензуру! Мне только того и надо было:

– Может, все-таки в *ориентир* для самоцензуры!

И мы начали обсуждать, нужна журналисту самоцензура или нет. «Внутренний цензор» – кто он, враг творческой свободы или мудрый советчик журналиста, болеющий душой и за него, и за журналистику, и за общество, и за каждого человека, с которым сводит сотрудников прессы профессиональный путь? Сошлись на том, что советчик. Тогда возник новый вопрос: а должны ли быть у «советчика» какие-то основания для «советов»? И опять легко достигли согласия: есть такие основания – прошлый опыт журналистской общности, так сказать, «уроки истории».

– Но ведь в основу профессионально-нравственных норм и ложатся такие «уроки истории!» – проговорила я. – Ты вдумайся в определение: **нормы** – это *выработанные в опыте профессии представления, подталкивающие к таким вариантам поведения в ходе деятельности, которые позволяют в конкретных условиях с наибольшей вероятностью достигать оптимальных отношений и добиваться хорошего результата.*

– Да, – сказал, наконец, коллега. – Убедила. Но все равно их не должно быть так много!

Теперь была моя очередь согласиться. И я принялась снова перечитывать извлечения из кодексов, пытаюсь избежать излишней дробности норм. Оказалось, что коллега был прав, основания для этого нашлись, и я ими воспользовалась. Тем не менее, пресловутые «шесть рядов» сохранились: именно шесть направлений профессионально-нравственных отношений сходятся в журналистской деятельности. О них и пойдет речь далее.

На чем строить отношения с адресатом?

Доминирующими в профессиональной морали журналистов являются отношения с адресатом информации – аудиторией СМИ. Читатель, радиослушатель, телезритель – для них мы работаем, им предназначаем плоды своих трудов, не уставая следить за изменениями действительности, чтобы вовремя сообщить о важных новостях и помочь разобраться в них. Но, как мы уже могли убедиться, продукция журналистики для адресата не всегда безопасна. Мотивируя необходимость исследовать практику потребления массовой информации аудиторией, социолог Л.Н. Федотова пишет:

С тех пор, как между личным опытом индивида и остальным мирозданием появилась фигура Интерпретатора, человека (или института), впрочем, не с Луны свалившегося (хотя по

специфичности и важности его роли человечество издавна склонно было его обожествлять), отношения между ними стали проблемой: предметом для осмысления, а может быть, и трансформации – как выполняет свою функцию Интерпретатор, какую картину мира рисует он своему окружению, в какую сторону горизонта вглядывается при этом...

Чрезвычайное практическое значение этой проблемы определило стихийное стремление аудитории (по крайней мере, наиболее просвещенной ее части) защитить себя от чрезмерного влияния прессы. Концентрируя внимание на личностном взаимодействии человека с системой средств массовой коммуникации (СМК) под таким углом зрения,

можно говорить о действиях аудитории как избирательной деятельности по отношению к СМК, активном поведении-выборе, и, наконец, барьерах, которыми индивид защищается, которые индивид противопоставляет воздействию СМК, или, если угодно, фильтрах, через которые индивид просеивает потребляемую информацию.

Что это значит для конкретных средств массовой информации в условиях рынка, пространно пояснять не требуется. Мы уже знаем: всплеск профессиональной журналистской рефлексии по этому поводу обернулся для стран, вставших на путь рыночного развития давно, интенсивным процессом кодификации профессионально-нравственных норм, стихийно сложившихся с целью оптимизации отношений журналистики с обществом. Россия приступила к рыночным реформам лишь в последнем десятилетии уходящего века, так что наша журналистика только еще осваивает особенности взаимодействия с аудиторией в новой экономической, социально-политической, социально-психологической ситуации (к тому же во многом кризисной). В связи с этим опыт мирового журналистского сообщества по предотвращению нежелательных осложнений в отношениях с адресатом массовой информации, зафиксированный в виде положений этических кодексов, имеет для нас очень большое значение. Чем же, какими именно нормами регулируются отношения «журналист – аудитория» в наше время и насколько эти нормы помогают установить оптимальный режим взаимодействия производителя и потребителя массовой информации?

Анализ профессионально-этических документов, высказываний работников пера и эфира, научных трудов по профессиональной этике журналиста позволяет сделать вывод, что сегодня определяющими в этой группе являются нормы, содержащие следующие требования-ориентиры:

- **всемерно защищать свободу прессы как одно из неотъемлемых прав человечества и всеобщее благо;**
- **уважать право людей знать правду, своевременно предоставляя им максимально объективную и правдивую информацию о действительности, четко отделяя сообщения о фактах от мнений, противодействуя намеренному сокрытию общественно значимых сведений и распространению ложных данных;**
- **уважать право людей на участие в самоопределении общественного мнения, помогая им свободно выразить свою точку зрения в печати, по радио и телевидению, содействуя общедоступности средств массовой информации;**
- **уважать моральные ценности и культурные стандарты аудитории, используя их в качестве ценностной основы произведений и не допуская в тексте смакования подробностей преступлений, потворства порочным инстинктам, а также утверждений и слов, оскорбляющих национальные, религиозные или нравственные чувства человека;**
- **укреплять доверие людей к средствам массовой информации, содействуя открытому диалогу СМИ с читателями, зрителями и слушателями, публично принимая справедливые претензии общественности к своей деятельности, предоставляя возможность ответа на критику, оперативно исправляя существенные ошибки, не**

допуская намеренного манипулирования сознанием адресата информации, а также дезориентации его в содержании материалов посредством их неточных заголовков.

Перечень этих требований-ориентиров, конечно же, не исчерпывает всех представлений профессионального журналистского сознания, касающихся возможностей оптимизировать взаимодействие с аудиторией. Мы назвали лишь те из них, которые служат непосредственно реализации профессиональной позиции и профессионально-нравственных принципов журналиста. Они помогают ему в ситуациях морального выбора остановиться на действиях, которые не наносят адресату журналистской продукции сколько-нибудь существенного вреда.

Следование норме, предьявленной в нашем ряду первой, стало устойчивой традицией для Mass Media всего мира. Проявляя редкую солидарность, журналисты разных стран видят свою задачу – в высшей степени благородную – в том, чтобы отстаивать автономность прессы от власти, не допускать введения цензуры, поддерживать коллег из тех государств, где средства массовой информации еще не утвердились в своих демократических правах.

Однако факт наличия такой традиции вовсе не означает, что есть хоть одна страна на планете Земля, где достигнута абсолютная свобода печати. Даже в США, где гарантом функционирования демократического правительства и свободы граждан считается именно свободная пресса, абсолютной свободы печати нет и быть не может, поскольку понятие «абсолютная свобода» применительно к социальным институтам и человеку как социальному существу – нонсенс. Абсолютная свобода означает полный обрыв, полное отсутствие связей. Носителя абсолютной свободы можно представить себе только в торичеселиевой пустоте, да и то условно, ибо пустота и есть пустота. Любопытна логика рассуждений, выстроенная профессором Джоном Мэрриллом для доказательства утверждения о том, что в Америке есть свобода печати.

Слово «свобода», – пишет он, – не означает, что человек свободен от всего. Быть свободным от всего – от других людей, от законов, от морали, от мыслей и эмоций – в реальности невозможно, и здравомыслящий человек не может желать такой свободы. Истина в том, что любая необходимая и желаемая свобода должна иметь ограничения. Реальная свобода должна иметь смысл или почву. Примеры такой основы свободы можно обнаружить в конфуцианской этике. Здесь основой ограничения свободы является добро. Человек должен выбирать добро, а не зло. Если побеждает зло, то свобода, скорее всего, перестанет существовать. Таким образом, если мы будем следовать этой этике, то мы должны разрешать свободу только ради добра, но не ради зла.

Так и хочется подписаться под этими словами, мешает лишь одно: историей доказано, что иногда добро не сразу открывает свое лицо, а зло любит рядиться в одежды добра, поэтому нетрудно и ошибиться.

Да, реальная свобода должна иметь смысл или почву. И этот смысл, эту почву, когда мы говорим о свободе прессы, составляют имманентно присущие ей законы. **Свобода прессы есть возможность строить деятельность прессы в соответствии с ее внутренними законами, не допуская насилия над ее природой.** Именно эту возможность в условиях, когда на нее «перманентно (непрерывно, постоянно. – Г.Л.) покушаются те, кто хотел бы использовать уникальную духовную всеобщность данного социального института, масштаб и оперативность влияния прессы в партикулярных (частных. – Г.Л.) интересах и целях», и пытаются защищать журналисты в соответствии с профессионально-этической нормой, о которой мы говорим.

Уважение к праву людей знать правду – следующая норма в нашем ряду – предполагает совершенно определенные проявления этого уважения. Они складываются из:

– своевременности, правдивости и максимально возможной объективности предьявляемой информации;

– стремления к тому, чтобы адресат информации мог составить себе отчетливое представление о том, что произошло в действительности и что думает по этому поводу журналист;

– готовности идти на конфликты, даже на осложнение служебных отношений во имя необходимости донести до аудитории важную для нее информацию или, напротив, воспрепятствовать распространению ложных сведений.

Часто ли нарушается эта норма в практике средств массовой информации? Увы, нередко. Но вместе с тем у нас немало журналистов, которые действуют в соответствии с ней автоматически, не задумываясь. Александр Хохлов, о котором мы говорили, вовсе не единственный тому пример.

А вот третьей нормы этого ряда, предусматривающей уважение к праву граждан участвовать в обмене мнениями, способствуя самоопределению общественного мнения, работники электронной и печатной прессы сегодня придерживаются в разной мере. Телевидению и радиовещанию в поиске новых форм вовлечения аудитории в этот процесс помогают возможности современной техники. Прямой эфир с видными государственными и общественными деятелями, представителями науки и культуры, многочисленные ток-шоу, прямая телефонная связь, интерактивный опрос... Правда, не всегда при этом выносятся на обсуждение действительно общезначимые и важные проблемы. Не всегда бывает представлен достаточно богатый спектр мнений, плюрализм позиций. Но в плане *форм участия аудитории в создании массовых информационных потоков* электронная пресса, пожалуй, опережает печатную.

На газетных полосах господствуют мнения профессиональных журналистов. Публикация читательских писем стала редкостью, хотя в некоторых изданиях и сохранились рубрики типа «Мнения». Организация «авторских материалов» в том виде, какой практиковала советская печать, слава Богу, отошла в прошлое (вместе с нею постепенно уходит в прошлое и такое явление, как «заавторство»). А вот новые варианты «попадания» читательских выступлений на страницы печатных изданий рождаются с трудом.

Наблюдения показывают, что сегодня слово читателя можно найти в газете едва ли не в трех случаях:

– если этот «читатель» – представитель какой-либо из служб публичных рилейшнз, и тогда его тексты идут под рубриками «бизнес-информация», «на правах рекламы» и т.п.;

– если он – создатель какого-нибудь «экспресс-метода» или «экстра-крема», рекламирующий свой товар;

– если он – влиятельная или эпатажирующая окружение персона, которую газетчики просят дать интервью или приглашают принять участие в сеансах прямой телефонной связи с читателями.

В такой ситуации заслуживает внимания практика изданий, вовлекающих в свою работу широкий «круг друзей редакции». В него входят яркие творческие личности из самых разных сфер деятельности, обладающие талантом публициста. Они ведут постоянные рубрики, выступают в качестве экспертов, делятся соображениями по поводу тех или иных проблем, переживаемых ими вместе со всей страной. Это достойный ответ журналистов на требование профессии, заложенное в рассматриваемой норме.

Пожалуй, чаще всего мы сталкиваемся в практике журналистов с нарушением нормы, представленной в нашем списке четвертой. Казалось бы, она предписывает само собой разумеющиеся вещи: опираться в своих произведениях на тот материал культуры, на те ценности, в которых аудитория ориентируется, не подталкивать ее к порокам, жестокости, не оскорблять национальное, религиозное, нравственное достоинство человека, позволяя себе неразборчивость в средствах выражения информации. Тем не менее, именно эти предписания оказываются трудно выполнимыми.

Однажды на семинарском занятии мы рассматривали материалы, идущие в одной из московских газет под рубрикой «Срочно в номер!». Студенты задалась целью определить, удастся ли авторам так организовать заметки, чтобы авторская оценка не деформировала факт. Вдруг одна из девушек возмущенно воскликнула: «Какой-то кошмар! Они пишут о гибели людей и при этом смеются. Выходит, жизнь человека никакой ценности для них не представляет». И было уже бессмысленно предлагать посмотреть, как передан факт и выражена оценка. В аудитории закипели страсти. Отношение сотрудников редакции к жизни, основной из общечеловеческих гуманистических ценностей, вызвало у молодых людей дружное неприятие. А когда волна возмущения спала, я задала вопрос: «Неужели и вправду у авторов заметок не было сострадания к потерпевшим, сочувствия их близким? Неужели и в самом деле жизнь человека в их глазах гроша ломаного не стоит?» – «Нет, конечно, это все ради красного словца!» – наперебой заговорили девчата. Парни снисходительно усмехались. Потом один сказал: «Острили бы где-нибудь на лесной полянке. Это же все-таки газета!»

С тех пор почти всякий раз, когда мне приходится вести разговор о сути нормы, ставшей в данном случае предметом нашего внимания, я начинаю с предложения познакомиться с материалами рубрики «Срочно в номер!». Выводы у тех, кто участвует в беседе, появляются сами собой.

Особый случай представляет собой пятая норма. Дело в том, что укреплять доверие людей к средствам массовой информации столь же важно, сколь и опасно. Мы уже знаем, что в истории бывали ситуации, когда журналистика, отягощаемая в силу тех или иных причин манипуляторской функцией, используя доверие аудитории, превращала ее в объект манипулирования. И это не было безобидным. Суть заключается в следующем:

Манипулирование является весьма своеобразным способом социальной регуляции, управления, контроля и детерминации индивидуальной жизни людей. В тоталитарном обществе оно служит необходимым дополнением к открытому насилию и террору, выполняя прежде всего функции идеологического «наркоза» и духовного «обезболивания» их разрушительной практики, маскируя ее под «партийную линию», «высшие государственные интересы» или «революционную целесообразность». В условиях цивилизованного общества, где насильственное подавление человека морально порицается и в большинстве случаев запрещено законом, манипуляция служит его своеобразным заменителем. При этом сила и эффективность этого заменителя подчас гораздо выше, чем открытого насилия, ибо манипулирование совершается скрыто и анонимно в духовно-психологическом мире человека, охватывая как сознательные, так и бессознательные слои его личности.

Надо полагать, что манипулирование, будучи по своей сущности явлением деструктивным, как и любой другой феномен, имеет и некие позитивные стороны, еще мало исследованные наукой. Однако даже если допустить, что они есть, нельзя не видеть, что в основе этого явления лежит обман. Следовательно, журналистике манипулирование противопоказано по определению. Его трудно избежать, поскольку для него есть объективные предпосылки, но оно противопоказано, ибо журналистику вызвала к жизни необходимость человечества уверенно ориентироваться в действительной динамике социальных процессов. Судя по всему, это противоречие – еще одно из проявлений того основного, движущего противоречия журналистики, которое связано с включенностью ее в два контура регулирования социума, о чем мы уже достаточно говорили.

Отсюда вывод: *основой укрепления доверия аудитории к прессе должны быть те особенности профессионального поведения журналистов, которые одновременно предупреждают усиление манипуляторской функции журналистики.* Их и декларирует данная профессионально-нравственная норма, максимально «нагруженная» побуждениями к защите адресата массовой информации.

Профессиональная журналистская мораль, как видим, обязывает строить сферу отношений «журналист – адресат информации» прежде всего на всестороннем уважении к аудитории, причем уважении, которое предполагает необходимость изучать ее, дорожить ее ценностями и правами, понимать ее озабоченность, интересы, проблемы. Данные

российско-американских социологических исследований, проведенных в 1992–1996 гг., показали, что представления российских и американских журналистов об аудитории существенно различаются. Американцы гораздо менее склонны считать свою аудиторию легковверной и не интересующейся серьезными проблемами. Они думают о ней много лучше, чем российские журналисты о своей. Не здесь ли надо искать ответы на многие «трудные вопросы» нашей сегодняшней журналистики?

Раскрывать источник или скрывать?

Чрезвычайно важны для журналистики отношения «журналист – источник информации», благодаря которым изо дня в день средства массовой информации получают сведения о происходящем в мире. Действительность для журналиста, с этой точки зрения, есть совокупность источников информации. Их надо уметь находить и правильно использовать. Существуют три типа источников, и у каждого из них – свои особенности.

Первый тип – **документ** – примечателен тем, что он представляет собой продукт чьей-то деятельности по переработке первичной информации. Она «законсервирована» в документе с помощью тех или иных знаков на том или ином материале для хранения и передачи во времени и пространстве.

Второй тип – **предметно-вещественная среда** – обладает способностью нести на себе естественные «отпечатки» контактов с людьми и событиями. Эти «отпечатки» предстают перед нами в виде деталей обстановки, на фоне которой происходили события, и могут рассказать о них не меньше, чем документ. Но... Предметы, вещи «разговаривают» только с теми, кто умеет их разглядеть и хочет понять их язык.

Третий тип источников – **человек**, ключевое для журналиста звено в информационной среде. В американской научной традиции это звено называется «живой источник». Это название имеет не только прямой, но и переносный смысл. Ведь человек – субъект деятельности, он включен в природные и социальные процессы множеством связей и потому как источник информации неиссякаем. Во-первых, он всегда является свидетелем или участником каких-то событий и потому выступает в качестве *держателя информации о них*. Во-вторых, он – *носитель информации о себе*, о своем внутреннем, субъективно созданном мире. В-третьих, он – *транслятор информации, полученной от других*.

Особенность этого типа источников состоит в том, что они могут открыться или не открыться для журналиста, поскольку человек, будучи существом социальным, сам программирует свое поведение и побудить его к контакту не очень просто.

Может ли журналист заинтересовать людей в сотрудничестве с органами информации? Не только может, он должен сделать это! Но как? Однозначный ответ здесь едва ли найдется: сколько людей – столько мотивов поведения. Журналисту, заинтересованному в привлечении того или иного человека к сотрудничеству в качестве информатора, прежде всего необходимо понять, чем в первую очередь определяются поступки этого человека. Есть люди, которые мечтают стать журналистами, даже если имеют другое высшее образование; они охотно начнут сотрудничать с прессой в качестве нештатных авторов. Есть люди с публицистической жилкой, всегда готовые принять участие в обсуждении важных проблем и помочь их решению. Есть желающие подработать журналистским трудом или стремящиеся к известности – они тоже потенциальные нештатные авторы. А есть такие, кто склонен помогать органам информации, хотя ни к славе, ни к деньгам не стремится. Чаще всего это те, кому совесть не дает смириться с коррупцией, несправедливостью, произволом, а возможностей помешать злу без огласки у них не хватает. *В подобных случаях люди идут на сотрудничество с прессой из гражданских побуждений, рискуя многим, и потому они*

нуждаются в определенных гарантиях неразглашения имени, что и предусматривается законодательством.

Но в целом, надо сказать, отношения журналистов с источниками информации законодательно отрегулированы слабо, и потому здесь возникает много проблем. Так, например, Закон Российской Федерации о средствах массовой информации вроде бы обязывает должностных лиц, выступающих в качестве держателей информации, предоставлять журналистам необходимые сведения «по запросам редакций», а также путем проведения пресс-конференций, рассылки материалов и т.п. В Законе даже подчеркивается, что *«отказ в предоставлении запрашиваемой информации возможен, только если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну»*. Однако ни порядок предоставления информации пресс-службами, ни порядок аккредитации журналистов конкретными законодательными актами не обеспечены.

В результате на пути к информации у работников прессы возникает множество искусственно создаваемых барьеров, преодолевать которые законными путями оказывается достаточно трудно. Журналист то и дело попадает в ситуации морального выбора, выйти из которых *достойно* можно только в одном случае: если ты при всех сложностях придержишься принятых в профессиональном сообществе стандартов поведения, существующих в статусе профессионально-нравственных норм, и не забываешь о профессиональном достоинстве и чести.

На какие же стандарты в данном случае следует ориентироваться? В целом этот ряд профессионально-нравственных норм сегодня выглядит так:

- **при работе с источниками информации использовать для получения сведений исключительно законные, достойные действия, допуская отступления от требований права и предписаний морали (использование «скрытой камеры», «скрытой записи», нелегальное получение документов и т.п.) только в обстоятельствах, когда налицо серьезная угроза общественному благополучию или жизни людей;**
- **уважать право физических и юридических лиц на отказ в информации, если ее предоставление не является обязанностью, предусмотренной Законом, не позволять себе бестактности, давления, шантажа;**
- **указывать в материалах источники информации во всех случаях, кроме тех, когда есть основания сохранять их в тайне;**
- **хранить профессиональную тайну относительно источника информации, если есть основания для его анонимности, отступая от этого требования только в исключительных обстоятельствах: по решению суда или согласию с информатором в случаях, когда разглашение его имени является единственным способом избежать неминуемого ущерба для людей;**
- **соблюдать оговоренную при получении информации конфиденциальность, выполняя просьбу информатора не делать определенные сведения или документы достоянием гласности во всех случаях, кроме тех, когда информация была искажена намеренно.**

Почему данный список норм содержит в себе два, по сути дела, противоположных предписания: с одной стороны, обнародовать источник информации, с другой – хранить его в тайне?

Объяснение этому можно найти в следующем. Обозначение в тексте источника информации является для ее адресата свидетельством истинности сообщения, оно дает возможность проверить его, если возникают сомнения, служит аргументом в пользу объективности журналистики, а потому представляет собой ценный компонент материала. Однако тот факт, что в нашей действительности «живой источник» из-за контактов с прессой может подвергаться серьезной опасности, ставит журналистское сообщество

перед необходимостью поддержать требование законодательства, берущего информатора под защиту, силой профессиональной морали.

Отметим, что обе рассматриваемые нормы нарушаются в практике современной российской журналистики едва ли не реже других. По всей видимости, дело заключается в том, что они отражают те моменты профессионально-нравственных отношений, которые непосредственно влияют на сохранность благоприятных условий деятельности.

Что касается остальных предписаний, то приходится констатировать, что они часто не «работают», и не только у нас, но и в других странах. Обратимся еще раз к данным российско-американских исследований, проведенных в 1992–1996 гг. Авторы посвященной им книги пишут:

Иногда американские журналисты, судя по их ответам, добывают необходимые сведения, нарушая определенные нормы и правила. Они в два раза чаще, чем сотрудники российских СМИ, оправдывали использование без получения специального разрешения секретных документов, принадлежащих правительственным или коммерческим учреждениям (первое место в ответах), считали допустимым публиковать без разрешения личные документы (в 9 раз чаще) и не отвергали возможность оказывать давление на источник информации (почти в 3 раза чаще). Американские журналисты оправдывают публикацию имен лиц, которые по соображениям права и этики не должны быть оглашены (в 43 раза чаще).

Судя по данному исследованию, на этом фоне российские журналисты выглядят более приверженными этическим нормам. И все-таки российские журналисты почти в равной степени с американскими коллегами не считают большим грехом пользоваться скрытыми микрофонами и кинокамерами, не осуждают практику устройства на работу в фирму или другую организацию с целью получения информации для внутреннего пользования.

Объяснить столь высокую степень «свободы от норм» можно только тем обстоятельством, о котором уже упоминалось: существующая правовая база не обеспечивает журналистам получения необходимой информации. Доступ к ней должен быть гарантирован подробным, хорошо разработанным законодательством, учитывающим весь комплекс особенностей журналистики как деятельности и социального института. До тех пор, пока этого не будет, ненормативное поведение работников СМИ не изжить. Как показывает опыт США, оно имеет тенденцию превращаться в традицию, разрушить которую гораздо труднее, чем не допустить ее формирования.

«Не навреди!» – что это значит?

Эпизод, рассказанный в журнале «Журналист» обозревателем Хабаровского ТВ, хорошо запомнился мне потому, что когда-то давно и я получила от жизни похожий урок. Суть «хабаровской истории» в следующем. Снимая одну из передач, бригада краевого телевидения «открыла» замечательного человека. Работал он шорником и в передачу попал мельком, попутно – так, несколько кадров. А внимание журналистов на себя обратил:

он покорила нас и страстной любовью к лошадям, и весьма своеобразной философией своего дела, и удивительным мастерством в изготовлении седел, уздечек. И собеседник он оказался – что надо.

Словом, телегруппа решила приехать в село еще раз, чтобы сделать передачу специально о нем. Но увя... Автор материала делится с читателями:

Встретил нас совсем другой человек, необщительный, замкнутый. Сниматься наотрез отказался. Как мы ни бились – ни в какую разговаривать не захотел. Что случилось? Что произошло? Молчит – и все тут! Перед самым отъездом одна разговорчивая селянка объяснила нам что к чему: после передачи заела шорника жена. А виной всему мой вопрос, заданный в шутку и, как назло, вошедший в тот первый крошечный эпизодик. Что бы сделал шорник, случись новый

всемирный потоп? Кого бы в первую очередь посадил в ковчег? Догадываетесь, что он ответил? Ну, конечно, лошадь. Как на это отреагировала законная супруга, тоже наверняка догадываетесь. С тех пор и замкнулся человек, с коварными телевизионщиками дела иметь не желает. Так что напрасно мы приехали.

Конечно, корреспондентка не хотела причинить неприятность этому замечательному человеку, а получилось, что причинила.

Наверное, мало кому из журналистов на заре профессиональной карьеры удастся обойтись без таких эксцессов. Потому и сконденсировался подобный исторический опыт журналистской профессии в группу профессионально-нравственных норм, призванных регламентировать отношения **«журналист – герой»**.

Для журналиста такие отношения неминуемы. Ведь какой бы ситуацией ни заинтересовался работник СМИ (она может быть позитивной, проблемной или конфликтной), участники событий на объекте, куда он попал, неизбежно становятся действующими лицами его материала – персонажами, «героями», положительными или отрицательными. А они, между прочим, живые люди, им и дальше жить в том самом окружении, которое прочтет, увидит или услышит посвященное им журналистское произведение. Нередко от этого зависит их дальнейшая судьба. Ладно, если все ограничится обидой жены («Значит, лошадь тебе дороже?!») или подтруниванием друзей («А ну, кузнец-молодец, покажи, какие там у тебя миндалевидные глаза?..»). Но ведь бывает, что после неловкого слова в прессе человек с хорошей репутацией вдруг превращается в объект подозрений и пересудов, способных надолго отравить ему жизнь. Речь в данном случае идет не о справедливой критике в адрес героя, а именно о журналистских «неловкостях». Что касается критических материалов, то при работе над ними главная опасность для журналиста – впасть в предвзятость. Человек может пережить любую критику, если она справедлива, доказательна и корректна (неприятно, конечно, но сам виноват!). А вот если журналистские оценки предвзяты, поверхностны, рождены профессиональной недобросовестностью, тогда и случаются с героями сердечные приступы.

Все это вместе взятое и определяет исключительное значение профессионально-нравственных норм данного ряда. Наиболее существенны среди них следующие:

➤ **заботиться о непредвзятости своих публикаций, избирая в качестве будущих персонажей лиц, отношения с которыми не могут быть признаны корыстными и противоречащими общественному благу или пристрастными;**

➤ **уважать как личность человека, ставшего объектом профессионального журналистского внимания, проявляя в ходе общения с ним корректность, такт и выдержку;**

➤ **уважать право человека на неприкосновенность частной жизни, не позволяя себе вторжения в нее без согласия будущего героя во всех случаях, кроме тех, когда герой является публичной персоной и его частная жизнь вызывает несомненный общественный интерес;**

➤ **быть верным реальности, не исказить в материале жизнь героя, помня, что это – лицо реальное, а потому любая попытка приукрасить или очернить его будет замечена и не только осложнит отношения героя с его окружением, но и дискредитирует в глазах этого окружения автора публикации и средство массовой информации, в котором он работает;**

➤ **воздерживаться в материале от любых пренебрежительных замечаний или намеков, способных унижить героя, а именно: от иронического обыгрывания его имени, фамилии, деталей внешности; от упоминания о нем как преступнике, если это не установлено судом; от недоброежелательных реплик по поводу расы, национальности, цвета кожи, религии, болезней и физических недостатков.**

У многих возникает вопрос: что же, опасаясь упрека в предвзятости, вообще нельзя писать материалы о знакомых людях? («А если я хочу написать о любимом школьном учителе?» – спросил, например, меня один из студентов.) Ответ тут простой: есть ведь такой вид творчества, как публицистика – деятельность, профессионально не замкнутая. Вам хочется написать об учителе? Вы всегда можете подготовить *публицистическое эссе*, в котором на опыте ваших собственных отношений с учителем поделитесь своим мнением о нем с другими людьми. Но если в вашей бывшей школе сложилась в данный момент конфликтная ситуация, требующая непредвзятого анализа и *журналистского выступления*, то тут надо серьезно подумать, стоит ли вам лично делать такой материал. Лучше, если им займется кто-то из беспристрастных коллег, а вы можете выступить для него в качестве одного из источников информации.

Из поколения в поколение передается в журналистской среде давно родившийся мудрый завет: закончил писать материал – прочти его глазами своего героя, а потом представь себе, что встретился с ним взглядом. Если ты можешь смотреть ему в глаза, значит, все в порядке. А если тебе хочется отвести свой взгляд, если почувствовал вдруг неловкость, то плохо дело: в чем-то согрешил. И не так-то просто обнаружить такую погрешность!

Кто такой автор?

Почти всякий раз, когда в студенческой аудитории заводишь разговор о том, что важной линией профессионально-нравственных отношений в журналистике являются отношения «журналист – авторы», в ответ раздается вопрос: «А что Вы имеете в виду?...» Для человека, который еще не работал в прессе, такая дихотомия кажется диковатой. Судите сами: мы только и делаем, что говорим о творческой деятельности журналиста, следовательно, о его авторских работах, и вдруг какие-то особые отношения «журналист – автор»... Кто такой в этом случае автор? Пояснение, действительно, требуется.

Вспомним: профессиональные обязанности журналиста связаны не только с созданием его собственных материалов. Он принимает участие и в организации массовых информационных потоков. Это означает, что ему приходится вступать в контакты с представителями самых разных профессий. Журналист привлекает их к обсуждению важных общественных проблем и ситуаций, заказывает им публикации и проекты передач для радио и телевидения, помогает приводить их тексты (и, кстати, тексты, пришедшие «самотеком», – письма) в соответствие с нормативами цивилизованного общения в средствах массовой коммуникации. Особое поле взаимодействия – авторские работы деятелей самых разных видов творчества. Иногда это развернутые, сложные по структуре масштабные произведения, представляющие собой результат кооперации творческих усилий художников разного профиля, по отношению к которым журналист выступает в качестве то автора идеи, то художественного (музыкального) редактора, то продюсера. А иногда это «всего-навсего» интервью, которое дал теле-, радиожурналисту или газетчику бизнесмен, политик, деятель науки или культуры. Варианты множественны. Но в любом случае речь идет о «поле взаимодействия» – поле реализации профессионально-нравственных отношений, одну сторону которых представляет журналист, другую – его «контрагент» (персонально или в виде целого коллектива). Ему-то и присваивается «титул» автора («нештатный автор», «нештатник»). Заметим: помимо скромного экономического интереса и моральных факторов, эти отношения не поддерживаются никакими иными социальными институтами – ни правом, ни административной властью, ни силой общественного мнения. Организация духовного сотрудничества в обществе во имя создания массовых информационных потоков как функция журналистики реализуется при максимуме «свободного волеизъявления» людей.

Но там, где есть взаимодействие, да еще столь свободное от всякого рода дисциплинарных мер, неизбежно и возникновение противоречий, проявляющихся в виде

проблемных ситуаций, из которых необходимо искать выход. Такие противоречия могут обнаружиться в самые разные моменты взаимодействия, они создают множество непредвиденных осложнений в организации массовых информационных потоков. А ведь она связана с жесткой схемой регулярного периодического пополнения и выпуска этих потоков «в свет» и «в эфир». Естественно, журналисту при этом приходится и нервничать, и уставать из-за постоянного напряжения, ведь почти каждый профессиональный шаг связан у него с моральным выбором.

Вот почему столь важно систематизировать представления, которые сложились в журналистской практике и хранятся в профессиональном сознании журналистского содружества как ориентиры для грамотных решений в подобных проблемных ситуациях. Эти представления образуют особый ряд профессионально-нравственных норм:

➤ **строить отношения с авторами на основе взаимного уважения, ориентируясь на добровольность сотрудничества, терпеливо добиваясь взаимопонимания и обязательности, избегая «заавторства»;**

➤ **ценить самобытность автора, при редактировании материала стремиться сохранить его авторское своеобразие как в мыслях, так и в лексико-стилистическом решении, не допуская «вкусовой правки» – вмешательства в произведение, продиктованного не объективной необходимостью, а вкусом редактирующего;**

➤ **согласовывать с автором все изменения в его произведении, вплоть до стилистических поправок, а в случаях, когда это невозможно (например, сокращение материала в момент верстки или монтажа), обязательно объяснять после публикации причины самовольного журналистского вмешательства в произведение, принося при необходимости извинения;**

➤ **самым тщательным образом аргументировать автору отказ в публикации его произведения, когда это неизбежно, стараясь не нанести обиды, не ранить авторского самолюбия;**

➤ **беречь свою профессиональную репутацию, не позволяя себе заимствовать из авторских материалов идеи или факты и навязывать создателю произведения соавторство (за исключением случаев, когда такое соавторство необходимо в интересах дела).**

С точки зрения соответствия этой группе норм более всего уязвима в нашей прессе практика интервью, записываемых для радио и телевидения. Причина такого положения заключается в том, что авторские права лиц, привлекаемых к этой форме участия в массовых информационных потоках, и сегодня еще не осмыслены должным образом, не отражены сколько-нибудь вразумительно в законодательстве, скажем, в законе «Об авторском праве и смежных правах» не регламентируются они и специальными служебными инструкциями. В результате нередко возникают серьезные претензии интервьюируемых к средствам массовой информации, поскольку обнародованные в эфире варианты интервью заметно отличаются от тех, которые были записаны журналистом в момент, когда велась беседа. И дело не только в технологически неизбежном сокращении материала; умышленно или не умышленно, но смонтированный текст иной раз существенно отличается от авторских высказываний *в смысловом плане*. Пока взаимодействие журналиста и автора в подобных ситуациях не будет отрегулировано правовым или административным образом, следует хотя бы журналистским организациям специально обратить внимание коллег на необходимость соблюдения второй и третьей норм данного ряда.

Кем создается «нравственный климат»?

Прочитав в свое время в «Литературной газете» статью академика В.М. Глушкова, в которой он высказал мысль, что целью управления и критерием его качества должно быть комфортное состояние личности, включающее в себя ее благосостояние и «душевный комфорт», я предложила студентам обсудить проблему «душевного комфорта», в частности, выяснить, от чего он может зависеть. Ребята тогда еще не читали статью, но в разговор включились охотно. В конце концов, пришли к выводу, поразившему меня двумя особенностями: степенью единодушия и близостью к размышлениям академика. Самое главное, на чем молодые люди настаивали, заключалось в следующем: человек чувствует душевный комфорт, когда он живет в ладу с собой и окружением. А потом я спросила, комфортно ли им было летом в редакциях (они только что возвратились после первой производственной практики). Кто-то сразу и категорично ответил: «Нет!» Кто-то замялся, пожимая плечами. И только один из 15 человек сказал «да»: «Мне очень понравилась атмосфера в редакции. До университета я работал в газете, у нас тоже было неплохо. Но тут – какой-то особенный нравственный климат. Уезжать не хотелось».

Нравственный климат редакции... Мы уже касались этого, когда вели речь о состоянии профессионально-нравственных отношений в журналистике стран с развитыми демократическими традициями. Заметили, что роль нравственного климата велика: если с ним все в порядке, то он стимулирует уважительное отношение членов редакционных коллективов к профессиональным стандартам поведения, помогающим укрепить престиж и профессии, и свой собственный, законно упрочить свое материальное благополучие. Во многом именно он и создает у человека чувство душевного комфорта. Но что он такое по сути? Что его определяет?.. Размышляя над этими вопросами, я пришла к выводам, поделиться которыми считаю важным, хотя они, конечно же, не бесспорны.

Как всякий климат, *профессионально-нравственный климат редакции есть устойчивое, чаще всего – многолетнее, сочетание условий (в нашем случае – прежде всего внутренних), которыми характеризуются основные параметры жизни редакционного коллектива.* Здоровый профессионально-нравственный климат – здоровая жизнь коллектива, хорошие результаты работы.

Качество профессионально-нравственного климата редакции зависит от многих обстоятельств, но более всего на редакционную атмосферу влияют:

- ◆ доминирующий в редакции характер жизненной позиции сотрудников;
- ◆ степень близости профессиональной позиции у разных членов коллектива – и рядовых, и руководящих;
- ◆ характер целевых установок, выработанных редакционным руководством;
- ◆ характер отношений между руководителями и рядовыми творческими сотрудниками;
- ◆ характер отношений между рядовыми творческими сотрудниками;
- ◆ принятые внутри коллектива формы общения;
- ◆ формы взаимодействия редакционного коллектива с окружающим миром, в том числе с коллегами из других журналистских организаций.

В определенном смысле все эти обстоятельства есть проявление того или иного уровня моральности и профессионально-нравственной зрелости каждого из сотрудников, а также уровня культуры служебных взаимоотношений. Следовательно, **здоровый нравственный климат произведен от высокого уровня профессионально-нравственной зрелости коллектива и высокой степени этичности служебных взаимоотношений.**

Этика служебных взаимоотношений – не то же самое, что профессиональная этика. Это особый свод правил поведения в трудовом (в том числе творческом) коллективе, общий в своей основе для организаций и учреждений любого профиля. Специфика деятельности влияет на характер этих отношений, но опосредованно, через профессиональную мораль и профессиональную этику. Вот почему оказывается, что в сфере профессионально-нравственных отношений «журналист – коллеги» действуют два

вида нормативов: нормы профессиональной морали и нормы служебной этики. Мера приверженности им и определяет качество нравственного климата редакционных коллективов, а в конечном счете – и дух всей журналистской общности. Объединенные в один ряд, эти нормы выглядят следующим образом:

➤ **поддерживать профессиональную солидарность, уважать общность интересов и целей журналистского содружества, предпочитая их интересам и целям политических или других общественных организаций, в которые может входить журналист;**

➤ **заботиться о престиже профессии, не допуская действий, подлежащих уголовной ответственности и наносящих ущерб авторитету журналистики, а именно: не принимать подарков, услуг, привилегий, которые могут скомпрометировать моральную чистоту журналиста; не использовать служебного положения в личных целях; не отказываться от публикации материалов в угоду чьим-то корыстным интересам и не писать «заказных статей»; избегать отступлений от требований права и предписаний морали в личной жизни;**

➤ **незамедлительно приходить на помощь коллегам, оказавшимся в трудных обстоятельствах или попавшим в беду, особенно в случаях нарушения их прав или создания кем-либо препятствий к выполнению ими профессиональных обязанностей;**

➤ **уважать нормативы служебных отношений, принятые в редакционном коллективе, ориентируясь на такое сочетание дисциплинированности и творческой инициативы, конкуренции и взаимопомощи, при котором редакционный коллектив способен к оптимальному функционированию;**

➤ **заботиться о поддержании в редакционном коллективе достойного нравственного климата, утверждая своим поведением честность и добропорядочность отношений, готовность к взаимопониманию, взаимовыручке, содействию друг другу в развитии творческих способностей, повышении знаний и мастерства;**

➤ **уважать авторские права коллег и отстаивать свои авторские права, не допуская произвольного, несогласованного вторжения в материал (особенно если оно искажает его содержание); быть непримиримым к плагиату;**

➤ **уважать право коллеги на мотивированный отказ от задания, если оно противоречит его профессиональной позиции или убеждениям.**

Отступления от этих норм в повседневной жизни журналистов случаются чаще, чем хотелось бы. Потому, собственно, и немного у нас редакционных коллективов, нравственному климату которых можно позавидовать. Но противоречия между минусами практики и тем, как должно быть, имеют тенденцию разрешаться, – этим журналистика и движется, и развивается. Библейские заповеди, между прочим, тоже периодически кем-то нарушаются. Но они живут в веках, являясь точкой отсчета в определении добра и зла для огромного множества людей, и оберегают их от ошибок. Профессионально-нравственные стандарты поведения, воспринятые в дни профессионального становления, тоже превращаются в точки отсчета при испытаниях, которые готовит журналисту жизнь.

Зачем регламентировать «игры с властью»?

С этим вопросом я как-то обратилась к своим коллегам.

– Отношения «журналист – власть»?.. – переспросил меня один из них. – Считаю, тут нет предмета для этики. Это чисто институциональные связи...

Соображения такого рода я уже слышала. Профессиональная этика журналиста, действительно, не рассматривала отношения журналистики с властью как «свою» проблему, хотя с других точек зрения эти отношения изучаются наукой давно и

обстоятельно. Журналистской общественностью они обсуждаются тоже давно и тоже без учета этического аспекта.

Между тем взаимодействие власти и журналистики – очень ответственный сегмент общественных отношений, и регулироваться оно должно не только законодательством, но и моралью, причем с обеих сторон – и со стороны власти, и со стороны журналистики. При этом речь идет не о подчинении прессы властным структурам, не о ликвидации независимости прессы от власти, а *о необходимости обеспечить оптимальную работу того и другого института в интересах всего общества*. Исследовать нравственную сторону отношений журналистики и власти – одна из важнейших задач современной профессиональной этики, ибо нужда средств массовой информации в научных рекомендациях на этот счет очень велика.

Процесс формирования профессионально-нравственных норм такого плана в журналистской практике, естественно, уже начался, но идет он медленно и трудно, поскольку существующие между прессой и властью противоречия имеют столь устойчивый характер, что нередко оборачиваются настоящей борьбой. И все-таки появляются факты, свидетельствующие о том, что в журналистском сообществе заметно усилилось осознание необходимости морального регулирования этих многогранных, существенных для общества отношений.

Принципиально важные в этом смысле соображения высказал в одном из интервью журналист Алексей Венедиктов (радио «Эхо Москвы»). С одной стороны, он признал, что видит суть прессы в ее оппозиционности власти и потому «Эхо Москвы» чаще всего занимает в отношении власти жесткую позицию. С другой стороны, Венедиктов подчеркнул: «Мы оппонируем всегда, не обижая и не оскорбляя. Просто задаем такие вопросы, чтобы слушатель понял, кто перед ним. Но предельно корректно». И объяснил, почему «Эхо Москвы» внимательно слушают и в посольствах, и во властных структурах: «Мы доносим всю полноту информации до людей, которые принимают решения, независимо от масштаба их деятельности».

За этими признаниями отчетливо просматриваются продуманные профессионально-нравственные ориентиры.

Неоднократно формулировала такие ориентиры Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации, выражая надежду, что

рекомендации, которые аккумулируют мнения участников слушаний, помогут в решении некоторых конкретных вопросов, послужат делу продвижения России к столь необходимым цивилизованным отношениям прессы и власти в современных условиях.

В кодексах профессиональной этики зарубежных средств массовой информации тоже встречаются отдельные положения, фиксирующие наметившиеся в данной области профессионально-нравственные стандарты. Соотнеся сегодняшние поиски журналистской практики и некоторый исторический опыт, отразившийся в кодексах, можно выстроить эту группу представлений профессионально-нравственного сознания журналистской общности в такой ряд норм:

- **проявлять уважение к власти как важному социальному институту, предназначенному для управления общественной жизнью;**
- **оказывать информационную поддержку властным структурам в выполнении их функций, осуществляя прямую и обратную связь между органами управления и народом;**
- **отстаивать право журналистики на независимость от власти, рассматривая его в качестве важнейшего условия для ответственного контроля общества за деятельностью властных структур, в том числе за поведением государственных органов всех уровней;**

- **отстаивать право общественности на доступ к информации о деятельности властных структур, способствуя их открытости и доступности для конструктивной общественной критики;**
- **разоблачать злоупотребления и проступки лиц, работающих во властных структурах общественного и частного сектора, добиваясь совершенствования системы общественного управления;**
- **опровергать фактами заявления представителей властных структур и утверждения политиков, не соответствующие действительности, не допуская, чтобы они вводили общество в заблуждение;**
- **заботиться о точности и доказательности критики властных структур в публикациях, не отождествляя власть как социальный институт и ее конкретных представителей, проявляя необходимую корректность.**

Для того чтобы данные нормы стали «работать», необходимо и ответное движение со стороны властных структур. Интонация непримиримости, с которой иногда выступают по отношению к ним средства массовой информации, во многом объясняется неуважительным, подчас дискриминационным отношением власти к прессе, непониманием ее функций в обществе и особенностей журналистской деятельности. Об этом с определенностью говорит отсутствие внимания к выступлениям журналистов, сколь бы доказательными такие выступления ни были:

Сейчас, что бы ни писала печать, какие бы острые материалы ни появлялись на ее страницах, – власть не реагирует (если только сие не касается каких-то личностей) И это – позиция, но позиция противоестественная, ибо трудно найти какую-либо развитую страну, где такое было бы возможно.

До тех пор, пока сохраняется такое положение, общественное мнение профессиональной журналистской среды едва ли станет строго судить нарушения сформулированных здесь норм.

А вообще «неработающие нормы» – серьезная проблема для профессиональной этики как науки. Чаще всего они бывают результатом «сплетенья причин», в которых проявляют себя болезни общества.

ВЫВОДЫ

Итак, мы рассмотрели профессионально-этические представления, направляющие поведение журналистов. Что же следует из этого рассмотрения?

1. На основании анализа профессионально-этических документов мирового сообщества журналистов можно сделать вывод, что профессионально-нравственные представления, направляющие поведение журналистов в ходе их профессиональной деятельности, неоднородны. Такие представления поддаются систематизации, образуя три четко выраженные группы, которые могут быть обозначены традиционными для профессиональной этики понятиями «категории», «принципы» и «нормы».

2. Первая группа представлений, обозначаемая понятием «категории», выступает в качестве доминанты профессионально-нравственного сознания журналиста. Она определяет основу его профессиональной позиции как проявления в самосознании человека достигнутого им уровня идентичности с профессиональной общностью, задающего ему базовые психологические установки на данный род деятельности.

Ключевой среди этих категорий является категория **профессионального долга** – *выработанное содружеством журналистов представление об обязательствах перед обществом, которые содружество добровольно берет на себя, сообразуясь с местом и ролью своей профессии в общественной жизни.* Объективную сторону профессионального долга определяют реально существующие обязанности, выпадающие на долю журналистов в обществе. Субъективная же сторона его связана с уровнем осознания этих обязанностей содружеством, с

существующей внутрипрофессиональной специализацией и, наконец, с личностными особенностями журналистов. Она проявляется в виде самоопределения долга у отдельных журналистских коллективов и отдельных личностей. Именно это самоопределение долга рождает убеждение в необходимости определенным образом лично участвовать в выполнении принятых общностью обязательств, и как следствие – внутреннее побуждение к деятельности в виде устойчивых профессиональных установок.

Объективную основу содержания категории **«профессиональная ответственность»** составляет реально существующая зависимость между результатом профессиональной деятельности журналиста и теми последствиями, которые он может иметь для общества, для конкретных людей. Субъективная же сторона складывается в процессе осознания членами профессиональной общности своей причастности к последствиям результата деятельности. На уровне личности эта сторона проявляется двояко: в виде готовности к риску, стимулирующей стихийно-интуитивное определение его предельно допустимой степени, и в виде готовности «платить за риск», если степень его окажется превышена. Личность, персонально выступая носителем профессиональной ответственности, оказывается, таким образом, гарантом качественного выполнения профессионального долга и минимизации отрицательных последствий своей деятельности. Однако ошибочно думать, будто проявления профессиональной ответственности журналиста зависят только от его «морального согласия» быть ответственным. Нужен еще высокий уровень гражданской зрелости и профессионализма, чтобы человек мог «просчитать», чем жизнь способна ответить на его слово.

Профессиональная совесть журналиста тоже ориентирует его на качественное исполнение профессионального долга. Эта категория отражает представления профессионального сознания, интегрирующие в себе накопленное профессиональным сообществом знание о тех эмоциональных состояниях человека, которые рождаются из реакций организма на восприятие его действий внешним миром и сопровождают процесс деятельности в качестве его внутренней среды. Интериоризованные личностью, такие представления оказываются фактором, способным играть побудительную роль, причем двоякую: стимулировать ответственное профессиональное поведение и предупреждать безответственное.

Категории **«профессиональное достоинство»** и **«профессиональная честь»** примечательны тем, что отражают ценностно *ориентированные* представления. Своей объективной стороной профессиональное достоинство восходит к такому обстоятельству, как реальная роль профессии в общественной жизни. Отражение ее в профессиональном сознании журналистской общности образует более или менее устойчивое представление о значимости профессии для общества, о признании им этой значимости и тем самым обретает характер **профессиональной ценности**, которую надо беречь, как всякую ценность. На уровне индивидуального сознания представление о социальной значимости профессии дополняется представлением о собственной значимости для журналистского сообщества – **самооценкой**, а проявляет себя в виде установки на поступки, каждый из которых должен соответствовать социальной значимости профессии и общественному представлению об этой значимости. Такая установка может сформироваться у личности только при условии, что значимость профессии осознана трудовой группой и стала для нее ценностью.

Объективные корни категории **«профессиональная честь»** кроются в реально существующей зависимости между нравственным уровнем профессии и отношением к ней со стороны общества. Представления о степени соответствия профессиональных стандартов журналистского сообщества общему нравственному закону, о необходимости ориентироваться на эту степень соответствия, стремясь к выполнению профессионального долга без каких-либо «моральных прегрешений», закрепляются в профессиональном сознании в виде ценности и становятся существенным мотивом ответственного профессионального поведения. Забота о формировании профессиональной чести, о поддержании ее должна быть общим делом журналистского сообщества.

3. Представления второй группы объединяются понятием **«профессионально-нравственные принципы»**.

Принципы основываются на объективных законах взаимодействия профессиональной журналистской общности и каждого ее члена с обществом в целом. Они содержат в себе базисные (основные, универсальные) правила использования этих законов в моральном поведении журналиста, опосредующим выполнение его профессиональных задач.

С большей или меньшей точностью отраженные в науке, эти законы образуют один ряд критериев, по которым правомерно определять принципы. Другой ряд критериев представляют собой условия, диктующие журналисту такое профессионально-нравственное поведение, при котором эти законы во всех случаях профессиональной деятельности могут реализоваться наилучшим образом. Отсюда – универсальность принципов. В сущности, в них воплощаются сформированные журналистским содружеством стандарты поведения, при интериоризации которых у журналиста возникают устойчивые внутренние запреты на отклонение от закономерных профессиональных шагов в любом случае журналистской деятельности.

В силу этого принципы оказываются средством защиты журналистики, общества, каждого индивида, потребляющего журналистский продукт, от целого ряда опасностей, возникающих из-за особенностей социальных и психологических обстоятельств, в которых функционируют средства массовой информации.

Из принципов, фигурирующих в профессионально-этических документах, необходимым критериям отвечают четыре. Они вполне могут претендовать на роль методологической базы профессионально-нравственного поведения журналиста, опосредующей воплощение его профессиональной позиции в конкретные профессиональные шаги во всех случаях журналистской практики.

4. Третью группу профессионально-нравственных представлений журналистской общности составляют **нормы**. Их назначение – подсказывать журналисту такие варианты поведения, которые позволяют ему с наибольшей вероятностью достигать оптимальных отношений во время деятельности в конкретных условиях и тем самым помогают добиваться хорошего результата.

В то же время нормы – это ориентиры для самоцензуры: они ограничивают пространство творческой свободы журналиста, но ограничивают его собственной волей, причем настолько, насколько того требуют внутренние законы журналистики, осознанные как воля профессиональной журналистской общности. Можно сказать, что профессионально-нравственные нормы являются правилами поведения журналиста с людьми, на контактах с которыми строится его профессиональная деятельность.

5. Профессионально-нравственные нормы, направляющие поведение журналиста, образуют шесть групп – соответственно тем профессионально-нравственным отношениям, которые неизбежно складываются у журналиста в его профессиональной жизни: «журналист – аудитория», «журналист – источники информации», «журналист – герои публикаций», «журналист – авторы», «журналист – коллеги», «журналист – власть».

В каждой из этих групп есть нормы, ставшие для работников СМИ привычными стандартами поведения, в том числе и в нашей стране. Но в каждой из групп есть и такие нормы, которые практически не «работают». На вопрос «почему?» убедительного ответа пока нет. Поиски его – очередная задача профессиональной этики.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. Парадоксы развития, поиски, перспективы. М., 1991.
2. Багерстам Э. Свобода печати в демократическом обществе: настольная книга по этике прессы. Тарту, 1992.
3. Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики: В 2 т. М., 1998.
4. Гуссейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998.
5. Дзялошинский И.М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. Некоторые особенности личности и профессиональной деятельности. М., 1996.
6. Дэннис Э., Мэррилл Д. Беседы о масс-медиа. М., 1997.
7. Журналист: российско-американские социологические исследования. М., 1998.
8. Ламбет Э.Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М., 1998.
9. Муратов С.А. Нравственные принципы тележурналистики. (Опыт этического кодекса). М., 1994.
10. Право и этика в работе журналиста. Екатеринбург, 1996.
11. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М., 1998.
12. Свитич Л.Г. Профессия: журналист. М., 1996.
13. Словарь по этике. М. (последнее издание).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РАЗДУМЬЕ. ЧТО ДЕЛАТЬ?

И опять перед нами извечный русский вопрос...

Существует серьезная общественная необходимость в том, чтобы журналистика жила и работала по своим внутренним законам. По правилам чести.

Есть и знания об этих законах. Накопилось много представлений о правилах чести. Не хватает только одного: чтобы идея чести «овладела массами» российских журналистов.

Увы, она наталкивается на стену сопротивления. Правда не очень ярко выраженного, не очень активного, но именно сопротивления, поскольку нет пока в нашей стране в пользу «правил чести» того аргумента, который существует у большинства цивилизованных народов мира: *по чести и почет*.

Исторический опыт показывает: эффективны те корпоративные кодексы чести, которые способствуют улучшению состояния человека – его благосостояния и состояния души. В таких обстоятельствах пренебречь профессионально-нравственными стандартами – значит, многое потерять и в моральном, и в материальном плане. Признак цивилизованных отношений – их гармоничность. Это распространяется и на область профессионально-нравственных отношений.

Что нам делать для того, чтобы в журналистской корпорации сложился достойный нравственный климат?

Ответ есть: строить в стране цивилизованную жизнь. Участвовать в этом по мере сил и возможностей. Пусть ваш Внутренний Голос не даст вам заблудиться в дебрях социальных неурядиц.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ЖУРНАЛИСТОВ

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛИСТОВ

Принята на Втором Всемирном Конгрессе Международной Федерации журналистов в Бордо 25–28 апреля 1954 года; изменения внесены на XVIII Всемирном Конгрессе МФЖ в Хельсинки 2–6 июня 1986 года.

Международная декларация провозглашается в качестве стандарта профессионального поведения журналистов в области приобретения, передачи, распространения и комментирования информации и описания событий.

1. Уважение правды и права общества знать правду – первоочередной долг журналиста.
2. Осуществляя профессиональную деятельность, журналист обязан отстаивать принцип свободы при честном сборе и публикации информации и права на честный комментарий и критику.
3. Журналист обязан оперировать только той информацией, источник которой ему известен. Журналист не должен пренебрегать важной информацией или фальсифицировать документы.
4. Получая информацию, фотографии и документы, журналист должен использовать только честные методы.
5. Журналист должен сделать все возможное для исправления или опровержения информации, которая может нанести серьезный ущерб.
6. Журналист обязан соблюдать профессиональную тайну и не разглашать источник информации.
7. Журналист должен отдавать себе отчет в той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространенный через СМИ, и должен сделать все возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения.
8. Журналист должен считать серьезными профессиональными нарушениями:
 - плагиат;
 - умышленное искажение фактов;
 - клевету, оскорбление, необоснованное обвинение;
 - получение взятки в любой форме за публикацию (не публикацию) того или иного материала.
9. Журналист, достойный этого высокого звания, считает своим долгом добросовестно выполнять вышеизложенные принципы. Действуя в рамках законодательства своей страны, журналист при решении профессиональных вопросов признает только юрисдикцию коллег, в том числе и в случае вмешательства в такого рода вопросы правительства или других ответственных лиц.

Приложение 2

ОБЩЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ КОДЕКС ЭТИЧЕСКИХ НОРМ (1996)

Преамбула

Члены Общества профессиональных журналистов считают просвещение граждан предпосылкой справедливости и основой демократии. Долг журналиста – содействовать реализации этих целей поиском истины и обеспечением объективного и всестороннего освещения событий и проблем. Добросовестный журналист, независимо от специализации и названия представляемого им СМИ, – тот, кто честно служит общественным интересам. Профессиональная честность – краеугольный камень, лежащий в основе доверия к журналисту. Члены Общества признают этические нормы настоящего Кодекса и провозглашают принципы Общества и практические стандарты своей деятельности.

Ищите истину и несите ее людям

Журналист должен быть честным, беспристрастным и смелым при сборе, изложении и комментировании информации.

Журналист обязан:

- Проверять достоверность информации, поступающей из любого источника, и избегать непреднамеренных ошибок. Преднамеренное искажение фактов недопустимо ни при каких условиях.
- Делать все возможное для того, чтобы встретиться с «героями» своих публикаций и предоставить им возможность ответа на обвинение в правонарушении или проступке.
- Указывать, по мере возможности, источники поступающей информации. Общество имеет право на максимум информации о надежности источника.
- Прежде чем обещать источнику анонимность, выяснить его мотивы. Полностью прояснить условия выполнения обещаний, данных в обмен на информацию. Обещания надо выполнять.
- Обеспечить, чтобы заголовки, информация, имеющая броский характер и способная породить соответствующую реакцию, фото-, видео- и аудиоматериалы, графика, звуковые фрагменты и цитаты были достоверными. Они не должны приводить к упрощенному восприятию материала или его освещению вне контекста.
- Не искажать ни при каких обстоятельствах содержание фото- и видеоматериалов. Усиление образа возможно в качестве технического приема, обеспечивающего его более полное раскрытие. Смонтированные материалы и фотоиллюстрации должны быть помечены.
- Избегать показа произошедших ранее событий, способных ввести в заблуждение. Если такой показ необходим, непременно уведомить об этом зрителя.
- Избегать скрытых и прочих тайных методов сбора информации. Исключение могут составлять те случаи, когда традиционные открытые методы не позволяют собрать жизненно важную для общества информацию. Необходимость использования таких методов должна быть объяснена в самом сюжете.
- Никогда не заниматься плагиатом.
- Смело говорить обо всех положительных и отрицательных сторонах природы человеческой, даже когда это многим не нравится.
- Дорожить собственными культурными ценностями, не навязывая их другим.
- Избегать стереотипов в отношении к людям на основе их расы, пола, возраста, вероисповедания, национальности, сексуальной ориентации, физических недостатков и социальной принадлежности.
- Оказывать поддержку развитию обмена мнениями, даже когда те или иные из них, по мнению журналиста, неприемлемы.

- Давать высказаться тем, кто обычно не имеет возможности это сделать. Помнить, что официальные и неофициальные источники информации могут быть в равной степени достоверными и надежными.
- Проводить четкую грань между защитой интересов и новостийными репортажами. Анализ и комментарии должны быть четко обозначены и не должны искажать факты или контекст.
- Отделять новости от рекламы и избегать гибридов, в которых стирается разница между тем и другим.

Считать особым долгом обеспечение открытости при обсуждении социально значимых вопросов и доступа к официальной документации.

Сводите ущерб к минимуму

Журналисты, выполняющие требования профессиональной этики, относятся к источникам информации, героям публикаций и коллегам как к людям, достойным уважения.

Журналист обязан:

- Проявлять внимание к тем, кому может быть нанесен ущерб в результате репортажа. Проявлять особую чуткость в отношении детей и иных беззащитных источников информации.
- Быть особенно чутким при сборе информации или публикации интервью и фотографий к тем, кого непосредственно затронули трагедия или горе.
- Отдавать себе отчет в том, что сбор и публикация информации могут нанести вред и причинить боль; поиск новостей – не основание для вседозволенности.
- Признавать, что простые граждане имеют больше прав на защиту частной жизни, чем должностные лица, стремящиеся к власти, влиянию или общественному вниманию. Только крайняя общественная необходимость может стать оправданием для вмешательства в частную жизнь другого лица.
- Показывать пример хорошего вкуса. Не разжигать нездоровый интерес к сенсациям.
- Быть осторожным, раскрывая имена несовершеннолетних, подозреваемых в совершении сексуальных преступлений, или их жертв.
- Тщательно подумать, прежде чем решиться назвать имена подозреваемых в совершении преступления до того, как им предъявлено официальное обвинение.
- Пытаться сохранить баланс между правом обвиняемого на беспристрастный суд и правом граждан знать правду.

Действуйте независимо

Журналист не должен иметь никаких обязательств перед частным интересом, а только перед правом общества быть информированным.

Журналист обязан:

- Избегать ситуаций конфликта интересов как реальных, так и способных произвести такое впечатление.
- Не вступать в организации и не заниматься деятельностью, которая может скомпрометировать профессиональную честность и нанести ущерб доверию.

- Отказываться от подарков, услуг, вознаграждений, бесплатных поездок, особого отношения, работы по совместительству, государственных должностей, работы в органах местного самоуправления, если это может нанести ущерб профессиональной репутации.
- Открыто говорить о неизбежных конфликтах, угрожающих обществу.
- Быть смелым и бдительным в вопросах привлечения к ответственности лиц, наделенных властью.
- Отказываться в особом отношении рекламодателям и представителям отдельных групп, преследующих собственный интерес; сопротивляться давлению, оказываемому такими лицами на освещение событий.
- Быть особенно бдительным при общении с источником, предлагающим информацию взамен за услуги или деньги, не вступать в торги из-за информации

Будьте подотчетны

Журналисты подотчетны читателю, слушателю, зрителю и друг другу.

Журналист обязан:

- Разъяснять и комментировать информацию, инициировать диалог с общественностью о профессиональной этике журналиста.
- Поощрять критические высказывания общественности в адрес средств массовой информации.
- Признавать ошибки и быть готовым их исправить.
- Разоблачать неэтичную практику со стороны журналистов и СМИ.
- Действовать в рамках тех же высоких стандартов, к которым призывает других.

Приложение 3

СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА

1. Журналист всегда обязан действовать, исходя из принципов профессиональной этики, зафиксированных в настоящем Кодексе, принятие, одобрение и соблюдение которого является непременным условием для его членства в Союзе журналистов России.

2. Журналист соблюдает законы своей страны, но в том, что касается выполнения профессионального долга, он признает юрисдикцию только своих коллег, отвергая любые попытки давления и вмешательства со стороны правительства или кого бы то ни было.

3. Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений.

Журналист обязан четко проводить в своих сообщениях различие между фактами, о которых рассказывает, и тем, что составляет мнения, версии или предположения, в то же время в своей профессиональной деятельности он не обязан быть нейтральным.

При выполнении своих профессиональных обязанностей журналист не прибегает к незаконным и недостойным способам получения информации. Журналист признает и уважает право физических и юридических лиц не предоставлять информацию и не

отвечать на задаваемые им вопросы – за исключением случаев, когда обязанность предоставлять информацию, оговорена законом.

Журналист рассматривает как тяжкие профессиональные преступления злонамеренное искажение фактов, клевету, получение при любых обстоятельствах платы за распространение ложной или сокрытие истинной информации; журналист вообще не должен принимать, ни прямо, ни косвенно, никаких вознаграждений или гонораров от третьих лиц за публикации материалов и мнений любого характера.

Убедившись в том, что он опубликовал ложный или искаженный материал, журналист обязан исправить свою ошибку, используя те же полиграфические и (или) аудиовизуальные средства, которые были применены при публикации материала. При необходимости он должен принести извинения через свой орган печати.

Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространенных за его подписью, под его псевдонимом или анонимно, но с его ведома и согласия. Никто не вправе запретить ему снять свою подпись под сообщением или суждением, которое было хотя бы частично искажено против его воли.

4. Журналист сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не может принудить его к раскрытию этого источника. Право на анонимность может быть нарушено лишь в исключительных случаях, когда имеется подозрение, что источник сознательно исказил истину, а также когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяжкого и неминуемого ущерба для людей.

Журналист обязан уважать просьбу интервьюируемых им лиц не разглашать официально их высказывания.

5. Журналист полностью осознает опасность ограничения, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения.

Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Он воздерживается от публикации таких сведений, за исключением случаев, когда эти обстоятельства напрямую связаны с содержанием публикуемого сообщения. Журналист обязан безусловно избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей.

Журналист придерживается принципа, что любой человек является невиновным до тех пор, пока судом не будет доказано обратное. В своих сообщениях он воздерживается называть по именам родственников и друзей тех людей, которые были обвинены или осуждены за совершенные ими преступления – за исключением тех случаев, когда это необходимо для объективного изложения вопроса. Он также воздерживается называть по имени жертву преступления и публиковать материалы, ведущие к установлению личности этой жертвы. С особой строгостью данные нормы исполняются, когда журналистское сообщение может затронуть интересы несовершеннолетних.

Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека. Такие ограничения вмешательства неукоснительно выполняются, если речь идет о людях, помещенных в медицинские и подобные учреждения.

6. Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в органах государственного управления, законодательной или

судебной власти, а также в руководящих органах политических партий и других организаций политической направленности.

Журналист осознает, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие.

7. Журналист считает недостойным использовать свою репутацию, свой авторитет, а также свои профессиональные права и возможности для распространения информации рекламного или коммерческого характера, особенно если о таком характере не свидетельствует явно и однозначно сама форма такого сообщения. Само сочетание журналистской и рекламной деятельности считается этически недопустимым.

Журналист не должен использовать в личных интересах или интересах близких ему людей конфиденциальную информацию, которой может обладать в силу своей профессии.

8. Журналист уважает и отстаивает профессиональные права своих коллег, соблюдает законы честной конкуренции. Журналист избегает ситуаций, когда он мог бы нанести ущерб личным или профессиональным интересам своего коллеги, соглашаясь выполнять его обязанности на условиях заведомо менее благоприятных в социальном, материальном или моральном плане.

Журналист уважает и заставляет уважать авторские права, вытекающие из любой творческой деятельности. Плагиат недопустим. Используя каким-либо образом работу своего коллеги, журналист ссылается на имя автора.

9. Журналист отказывается от задания, если выполнение его связано с нарушением одного из упомянутых выше принципов.

10. Журналист пользуется и отстаивает свое право пользоваться всеми предусмотренными гражданским уголовным законодательством гарантиями защиты в судебном и ином порядке от насилия или угрозы насилием, оскорблений, морального ущерба, диффамации.

*Кодекс принят Конгрессом журналистов России
3 июня 1994 г., Москва*

Приложение 4

МОСКОВСКАЯ ХАРТИЯ ЖУРНАЛИСТОВ ДЕКЛАРАЦИЯ

Подтверждая общность в понимании нашего гражданского и профессионального долга, мы скрепляем своими подписями настоящую Хартию и тем принимаем на себя взаимные обязательства способствовать укоренению, распространению и защите в России нижеследующих принципов, уважение которых мы полагаем неременной и неоспоримой основой развития честной, свободной, профессиональной журналистики:

1. Журналист распространяет, комментирует и критикует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому-либо ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой истинной информации или распространением заведомо ложных сведений.

2. Журналист сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не вправе принудить его к раскрытию этого источника.

3. Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространенного за его подписью, под его псевдонимом либо анонимно, но с его ведома и согласия. Никто не вправе запретить ему снять свою подпись под сообщением или суждением, которое было хотя бы частично искажено помимо его воли.

4. Журналист полностью осознает опасность ограничений, преследований и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального или национального происхождения.

5. Журналист сознает, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие.

6. Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должности в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также политических партий и других организаций политической направленности.

7. Журналист рассматривает как тяжкие профессиональные преступления злонамеренное искажение фактов, клевету, получение при любых обстоятельствах платы за распространение ложной или сокрытие истинной информации, а также плагиат используя каким-либо образом работу своего коллеги, он ссылается на имя автора.

8. Журналист считает недостойным использовать свою репутацию, свой авторитет, а также свои профессиональные права и возможности для распространения информации рекламного или иного коммерческого характера, если о таком характере не свидетельствует явно и однозначно сама форма этого сообщения. Журналист не принимает платы за свой труд от источников информации, лиц и организаций, заинтересованных в обнаружении либо сокрытии его сообщения.

9. Журналист уважает и отстаивает профессиональные права своих коллег, соблюдает законы честной конкуренции, добивается максимальной информационной открытости государственных структур. Журналист избегает ситуаций, когда он мог бы нанести ущерб личным профессиональным интересам своего коллеги, соглашаясь выполнять его обязанности на условиях заведомо менее благоприятных в социальном, материальном или моральном плане.

10. Журналист отказывается от задания, если выполнение его связано с нарушением одного из упомянутых выше принципов.

11. Журналист пользуется и отстаивает свое право пользоваться всеми предусмотренными гражданским и уголовным законодательством гарантиями защиты в судебном и ином порядке от насилия или угрозы насилием, оскорблений, морального ущерба, диффамации.

Совершено в Москве, 4 февраля 1994 года

Подписи: *Алек Батчан, Михаил Бергер, Лев Бруни, Сергей Бунтман, Ольга Бычкова, Алексей Венедиктов, Анатолий Вербин, Дмитрий Волков, Наталья Геворкян, Александр Гольц, Владимир Гуревич, Аркадий Дубнов, Равиль Зарипов, Алексей Зуйченко, Ирина Иновели, Сергей Корзун, Владимир Корсунский, Вера Кузнецова, Вероника Куцылло, Анна Мельникова, Сергей Мостовицкий, Леонид Парфенов, Сергей Пархоменко, Маша Слоним, Михаил Соколов, Лев Тимофеев, Юлия Хайтина.*

Приложение 5

ХАРТИЯ ТЕЛЕРАДИОВЕЩАТЕЛЕЙ

Мы, российские телерадиовещатели,

понимая особую миссию телевидения и радио в обеспечении права каждого гражданина на свободу выражения мысли и права общества на полноту информации, **осознавая** свою ответственность за приоритетное распространение в эфире отечественной телерадиопродукции, за сохранение и развитие национальных культурных ценностей;

соглашаясь, что результат исполнения профессионального долга зависит не только от совершенства законодательной базы, регулирующей отношения телерадиовещателей, властных структур и общества, но и от норм журналистской этики, диктующих правила самоограничения и устанавливающих грань дозволенного в публичном распространении материалов, способных нанести вред нравственному, физическому и психическому здоровью людей,

обязуемся добровольно и неукоснительно следовать следующим правилам и нормам поведения в своей профессиональной деятельности:

ДОСТОВЕРНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ

Проведение четких различий между сообщениями о фактах, комментариями и предложениями во избежание их отождествления.

Незамедлительное исправление допущенных в сообщениях ошибок и неточностей в такой форме, чтобы телезрители и радиослушатели имели полную возможность его заметить.

Во всех случаях критика и ответ на критику должны быть переданы во взаимосочетании и в одинаковой форме.

Публиковать информацию, полученную только из надежных источников. В случае возникновения сомнений в ее достоверности – делать необходимые оговорки.

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ, ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И НРАВСТВЕННОСТИ

Уважение и соблюдение неприкосновенности частной жизни. Сбор, хранение и использование информации о частной жизни лица, включая аудиозапись, фото- и видеосъемку на частной территории, без его согласия не допускаются.

Под частной жизнью для целей настоящей Хартии понимается:

личная и семейная тайна, в том числе брачные и интимные отношения, сексуальная ориентация, религиозные мировоззрения, дружеские отношения, способы времяпрепровождения, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, компьютерных и иных сообщений.

Под частной территорией для целей настоящей Хартии понимается: любое жилое помещение, домостроение, включая приусадебную территорию; номера в гостиницах, пансионатах, санаториях и т.п.; больничные палаты.

Отказ от распространения полученных от третьих лиц материалов с использованием скрытой видео-, аудиозаписи, фотосъемки, прослушивания телефонных переговоров, если предоставившее такие материалы лицо не обеспечит доказательства законности получения подобной информации, в частности, специальное судебное решение.

Исключения из установленных выше правил о неприкосновенности частной жизни могут быть обоснованы только необходимостью защиты общественных интересов или прав и свобод других лиц.

Под общественными интересами в целях настоящей Хартии понимается: необходимость защиты основ конституционного строя; предотвращение угрозы безопасности государства;

обнаружение преступления; защита общественного здоровья и безопасности населения; предупреждение общества от введения в заблуждение какими-либо действиями, документами или сообщениями лица или организации.

Лица, участвующие в публичной политике или занимающие высокие посты, имеют равные права на защиту своей частной жизни, кроме тех случаев, когда их частная жизнь затрагивает общественные интересы или когда факты их личной жизни позволяют обществу судить о способности данных лиц выполнять свои гражданские обязанности.

Соблюдение объективности и особой тщательности при распространении сведений о возбужденных, расследуемых и разрешаемых судом уголовных делах.

Стремление к качественно равному изложению позиций обвинения и защиты всех участвующих в деле лиц.

Неразглашение сведений о служебном положении, национальности, религиозной принадлежности и родственных отношениях подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, если такая информация не имеет прямого отношения к делу.

Отказ от необоснованной идентификации родственников, друзей или сослуживцев лиц, виновных или обвиняемых в преступлениях.

Отказ от идентификации лиц, вовлеченных в преступления сексуального характера в качестве жертв или свидетелей.

Отказ от сообщений о покушениях на самоубийство, если такие сообщения не продиктованы необходимостью защиты общественных интересов.

Максимально тактичное отношение к пострадавшим от преступлений и несчастных случаев, а также к их родным и близким.

Отказ от интервьюирования несовершеннолетних по вопросам служебного положения и материального обеспечения их родителей и родственников.

Отказ от демонстрации либо описания в телерадиопрограммах чрезмерной жестокости и насилия.

Под демонстрацией либо описанием чрезмерной жестокости и насилия в целях настоящей Хартии понимается излишне натуралистичный, неоправданно подробный и шокирующий показ документальных сцен умерщвления людей и животных, издевательств над людьми и животными с использованием физического насилия, а также сцен последствий преступлений, катастроф и стихийных бедствий с детальным изображением ранений, трупов, значительных увечий, следов пыток или побоев.

Отказ от излишне сенсационной подачи материалов об открытиях и достижениях в области медицины, могущих вызвать у телезрителей и радиослушателей неоправданные опасения и надежды.

ЯЗЫК

Стремление к чистоте, правильности и образности русского языка в телерадиоэфире, отказ от неоправданного, примитивно-подражательного заимствования иностранных слов, употребления ненормативной лексики, сленговых и жаргонных выражений.

ДЕЙСТВИЯ, НЕСОВМЕСТИМЫЕ С НОРМАМИ ЦИВИЛИЗОВАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Обнародование информации не должно ставиться в зависимость от политических интересов третьих лиц.

Недопустима организация информационных кампаний по целенаправленной дискредитации граждан и организаций в конъюнктурных целях.

Недопустимо получение информации обманным путем, а также путем запугивания или подкупа.

Недопустимо злоупотребление доверием собеседника, а также его особо эмоциональным состоянием, не позволяющим адекватно оценивать последствия высказываний.

Недопустимо преднамеренное распространение информации в форме, провоцирующей панику, массовые волнения и беспорядки, сбои в функционировании транспортных средств и иных систем жизнеобеспечения.

Устанавливая вышеприведенные правила и ограничения, подписавшие Хартию телерадиовещательные организации обязуются следовать им неуклонно и в полном объеме. В целях реализации положений настоящей Хартии подписавшие ее телерадиовещательные организации договариваются о создании Общественного вещательного Совета. Положение об Общественном вещательном Совете, его регламент и персональный состав утверждаются специальным договором.

Настоящая Хартия открыта для присоединения к ней всех вещательных организаций Российской Федерации, согласных с ее положениями.

Подписи: Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК)
 ОАО «Общественное Российское телевидение» (ОРТ)
 ОАО «Телекомпания НТВ»
 Московская независимая вещательная корпорация («ТВ-6 Москва») ОАО «ТВ-центр», телеканал «Rep TV», телекомпания «31 канал», «ГНТ-телесеть»
 ЗАО «Сеть телевизионных станций» (СТС)
 Национальная ассоциация телерадиовещателей (НАТ)
 Российская ассоциация региональных телекомпаний (РАРТ)

Приложение 6

Элементы системы самоконтроля в СЖР

ПОЛОЖЕНИЕ О ПРИНЦИПАХ И СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЖУРНАЛИСТАМИ ПОЛОЖЕНИЙ КОДЕКСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА

Общие положения

1. Органами общественного контроля за соблюдением журналистами положений (требований) Кодекса профессиональной этики российского журналиста являются:

- Совет по профессиональной этике Союза журналистов России;
- Советы по профессиональной этике республиканских в составе РФ, краевых, областных журналистских союзов, Союзов журналистов городов Москвы и Санкт-Петербурга.

2. Право официального толкования принципов и норм профессиональной этики журналиста, закрепленных в Кодексе профессиональной этики российского журналиста, а равно кодификации прецедентов и окончательной квалификации казусов принадлежит Совету по профессиональной этике Союза журналистов России.

Кодификация нарушений норм профессиональной этики

Статья 1

Нарушения профессиональной этики, ущемляющие право граждан на получение информации, могут быть квалифицированы следующим образом:

1. Если журналист умышленно, вне зависимости от цели, которую он этим преследовал, обнаруживает неверную информацию;
2. Если журналист обнаруживает неверную информацию в результате пренебрежения обязанностью тщательной ее проверки;
3. Если журналист, получивший общественно значимую информацию для опубликования, из корыстных или иных побуждений укрывает или замалчивает ее;
4. Если журналист сознательно участвует в организации преднамеренного замалчивания общественно значимого события, явления или факта;
5. Если журналист под видом достоверной обнаруживает информацию, основанную на неподтвержденных сообщениях, слухах, предположениях, а также полученную из неизвестного источника.

Статья 2

Как нарушения профессиональной этики, ущемляющие право граждан на свободу выражения мнений, могут быть квалифицированы следующие случаи:

1. Если журналист противодействует обнаружению критических или полемических выступлений по поводу опубликованного ранее материала;
2. Если журналист без достаточных оснований отказывается в обнаружении опровержения или ответа;
3. Если журналист путем изменения и сокращения письма читателя, зрителя или слушателя искажает смысл присланного текста без согласия автора;
4. Если журналист вводит общественность в заблуждение путем фабрикация фиктивных писем читателей, зрителей или слушателей либо выдает собственный материал за точку зрения и результат творчества другого реального лица (заавторство);
5. Если журналист вопреки просьбе автора материала или интервьюируемого не показывает ему подготовленный к распространению окончательный текст, либо делает в тексте существенные изменения без его согласия, либо обнаруживает текст вопреки запрещению автора или интервьюируемого.

Статья 3

Как проступки против чести и достоинства личности могут быть квалифицированы следующие случаи:

1. Если журналист обнаруживает информацию, касающуюся сферы частной жизни определенного лица, без его согласия;
2. Если журналист обнаруживает сведения, которые хотя и соответствуют действительности, но, не имея общественного значения, наносят ущерб чести и достоинству личности;
3. Если журналист, стремясь дискредитировать определенное лицо, делает достоянием гласности его физические и психические недостатки, а равно подвергает сомнению его фамилию, имя, отчество и иные подобные сведения;
4. Если журналист представляет в невыгодном свете гражданина и категорию граждан в связи с их полом, возрастом, расовой и национальной принадлежностью, языком, профессией, местом жительства, отношением к религии;
5. Если журналист до вступления судебного приговора в законную силу предпринимает в своем материале вопрос о виновности подсудимого или иным способом нарушает принципы презумпции невиновности и независимости судей;
6. Если журналист обнаруживает изображения или конкретные имена несовершеннолетних – подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, не

задумываясь об их дальнейшем жизненном пути, без согласия на то их самих или их законных представителей;

7. Если журналист отказывает лицу, о котором данное средство массовой информации сообщало как о нарушителе норм права или морали, в обнародовании реабилитирующих его окончательных решений соответствующих органов.

Статья 4

Как нарушения профессиональной чести журналиста могут быть квалифицированы следующие случаи:

1. Если журналист использует свой профессиональный статус для получения каких-либо преимуществ для себя, своих родных и близких от третьих лиц или организаций;

2. Если журналист получает от заинтересованного в публикации того или иного материала лица или организации какое-либо вознаграждение, подарки, преимущества или льготы, которые могут повлиять на его независимость при исполнении профессионального долга;

3. Если журналист для получения информации прибегает к лжи, шантажу, провокации или иным способам, противоречащим нормам нравственности и права;

4. Если журналист в какой-либо форме разглашает информацию, не предназначенную для огласки, вопреки договоренности с лицом, ее доверившим;

5. Если журналист в какой-либо форме разглашает персональные данные лица, передавшего ему доверительную информацию с условием сохранения тайны ее источника;

6. Если журналист, используя чужое произведение, представляет его полностью или частично как свое, не указывает его действительного автора и источник заимствования;

7. Если журналист использует свой профессиональный статус для сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации.

Статья 5

Как нарушения служебной этики и профессиональной солидарности журналистов могут быть квалифицированы следующие случаи:

1. Если журналист, используя свое должностное положение в редакции, путем редактирования искажает содержание материала, подготовленного его коллегой, и без его согласия обнародует в таком виде;

2. Если журналист, используя свое должностное положение в редакции, навязывает коллегам путем произвольной правки их материалов свои личные вкусы и субъективные пристрастия, препятствует развитию их творческих способностей;

3. Если журналист из неверного понимания творческого соперничества или по иным мотивам сознательно затрудняет коллеге выполнение профессиональных обязанностей, а равно публикацию его работ;

4. Если журналист, используя свое должностное положение в редакции, препятствует деятельности журналистской организации или ограничивает ее самостоятельность.

Возложение ответственности

Дела о нарушениях принципов и норм профессиональной этики журналиста рассматриваются органами, определяемыми журналистскими союзами, входящими в Союз журналистов России, по представлению собственных советов по профессиональной этике.

Никакие иные органы или организации не вправе рассматривать дела о нарушениях журналистской этики.

Никакие нормы Кодекса профессиональной этики российского журналиста не могут служить основанием для привлечения журналиста к дисциплинарной, административной или иной ответственности.

К членам журналистских союзов, входящих в состав Союза журналистов России, допустившим нарушение норм журналистской этики, могут быть применены меры воздействия, предусмотренные уставами соответствующих союзов.

Может быть также принято решение о публикации в периодической печати сообщения о проступке и применении к виновному лицу избранных мер воздействия.

Меры воздействия за нарушение норм журналистской этики применяются независимо от мер правовой или иной ответственности.

Приложение 7

Элементы системы самоконтроля в СЖР

ПОЛОЖЕНИЕ О БОЛЬШОМ ЖЮРИ СЖР

Федеративный Совет Союза журналистов России, **руководствуясь** Уставом Союза журналистов России, **считая неприемлемыми** любые формы прямой или косвенной цензуры и **выражая обеспокоенность** участвовавшими попытками ее установления со стороны как государственных органов и должностных лиц, так и собственников средств массовой информации,

напоминая, что достойные профессиональные методы журналистской работы являются наиболее эффективной гарантией от любых ограничений и давления со стороны заинтересованных групп,

исходя из того, что любые попытки установления норм и руководящих принципов профессии должны исходить от самих журналистов и формироваться с учетом мирового и отечественного опыта, совершенствуясь по мере развития цивилизованных, справедливых и честных отношений в сфере массовой информации,

выражая приверженность Декларации принципов поведения журналистов, принятой Конгрессом Международной Федерации журналистов в 1954 г., исправленной и дополненной в 1986 г.,

напоминая о решении VI Съезда Союза журналистов России образовать Большое Жюри,

учреждает Большое Жюри Союза журналистов России и принимает настоящее Положение о нем.

Статья 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Большое Жюри является корпоративным институтом гражданского общества, рассматривающим конфликтные ситуации нравственно-этического характера, возникающие в журналистском сообществе в связи с исполнением журналистами своих профессиональных обязанностей.

1.2. Правом на обращение в Большое Жюри обладают:

1.2.1. Каждый журналист, осуществляющий свою профессиональную деятельность в соответствии с Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации», являющийся членом Союза журналистов России и признающий компетенцию Большого Жюри;

1.2.2. Каждая первичная журналистская организация, входящая в состав Союза журналистов России;

1.2.3. Уставные органы Союза журналистов России и входящих в его состав Союзов журналистов и иных общественных объединений.

1.3. Большое Жюри рассматривает конфликтные ситуации как по заявлению журналистов и их организаций, упомянутых в пункте 1.2. настоящего Положения, так и по инициативе иных, физических и юридических лиц, заинтересованных в нравственно-этической оценке профессиональной деятельности конкретного журналиста, главного редактора, редакции, учредителя, издателя, распространителя или собственника средства массовой информации либо государственного органа, имеющего компетенцию в сфере массовой информации.

1.4. Большое Жюри выносит решения:

опираясь на нормы законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации, на статью 19 Всеобщей декларации прав человека, статьи 19 и 20 Международного пакта о гражданских и политических правах и статью 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на резолюцию 45/76 А Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1990 г., касающуюся информации на службе человечества, Декларацию принципов терпимости, принятую Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1995 г., а также на другие декларации ЮНЕСКО об укреплении независимых и плюралистических средств информации, на документы совещаний Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ), касающиеся деятельности СМИ и журналистов, на Московскую декларацию журналистов в поддержку культуры мира от 14 ноября 1998 г.;

применяя к оценке конкретных ситуаций упомянутую выше Декларацию принципов поведения журналистов в качестве международно признанного стандарта поведения журналистов, занимающихся сбором, обработкой, распространением и комментированием новостей и информации в целях описания событий;

учитывая сложившиеся в его деятельности прецеденты.

1.5. При рассмотрении конфликтных ситуаций Большое Жюри учитывает положения Кодекса профессиональной этики журналистов, принятого IV съездом Союза журналистов России, а также кодексов журналистской этики, действующих в данном регионе, редакционном коллективе или ином объединении журналистов.

1.6. Рассмотрение конфликтных ситуаций в Большом Жюри проходит в обстановке гласности, если на основании мотивированного требования одной из сторон Большое Жюри не придет к выводу о целесообразности его проведения в обстановке конфиденциальности.

1.7. Большое Жюри в своей деятельности преследует следующие цели:

1.7.1. Формирование культуры профессиональной и честной журналистики;

1.7.2. Восстановление и укрепление доверия к средствам массовой информации;

1.7.3. Укрепление свободы массовой информации в Российской Федерации;

1.7.4. Защита профессиональной независимости и издательско-редакционной свободы в средствах массовой информации;

1.7.5. Адаптация международно признанных правил поведения журналистов с учетом особенностей становления рыночной экономики, структурирования гражданского общества в России и появления новых информационных и коммуникационных технологий, имея в виду перспективу кодификации корпоративных норм профессиональной деятельности в рамках Союза журналистов России;

1.7.6. Укоренение в журналистской среде идеалов толерантности в контексте предотвращения опасностей, связанных с предрассудками и дискриминацией, ксенофобией, агрессивным национализмом, этнической и религиозной разобщенностью;

1.7.7. Противодействие политическому и другим формам экстремизма в СМИ;

1.7.8. Содействие большей прозрачности экономических отношений в сфере СМИ, в особенности касательно собственности на средства массовой информации;

1.7.9. Противодействие чрезмерной концентрации собственности на средства массовой информации и осуществлению иного контроля, ограничивающего плюрализм, в том числе со стороны государства.

1.8. Рассматривая конфликтные ситуации, Большое Жюри стремится к следующему:

1.8.1. Установлению конструктивного диалога между участниками конфликта в обстановке состязательности и равноправия сторон;

1.8.2. Осознанию участниками конфликта международно признанных правил поведения журналистов и необходимости следования им в повседневной практике СМИ;

1.8.3. Точной квалификации оспариваемых действий и формулированию решений, пригодных для последующей их систематизации в качестве прецедентов.

Статья 2. СОСТАВ БОЛЬШОГО ЖЮРИ

2.1. Большое Жюри возглавляют два сопредседателя, избираемые Съездом Союза журналистов России.

2.2. Состав Большого Жюри формируется его сопредседателями на основе предложений журналистских организаций и утверждается Федеративным Советом Союза журналистов России.

2.3. В составе Большого Жюри могут быть авторитетные члены Союза журналистов России, обладающие безупречной репутацией и известные в журналистском сообществе высокими морально-этическими качествами.

2.4. Лауреаты премий Союза журналистов СССР и Союза журналистов России участвуют в работе Большого Жюри по праву.

2.5. Члены Большого Жюри осуществляют свою деятельность на общественных началах.

2.6. Для рассмотрения отдельных конфликтных ситуаций могут быть образованы коллегии ad hoc Большого Жюри. Коллегия считается правомочной при наличии в ее составе не менее пяти членов Большого Жюри. Одновременно могут действовать несколько коллегий.

2.6.1. Коллегия тайным голосованием избирает из своего состава председательствующего. Если в составе коллегии принимает участие один из сопредседателей Большого Жюри, то он является председательствующим по праву. Если в составе коллегии участвуют оба сопредседателя Большого Жюри, то они сами определяют, кто из них будет председательствовать в данной коллегии.

2.6.2. За каждым членом Большого Жюри признается право отказаться от вхождения в состав коллегии при наличии обстоятельств, способных поставить под сомнение его беспристрастность в отношении рассматриваемой коллегией конфликтной ситуации.

2.7. За каждым членом Большого Жюри признается право на добровольную отставку.

Статья 3. РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

3.1. Рассмотрение конфликтных ситуаций в Большом Жюри ведется на русском языке.

3.2. Заседание Большого Жюри правомочно, если на нем присутствуют не менее 2/3 избранных в его состав членов.

3.3. Заседание коллегии Большого Жюри правомочно, если на нем присутствуют не менее 5 членов Большого Жюри.

3.4. Заявление с просьбой о рассмотрении конфликтной ситуации подается в Большое Жюри в письменной форме и удовлетворяется коллегией в разумно короткий срок,

необходимый для ее созыва, изучения обстоятельств конфликта и приглашения всех заинтересованных лиц.

3.5. При рассмотрении конфликтной ситуации в отсутствие заинтересованных лиц Большое Жюри ограничивается исследованием представленных ими аргументов и выносит решение, именуемое заочным.

3.6. Большое Жюри вправе отказаться от рассмотрения конфликтной ситуации по существу, если сочтет это выходящим за пределы компетенции Большого Жюри и/или не соответствующим целям деятельности Большого Жюри, а также в случае, если конфликт уже урегулирован.

3.7. Все вопросы решаются Большим Жюри, как правило, консенсусом. В случае голосования сопредседатели голосуют последними.

3.8. Коллегия Большого Жюри принимает решения путем голосования. В случае равенства голосов голос председательствующего является решающим.

Статья 4. ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

4.1. По итогам рассмотрения конфликтной ситуации по существу Большое Жюри принимает решение.

4.2. Решение подписывается всеми членами Большого Жюри, участвовавшими в рассмотрении конфликтной ситуации.

4.3. Большое Жюри облакает свое решение в ту форму, которую сочтет адекватной характеру рассматриваемой конфликтной ситуации.

Большое Жюри вправе пересмотреть любое свое решение.

4.3.1. Если решение коллегии Большого Жюри было принято консенсусом, то его пересмотр может быть осуществлен также только консенсусом коллегией того же состава либо коллегией большего состава при участии в ее составе всех членов Большого Жюри, участвовавших в предыдущем рассмотрении конфликтной ситуации по существу.

4.3.2. Большое Жюри на своем заседании, отвечающем требованиям пункта 3.2. настоящего Положения, вправе пересмотреть любое решение, принятое коллегией.

Статья 5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Настоящее Положение принято Секретариатом Союза журналистов России на его заседании 5 ноября 1998 года, введено в действие на экспериментальной основе и утверждено 5 февраля 1999 года Федеративным Советом Союза журналистов России в качестве рамочного документа, определяющего основы статуса Большого Жюри.